

Ю. Кривчик • КАМЕЙДОСКОП

Ю. Кривчик

Ф. Кривин

КАМЕЙДОСКОП

Из книг:

В СТРАНЕ ВЕЩЕЙ
ВОКРУГ КАПУСТЫ
КАРМАННАЯ ШКОЛА
ПОЛУСКАЗКИ

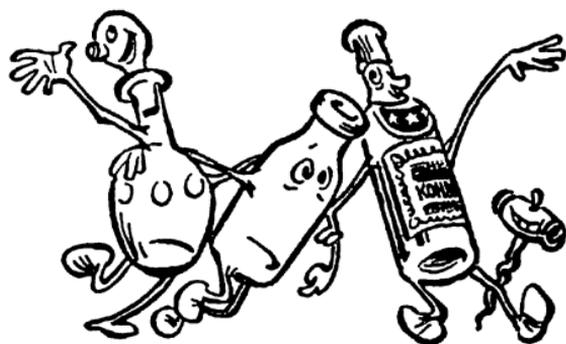
ИЗДАТЕЛЬСТВО „КАРПАТЫ“
УЖГОРОД • 1965

P2
K82

В этой книге действуют вещи. Большие вещи, как дом, и совсем маленькие, как песчинка. Но ведь в калейдоскопе жизни самые незначительные вещи приобретают подчас важное значение. Нужно только относиться к ним с умом и тем чувством, которое мы обычно называем чувством юмора.

КИЕВСКАЯ КНИЖНАЯ ФАБРИКА

В СТРАНЕ ВЕЩЕЙ

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ ВЕЩЕЙ

В доме все спало, только часы тикали на стене. У меня почему-то пропал сон, я лежал, прислушивался к ночным звукам и гадал, скоро ли утро.

— Тик-так, тик-так, — выстукивали часы.

Голос их казался усталым, безрадостным. И когда я вслушался в него хорошенько, то оказалось, что говорили часы вовсе не «тик-так».

— Ох-ах, ох-ах, ох-ах! — Это я теперь ясно слышал.

А потом Часы заговорили по-настоящему.

— Ох и жизнь каторжная! — жаловались они. — Круглые сутки покоя не знаешь, бегаешь, суетишься, а тут еще гирию эту подвесили — для чего, спрашивается? Без нее бы, небось, легче было!

Я думал, что Часы разговаривают сами с собой. Но оказалось, у них был собеседник. Этажерка, стоявшая под ними, проскрипела:

— Не волнуйтесь, я вам помогу, я вас сейчас освобожу от гири.

«Как же она освободит их? — подумал я и тотчас вспомнил: — Ну, да! Я забыл вечером подтянуть гирию, сейчас она спустится на Этажерку, и тогда Часы освободятся от ее тяжести».

Так оно, вероятно, и случилось, потому что вскоре голос Часов ослабел, и я услышал совсем другое:

— Ох, ох, умираем, ох, сердце останавливается, помогите!

Я вскочил, подтянул гирию, и Часы опять завели свою песенку: «Тик-так, тик-так».

Потом я лежал и думал о чудачестве Часов, которые захотели освободиться от своей гири. И еще я думал о людях, которые, подобно этим Часам, мечтают, как бы освободиться от того, что кажется им лишним грузом.

С тех пор я привык по ночам прислушиваться к жизни вещей. Я узнал, что Подушка недовольна своим мягким характером, что Старую Туфлю никто не любит за то, что она задирает нос, а вот Парень Гвоздь — очень хороший, свой парень.

И теперь мне захотелось написать об этом. Мне кажется, что людям будет полезно узнать кое-что о жизни вещей, которые их окружают.

ЯЩИК

Вы, конечно, слышали о Ящике, о простом фанерном Ящике, который долгое время был у всех на полках, а потом, испещренный со всех сторон адресами, настолько повысил свое образование, что его перевели в кладовку на должность главного кладовщика.

Работа, как говорят, не пыльная. Правда, если приглядеться поближе, пыли в кладовке всегда хватало, но зато у Ящика здесь, даже при полной темноте, было настолько видное положение, что он сразу оказался в центре внимания. На полках, на окне, на столе и на табуретках — всюду у Ящика появились приятели.

— Вы столько изъездили! — дребезжали приятели. — Расскажите, пожалуйста, где вы побывали.

И Ящик зачитывал им все адреса, которые были написаны у него на крышках.

С каждым днем беседа оживлялась, и вот уже Ящик,

совершенно освоившись в новой компании, затянул свою любимую песню:

Когда я на почте служил ящиком...

Все давно перешли на ты, и ничего особенного, конечно, в том не было, что Клещи, отведя Ящик в сторонку, спросили у него совершенно по-дружески:

— Послушай, Ящик, у тебя не найдется лишнего гвоздика?

Нет, лишнего гвоздика у Ящика не было, но ведь дружба — сами понимаете.

— Сколько надо? — щедро спросил Ящик. — Сейчас вытяну.

— Не беспокойся, мы сами вытянем...

Когда я на почте...

— пел Ящик, развалясь посреди чулана. Он потерял половину гвоздей, но еще неплохо держался. Это отметили даже Плоскогубцы.

— Ты, брат, молодец! — сказали Плоскогубцы и добавили как бы между прочим: — Сообрази-ка для нас пару гвоздиков!

Еще бы! Чтобы молодец — да не сообразил! Ящик сделал широкий жест, и Плоскогубцы вытащили из него последние гвозди.

— Эх и Ящик! Ай да Ящик! — восхищались чуланные приятели. И вдруг спохватились: — Собственно, почему Ящик? Никакого ящика здесь нет.

Да, Ящика больше не было. На полу лежали куски фанеры

— Здорово он нас провел! — сказали Клещи. — Выдавал себя за Ящик, а мы и уши развесили...

— И помните? — съязвили Плоскогубцы. — «Когда я на почте служил ящиком!..» Ручаемся, что это служил не он, да и не на почте, да и не ящиком, да и вообще нет такой песни.

Последние слова Плоскогубцев прозвучали особенно убедительно.

— Нет такой песни! — подхватили обитатели чулана. — Нет такой песни и никогда не было!

АДМИНИСТРАТИВНОЕ РВЕНИЕ

Расческа, очень неровная в обращении с волосами, развивала бурную деятельность. И дошло до того, что, явившись однажды на свое рабочее место, Расческа оторопела:

— Ну вот, пожалуйста: всего три волоска осталось! С кем же прикажете работать?

Никто ей не ответил, только Лысина грустно улыбнулась. И в этой улыбке, как в зеркале, отразился результат многолетних Расческиных трудов на поприще шевелюры.

КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ

— Уголь — это краеугольный камень отопительного сезона, — говорил Кусок Угля своим товарищам по сараю. — Мы несем в мир тепло — что может быть лучше этого? И пусть мы сгорим, друзья, но мы сгорим недаром!

Зима была суровой, тепла не хватало, и все товарищи Куска Угля сгорели. Не сгорел только он сам и на следующий год говорил своим новым товарищам по сараю:

— ...Мы несем в мир тепло — что может быть лучше этого? И пусть мы сгорим...

Краеугольный Камень оказался камнем обыкновенным.

СИЛА УБЕЖДЕНИЯ

— Помещение должно быть открыто, — глубоко-мысленно замечает Дверная Ручка, когда открывают дверь.

— Помещение должно быть закрыто, — философски заключает она, когда дверь закрывают.

Убеждение Дверной Ручки зависит от того, кто на нее нажимает.

НЕВИННАЯ БУТЫЛКА

Бутылку судили за пьянство, а она оказалась невинной.

Суд, конечно, был не настоящий, а товарищеский, — за пьянство, как известно, не судят. Но для Бутылки и этого было достаточно.

Больше всех возмущались Бокал и Рюмка. Бокал призывал присутствующих «трезво взглянуть на вещи», а Рюмка просила скорей кончать, потому что она, Рюмка, не выносит запаха алкоголя.

А потом вдруг выяснилось, что Бутылка — не виновная. Это со всей очевидностью доказала свидетельница Соска, которой приходилось постоянно сталкиваться с Бутылкой по работе.

Все сразу почувствовали себя неловко. Никто не знал, что говорить, что делать, и только Штопор (который умел выкрутиться из любого положения) весело крикнул:

— Братцы, да ведь нужно отметить это событие! Пошли, я угощаю!

И он повел всю компанию к своему старому другу Бочонку. Здесь было очень весело, Рюмка и Бокал ежеминутно чокались с Бутылкой, и она вскоре набралась по самое горлышко.

И все от души радовались тому, что Бутылка, которую они еще недавно так строго судили за пьянство, — совершенно невинная...

ОКУРОК

Попав на тротуар, Окурочок огляделся по сторонам и, не найдя ничего примечательного, недовольно подумал: «Обстановочка! И надо же было моему болвану выплюнуть меня именно в этом месте!»

Окурочок занялся рассматриванием прохожих, и настроение его заметно улучшилось.

— Эге, да здесь, я вижу, довольно смазливые туфельки есть! — воскликнул он и тут же прицепился к одной из них.

— Отстаньте, нахал! — возмутилась Туфелька. — Я вас совсем не знаю!

— Хе-хе-хе! — ухмыльнулся Окурочок. — Можно и познакомиться.

А когда Туфелька его стряхнула, Окурочок прицепился к старому Ботинку:

— Все еще скрипишь, папаша? Не пора ли в утильсырье?

Тут-то и появилась Метла. Сметая все на своем пути, она приближалась к Окурочку.

— Пройдемте, — сказала Метла.

— Пройдемте, — сказал Окурочок. — Только учтите, что я из именного портсигара.

...Окурочок лежал, выбирая, к кому бы еще прицепиться.

...Метла удалялась, сметая все на своем пути.

ПОГРЕМУШКА

— Нужно быть проще, доходчивее, — наставляет Скрипку Погремушка. — Меня, например, всегда слушают с удовольствием. Даже дети, и те понимают!

РЕШЕТКА

Тюремная Решетка знает жизнь вдоль и поперек, поэтому она так легко все перечеркивает.

Конечно, к ней тоже нужно иметь подход. Если вы подойдете к ней снаружи, она перечеркнет свою камеру, а если, не дай бог, подойдете к ней изнутри — она перечеркнет весь мир, и с этим вам нелегко будет примириться.

Удивительно устроена эта Решетка: она может перечеркивать все, что угодно, и при этом твердо стоять на своих позициях.

ПРОБЛЕМА ЛОМАНОГО ГРОША

Неизвестно, кто первый высказал мысль, что в расположении комнаты находится Ломаный Грош. Как бы то ни было, решено было его найти.

Старший Советник Всевозможных Дел Молоток в ударном порядке стал снаряжать экспедицию. Специально для этой цели из стены был отозван Гвоздь, который раньше поддерживал там Вешалку. Вешалка рухнула, но не похоронила под собой блестящей идеи отыскания Ломаного Гроша.

Стали подбирать других членов экспедиции. Кто-то высказался за кандидатуру Веника, «который превосходно знает местность и у которого специальное образование». Но эту кандидатуру сейчас же отвергли по вполне понятной причине: у Веника родственница в передней — Половая Тряпка. А у Половой Тряпки, как известно, подмоченная репутация.

После долгих раздумий и советов в экспедицию попали три члена: кристально чистый стакан, полированный шкаф и Плевательница. Последняя хоть и не была особенно чиста, но за нее ручался кристально чистый стакан.

Экспедиция работала долго, но безуспешно. Стакан

в самом начале розысков разбился где-то под кроватью, Шкаф принимал участие в экспедиции только косвенно, давая разные советы, потому что не мог без посторонней помощи сдвинуться с места, а Плевательница хоть и могла сдвинуться, да не хотела, так как отнеслась к делу несерьезно и наплевательски.

Начали искать новых кристально чистых членов экспедиции, в результате чего все стаканы, чашки, тарелки и блюда закончили свое существование на славном поприще отыскания Ломаного Гроша.

Веник, которому прибавилось работы — убирать останки мучеников науки, решил покончить с этой историей, и сам, не включаясь ни в какие экспедиции, нашел то, что все так долго искали.

Ломаный Грош найден!

Но теперь возникла новая забота — что с ним делать, зачем он нужен?

Об этом раньше, в суматохе поисков, как-то не успели подумать.

ЮБИЛЕЙ

Юбилей Термоса.

Говорит Графин:

— Мы собрались, друзья, чтобы отметить славную годовщину нашего уважаемого друга! (Одобрительный звон бокалов и рюмок.) Наш Термос блестяще проявил себя на поприще чая. Он сумел пронести свое тепло, не растрачивая его по мелочам. И это по достоинству оценили мы, благодарные современники: графины, бокалы, рюмки, а также чайные стаканы, которые, к сожалению, здесь не присутствуют.

ФОНАРНЫЙ СТОЛБ

Закончив высшее образование в лесу, Дуб, вместо того чтобы ехать на стройку, решил пустить корни в городе. И так как других свободных мест не нашлось, он устроился на должность Фонарного Столба в городском парке, в самом темном уголке — настоящем заповеднике влюбленных.

Фонарный Столб взялся за дело с огоньком и так ярко осветил это прежде укромное место, что ни одного влюбленного там не осталось.

— И это молодежь! — сокрушался Столб. — И это молодежь, которая, казалось бы, должна тянуться к свету! Какая темнота, какая неотесанность!

ЛОСКУТ

— Покрасьте меня, — просит Лоскут. — Я уже себе и палку подобрал для дровка. Остается только покраситься.

— В какой же тебя цвет — в зеленый, черный, оранжевый?

— Я плохо разбираюсь в цветах, — мнется Лоскут. — Мне бы только стать знаменем.

ПРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ КНИЖКА

Книжка называлась так: «Нужно быть послушным». В ней было все, что может заинтересовать ребенка, который всерьез решил стать взрослым человеком.

Когда владелец Книжки ушел в детский сад, она спустилась со своей этажерки и стала не спеша прогуливаться по комнате.

Первым, кто повстречался ей, был отрывной Календарь. В нем уже почти не осталось листков (потому что дело было в декабре), но он не смущался этим и даже был, по-видимому, весел.

— Негодные дети! — возмутилась Книжка. — Разве можно так книги рвать?

Календарь только усмехнулся.

Но Книжка его не поняла: в ней ничего не говорилось о календарях. Поэтому она, проворчав себе под нос что-то нравоучительное, отправилась дальше.

На письменном столе она увидела Пресс-папье.

— Грязнуля, — сказала Книжка. — Посмотри, ты весь в чернилах!

Затем она долго отчитывала Форточку за то, что та выглядывает на улицу (можно простудиться!), объясняла Маятнику, что не следует бегать взад-вперед, Графину — что нельзя баловаться с водой, и так далее.

Хорошо, что на ее слова никто не обращал внимания.

А если бы ее послушали?

ВЕЧЕРНИЙ ЧАЙ

Когда Чайник, окончив свою кипучую деятельность на кухне, появляется в комнате, на столе все приходит в движение. Весело звенят, приветствуя его, чашки и ложки, почтительно снимает крышку Сахарница. И только старая плюшевая Скатерть презрительно морщится и спешит убраться со стола, спасая свою незапятнанную репутацию.

КАРТИНА

Картина дает оценку живой природе:
— Все это, конечно, ничего — и фон, и перспектива. Но ведь нужно же знать какие-то рамки!

ГИПС

Он мягкий, теплый, податливый, он так и просится в руки тех, кто может устроить его судьбу. В это время он даже не брезгает черной работой — шпаклевкой.

Но вот он находит свою щель, пролезает в нее, устраивается прочно и удобно.

И сразу в характере его появляются новые черты: холодность, сухость и упрямая твердость.

ИДЕАЛЫ

— Я, пожалуй, останусь здесь, — сказала Подошва, отрываясь от Ботинок.

— Брось, пошляемся еще! — предложил Ботинок.

— Все равно делать нечего.

Но Подошва совсем раскисла.

— Я больше не могу, — сказала она, — у меня растоптаны все идеалы.

— Подумаешь, идеалы! — воскликнул Ботинок. — Какие могут быть в наш век идеалы?

И он зашлепал дальше. Изящный Ботинок. Модный Ботинок. Без подошвы.

УДОСТОВЕРЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

— Табуретка! Табуретка! — позвал кто-то из комнаты.

Только что купленная Электрическая Лампочка испугалась: она лежала в кухне на Табуретке и могла разбиться, если бы Табуретке вздумалось сдвинуться с места. Поэтому Лампочка откликнулась:

— Кому там нужна Табуретка? В чем дело?

Чайник, который всюду совал свой нос, услышал это и удивился. «Какая странная Табуретка!» — подумал он, глядя на Электрическую Лампочку.

Когда стемнело, Лампочка решила, что пора ей приступить к своим обязанностям.

— Я хочу устроиться к вам на работу, — обратилась она к Пустому Патрону.

Пустой Патрон только собирался с мыслями, а Чайник уже сунул свой нос:

— Вы — на работу к Патрону? Ха-ха! Ведь вы же не Лампочка, вы же Табуретка!

— Какие глупости! — возмутилась Лампочка. — Меня можно проверить на работе. Во мне целых двести свечей.

— Ишь ты, проверить! — ухмыльнулся Чайник. — Ты справку представь. Удостоверение личности. С круглой печатью.

— Правильно! Нечего тут! — вмешался Электрический Утюг. Он был лицом заинтересованным, поскольку сам работал в этой сети благодаря своему другу Жулику.

Пустой Патрон все еще не успел собраться с мыслями, поэтому он произнес рассеянно:

— Да, да, пожалуйста... С круглой печатью.

МЕМОУАРЫ

Жили на письменном столе два приятеля-карандаша — Тупой и Острый. Острый Карандаш трудился с утра до вечера: его и строгали, и ломали, и в работе не щадили. А к Тупому Карандашу и вовсе не притрагивались: раз попробовали его вовлечь, да сердце у него оказалось твердое. А от твердого сердца ни в каком деле толку не жди.

Смотрит Тупой Карандаш, как его товарищ трудится, и говорит:

— И чего ты маешься? Разве тебе больше всех надо?

— Да нет, не больше. Просто самому интересно.

— Интересно-то интересно, да здоровье дороже. Ты погляди, на кого ты похож: от тебя почти ничего не осталось.

— Ну, это не беда! Меня еще не на одну тетрадь хватит!

Но проходит время, и от Острого Карандаша действительно ничего не остается. Его заменяют другие острые карандаши, и они с большой любовью отзываются о своем предшественнике.

— Я его лично знал! — гордо заявляет Тупой Карандаш. — Это был мой лучший друг, можете мне поверить!

— Вы его знали? Вы были с ним дружны? Может быть, вы напишете мемуары?

И Тупой Карандаш пишет мемуары.

Конечно, пишет он их не сам — для этого он слишком тупой. Острые карандаши задают ему наводящие вопросы и записывают события с его слов. Это очень трудно: Тупой Карандаш многое забыл, многое перепутал, а многое просто передать не умеет. Приходится острым карандашам самим разбираться — подправлять, добавлять, переиначивать.

А если что выходит не так — тут уж ничего не попишешь...

ОРЕХИ

Встретились два ореха — стук-постук! — наступались, натрещались вволю, и каждый покатился в свою сторону. Катятся и думают:

ПЕРВЫЙ ОРЕХ. Ужас, до чего развелось пустых орехов! Сколько живу, ни одного полного не встречал.

ВТОРОЙ ОРЕХ. И как они, эти пустые орехи, маскируются? На вид посмотришь — нормальный орех, но уже с первого звука ясно, что он собой представляет!

ПЕРВЫЙ ОРЕХ. Хоть бы с кем-нибудь потрещать по-настоящему!

ВТОРОЙ ОРЕХ. Хоть бы от кого-нибудь услышать приличный звук!

Катятся орехи, и каждый думает о пустоте другого.

А о чем еще могут думать пустые орехи?

СОФА ДИВАНОВНА

По происхождению она — Кушетка, но сама ни за что не признается в этом. Теперь она не Кушетка, а Софа, для малознакомых — Софа Дивановна.

Отец ее — простой Диван — всю жизнь гнул спинку, но теперь это не модно, и Софа отказалась от спинки, а заодно и от других устаревших понятий.

Ни спинки, ни валиков, ни прочной обивки... Таковы они, диваны, не помнящие родства...

ЖИТЕЙСКАЯ МУДРОСТЬ

— Подумать только, какие безобразия в мире творятся! — возмущается под прилавком Авторучка. — Я один день здесь побыла, а уже чего не увидела! Но подождите, я напишу, я обо всем напишу правду!

А старый Электрический Чайник, который каждый день покупали и всякий раз из-за его негодности приносили обратно, — старый Электрический Чайник, не постигший сложной мудрости кипячения чая, но зато усвоивший житейскую мудрость, устало зевнул в ответ:

— Торопись, торопись написать свою правду, пока тебя еще не купили...

КРЕСЛО

Важное Кресло, солидное Кресло, оно предупредительно поддается, сжимается, когда на него садятся, а когда встают, — распрямляется, надменно поглядывает на окружающих, красноречиво демонстрируя свое независимое положение.

НА СТРАЖЕ МОРАЛИ

Ломик приблизился к Дверце сейфа и представился:

— Я — Лом. А вы кто? Откройтесь!

Дверца молчала, но Ломик был достаточно опытен в таких делах. Он знал, что скрывается за этой внешней замкнутостью, а потому без лишних церемоний взялся за Дверцу...

— Отстаньте, хулиган! — визжала Дверца.

— Брось выламываться! Знаем тебя!

За этой сценой с интересом наблюдала Телефонная Трубка. Первым ее движением было позвонить и сообщить куда следует, но потом она подумала, что не стоит связываться, да к тому же интересно было узнать, чем кончится эта история.

А когда все кончилось, Телефонная Трубка принялась всюду звонить:

— Наша-то недотрога! Делает вид, будто так уж верна своему Ключу, а на самом деле...

ПЕСТ В ОТСТАВКЕ

Старый, разбитый Пест, не пригодный к дальнейшей работе в ступке, остался на кухне в качестве разнобочего: забивает гвозди, взвешивает продукты, выполняет различные мелкие поручения. Он значительно подобрел и даже подружился с Рафинадом, к которому прежде не знал снисхождения.

— Я понимаю, как вам приходилось несладко, — говорит он кусочкам сахара. — Жизнь меня многому научила.

Но если бы жизнь, о которой говорит Пест, научила его вернуться в ступку...

Впрочем, пусть об этом беспокоится Сахар.

ТРЕЩИНА

Когда стали заселять новый дом, первой в нем поселилась Трещина.

С высоты своего потолка она оглядела отведенную ей комнату и презрительно сплюнула штукатуркой.

— Ерунда! И это называется — новый дом!

— Чего вы плюетесь? — проскрипела Половица,

приподымаясь. — Не нравится — не надо было все-
ляться.

— А если я хочу в новый дом? Сейчас все тянут-
ся к новому — с какой стати мне отставать от жизни!

Трещина сказала — как припечатала. Потому что
при последних словах из нее вывалился такой Кусок
Штукатурки, который сразу поставил Половицу на
место.

«Ишь ты, заступник нашелся! С такими повадками,
глядишь, дом и вовсе развалится!»

Так подумали окна и двери, которые не каждому
открывались и поэтому вслух своего мнения не выска-
зывали: кому охота, как Половица, получить за Тре-
щину?

ГИРЯ

Понимая, что в делах торговли она имеет некото-
рый вес, Гиря восседала на чаше весов, иронически по-
глядывая на продукты:

— Посмотрим, посмотрим, кто перетянет!

Чаще всего вес оказывался одинаковым, но иногда
случалось, что перетягивала Гиря. И — вот чего Гиря
не могла понять! — покупателей это вовсе не радовало.

«Ну, ничего! — ободряла она себя. — Продукты
приходят и уходят, а гири остаются!».

В этом смысле у Гири была железная логика.

ПРОБОЧНОЕ ВОСПИТАНИЕ

В семье Сверла радостное событие: сын родился.

Родители не налюбуются отпрыском, соседи смотря
— удивляются: вылитый отец!

И назвали сына Штопором.

Время идет, крепнет Штопор, мужает. Ему бы настоящее дело изучить, на металле себя попробовать (Сверла ведь все потомственные металлисты), да родители не дают: молод еще, пусть сперва на чем-нибудь мягоньком поучится.

Носит отец домой пробки — специальные пробки, утвержденные министерством просвещения, — и на них учится Штопор сверлильному мастерству.

Вот так и воспитывается сын Сверла — на пробках. Когда же приходит пора и пробуют дать ему чего-нибудь потверже (посверли, мол, уже научился!) — куда там! Штопор и слушать не хочет! Начинает сам для себя пробки искать, к бутылкам присматривается.

Удивляются старые Сверла: и как это их сын от рук отбился?

ПЕЧНАЯ ТРУБА

С точки зрения Печной Трубы, у всех ее кухонных домохозяев довольно-таки нелепые заботы. Кран с утра до вечера наполняет водой одни и те же ведра, Газовая Плита подогревает одни и те же кастрюли, чайники и сковородки, Топор, кроме дров, ничего не хочет рубить.

И только Печная Труба стоит выше этих узких кухонных интересов: она снабжает дымом всю вселенную.

РАЗГОВОР ОБ ИСКУССТВЕ

Болтаясь без дела на макушке модной шапочки, Кисточка попала в картинную галерею и сразу привлекла внимание нескольких скучающих шляпок.

— Как она шикарна! — заволновались шляпки. — Как оригинальна!

— Знаете, это родственница знаменитой Кисти!

— Да что вы! Какой контраст!

— Я всегда говорила, что в нашей хваленой Кисти нет ничего особенного. Три волоска, перепачканные краской, — вот и вся ее красота. Но вы же знаете — вкусы публики!

— Смотрите, смотрите! Эта маленькая Кисточка просто великолепна. Обратите внимание на ее прическу...

Нашлось немало дельных замечаний по этому поводу, и начался оживленный, увлекательный разговор.

Шляпки были очень довольны, что здесь, в картинной галерее, нашелся наконец предмет, о котором они могли судить вполне квалифицированно.

СВЕТИЛО

В магазине электроприборов Люстра пользовалась большим уважением.

— Ей бы только добраться до своего потолка, — говорили настольные лампы. — Тогда в мире сразу станет светлее.

И долго еще, уже заняв места на рабочих столах, настольные лампы вспоминали о своей знаменитой землячке, которая теперь — ого! — стала большим светилком.

А Люстра между тем дни и ночи проводила в ресторане. Устроилась она неплохо, в самом центре потолка, и, ослепленная собственным блеском, прожигала за вечер столько, сколько настольным лампам хватило бы на всю жизнь.

Но от этого в мире не стало светлее.

КОЛУН

Колун оценивает работу Рубанка:

— Все хорошо, — одобряет он, — остается устранить некоторые шероховатости. Я бы, например, сделал вот что...

Колун берет разгон и привычным взмахом делит полено на две части.

— Вот теперь гораздо лучше, — удовлетворенно замечает он. — Но это еще не все.

Колун работает с увлечением, и вскоре от полена остаются одни щепы.

— Так и продолжайте, — говорит он Рубанку. — Я уверен, что с этим поленом у вас получится.

— С каким поленом? — недоумевает Рубанок. — Ведь от него ничего не осталось!

— Гм... Не осталось? Ну что ж! Тогда возьмите другое полено. Важно, чтобы вы усвоили принцип. А если будут какие-то шероховатости, — не стесняйтесь, прямо обращайтесь ко мне. Я помогу. Ну, действуйте!

ПЛОМБА

Свинцовая Пломбочка и мала, и неприметна, а все считаются с ней. Даже могучие стальные замки нередко ищут у нее покровительства.

И это понятно: у Пломбочки хоть и веревочные, но достаточно крепкие связи.

КОПИЛКА

— Учитесь жить! — наставляла глиняная Копилка своих соседей по квартире. — Вот я, например: занимаю видное положение, ничего не делаю, а деньги — так и сыплются.

Но сколько бы денег ни бросали в Копилку, ей все казалось мало.

— Еще бы пятак! — вызывала она. — Еще бы гривенник!

Однажды, когда Копилка была уже полна, в нее попытались засунуть еще одну монету. Монета не лезла, и Копилка очень волновалась, что эти деньги достанутся не ей. Но хозяин рассудил иначе: он взял молоток и...

В один миг лишилась Копилка и денег и видного положения.

ПЕНЬ

Пень стоял у самой дороги, и прохожие часто спотыкались об него.

— Не все сразу, не все сразу, — недовольно скрипел Пень. — Приму сколько успею: не могу же я разорваться на части! Ну и народ — шагу без меня ступить не могут!

ЧЕРНИЛЬНИЦА ИЗУЧАЕТ ЖИЗНЬ

Чернильница случайно попала на кухню. Известно, что у Чернильницы в голове вместо ума — чернила, поэтому она и начала хвастаться.

— Я писательница, — заявила она обитателям кухни. — Я приехала сюда изучать вашу жизнь.

Примус почтительно кашлянул, а Чайник вскипел:

— Нечего нас изучать! Заботились бы о том, чтобы нам лучше жилось. Меня вон больше месяца уже не чистили!

— Не горячись, — успокоил его Холодильник. —

Горячность — это порок. Пусть лучше гражданка Чернильница толком объяснит, что она от нас хочет.

— Я хочу, чтобы каждый из вас рассказал мне что-нибудь о себе или о своих знакомых. Я это все обдумую, а потом напишу книжку.

Так сказала Чернильница. Мы-то прекрасно знаем, что в голове у нее вместо ума чернила, а в кухне этого никто не знал. Все поверили Чернильнице, что она обдумает.

Водопроводный Кран уже заранее захлебывался от смеха, вспоминая историю, которую собирался рассказать, а Чайник думал: «Может быть, меня после этой книжки почистят».

Таким образом было решено рассказать Чернильнице несколько интересных историй.

ОГАРОК

— Жил-был Огарок, — начала свой рассказ Терка. — Он горел ярким пламенем, и все тянулись к нему, потому что свет всегда приятней мрака. Огарок радовался, видя, как все к нему тянутся, и от этого пламя его становилось еще ярче.

Но вот однажды на свет прилетел какой-то Жук. Он подлетел слишком близко к огню и, разумеется, обжег себе крылышки. Это его очень обозлило.

— Чтоб ты сгорел! — выругался он. — Собственно, при твоей прыти этого ждать недолго.

Жук улетел, а Огарок долго еще думал над его словами. «Действительно, — рассуждал он, — этак и не заметишь, как сгоришь. А для чего? С какой стати? Нет уж, хватит с меня этого горения. Пусть ищут других дураков».

И он погас.

Да только не нашел Огарок счастья, которого искал. На его место поставили большую, яркую Свечу, а его забросили куда-то за шкаф, где он очень страдал, потому что привык к славе — а какая же слава за шкафом!

Всем очень понравился рассказ Терки. Чернильница задала ей еще несколько вопросов, уточнила неко-

торые обстоятельства, а потом приготовилась слушать новый рассказ. На этот раз слово предоставили Водопроводному Крану.

КАК ПРОУЧИЛИ ПОМОЙНОЕ ВЕДРО

— В том углу, — начал Кран, — где сейчас находится специальный отлив для помоев, еще совсем недавно стояло Помойное Ведро. В него сливали всякую грязную воду, а потом куда-то выносили.

Понятно, что Помойному Ведру удалось повидать в жизни гораздо больше, чем любому из нас, потому что оно каждый день бывало за пределами кухни. Может, поэтому оно и заважничало.

«Ведь недаром же со мной так носятся!» — думало Помойное Ведро.

Однажды, вернувшись с очередной прогулки, Помойное Ведро сказала:

— Ох, что я видело! Во двор принесли несколько вазонов. Они совсем такие, как я, даже меньше, только в доньшках у них — маленькие отверстия. Говорят, что в эти вазоны посадят цветы и поставят их в комнаты.

В кухне каждый был занят своим делом, и никого не заинтересовали слова Помойного Ведро. А оно продолжало:

— Перейду и я в комнаты. Надоела мне ваша кухня.

И оно упросило Гвоздь, случайно попавший в него вместе с помоями, просверлить в его дне маленькую дырочку. Гвоздь с удовольствием выполнил эту просьбу.

— Вот теперь я — настоящий Вазон, — заявило Помойное Ведро. — Прощай, кухня!

И действительно, с кухней ему вскоре пришлось распрощаться.

Когда пришла хозяйка, все помещение было полно воды.

— Ведро течет, — сказала хозяйка. — Надо его выкинуть: больше оно ни на что не годно.

Помойное Ведро всхлупнуло от горя, услышав о

том, что его ждет. Оно уже не помышляло перебраться в комнаты, оно хотело остаться в кухне, продолжать собирать помои, но этого как раз Помойное Ведро теперь не умело делать.

— Вы, кажется, из кабинета? — спросил у Чернильницы Веник.

— Да, я там живу и работаю.

— Тогда вам должно быть известно, как в кабинете повесили Занавеску.

— Нет, что-то я такого не припоминаю.

— Не помните? Ну, тогда слушайте.

КАК ПОВЕСИЛИ ЗАНАВЕСКУ

Все были в смятении: Занавеску хотят повесить! Старый, дряхлый Чемодан и рваная комнатная Туфля долго, всесторонне обсуждали последнюю новость.

— Я лично с ней не знакома, — говорила Туфля, — но от других слыхала, что это вполне порядочная, честная Занавеска, которая никогда никому не делала зла.

— Уж если таких начинают вешать... — многозначительно вздохнул Чемодан.

Слова Чемодана испугали рваную Туфлю. А вдруг повесят и ее? Это было бы ужасно. Туфля сама никогда не висела, но от других слыхала, что это должно быть ужасно.

Подошла Половая Тряпка, вся мокрая, — очевидно, от слез. Потом приклепали Старые Калоши.

— Я всем сердцем любила несчастную, ведь она приходится мне родственницей. Можете не удивляться, если повесят и меня.

Так говорила Половая Тряпка. А Старые Калоши вдруг стали жаловаться, что их давно уже обещают починить и все не чинят.

Неизвестно, сколько бы все это продолжалось, если бы в разговор не вмешался Календарь. Он висел на стене и все слышал.

— Эх вы, старые сплетники, — сказал Календарь.

— Слышали звон, да не знаете, где он. Повесить За-

навеску — вовсе не значит ее казнить, а наоборот — дать ей жизнь полную, интересную, какую она заслуживает. А за себя не бойтесь, — закончил Календарь. — Вас могут выбросить, но никогда не повесят.

Тряпку обидели эти последние слова: она считала себя родственницей Занавески, — почему же ее должны обязательно выбросить? Чемодан был стар и ничего не услышал, а Туфля услышала, да не поняла.

Одни только Старые Калоши нашли что ответить Календарю:

— Если это правда, что вы сейчас сказали, то почему нас не чинят?..

ЧАСЫ

— Вы знаете, — сказала Канистра, — что в хорошей легковой машине всегда есть Часы. Машина идет — и они идут, машина стоит — а они все равно идут. Вот такие Часы были в одной «Победе».

«Победа» эта была чудесной машиной, очень быстрой, и все хвалили ее за это.

А Часы тикали себе помаленьку, и их не хвалил никто.

Понятно, что Часы завидовали машине. Они хотели показать, на что они способны, и потому стали идти быстрее, пока не ушли вперед почти на целый час.

Но их не похвалили, а, наоборот, выругали и отдали в починку.

Часы недоумевали: ведь они спешили так же добросовестно, как и машина, — за что же ими недовольны?

— Скверная история вышла с Часами, — заметил Котелок. — Но не лучше получилось и с Выключателем. Вот послушайте.

ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ.

Выключатель занимал на стене не особенно высокое положение, но возомнил о себе очень много. «Я, — решил он, — самостоятельная руководящая единица и не позволю каждому вертеть собой!»

Зажигают люди свет, — а он не зажигается. Гасят, — а он горит. Все наоборот. В чем дело?

Позвали монтера. Тот проверил все, осмотрел и говорит:

— Выключатель надо менять. Совсем испортился Выключатель.

Что ж, испорченный Выключатель сняли со стены, а вместо него поставили исправный.

— Что вы делаете? Какое вы имеете право? Я буду жаловаться! — возмущался Выключатель, когда его снимали.

А потом успокоился:

— Ничего, не пропадем. Нашего брата, руководящего, всюду нехватка. Вон и Солнце без руководства работает. Там меня с руками оторвут!

Но Солнце не нуждалось в руководстве, да и в других местах не нужен был испорченный Выключатель.

И остался Выключатель ни при чем. Ничего не проворачивал, не давал никаких руководящих указаний относительно света.

Впрочем, света от этого не убавилось, а даже, говорят, чуточку больше стало.

— Чих! Чих! Чих! Чих! — это расчихался Примус.

— Будьте здоровы! — вежливо сказал ему Котелок. — Если вы что-то хотели рассказать, то я уже кончил.

— Спасибо, — поблагодарил Примус. — Мне показалось, что запахло керосином. Вечно меня преследует этот запах!

— Так какую историю вы могли бы нам рассказать? — напомнила ему Чернильница.

Но Примус опять расчихался, и всем стало ясно, что толку от него ждать нечего.

— Тогда разрешите мне, — сказала Миска. — Если не возражаете, я расскажу вам историю Спички.

Против Спички никто возражать не стал, и Миска рассказала такую историю.

РОДНАЯ КОРОБКА

Жила на кухне маленькая Спичка.

Как и все спички, проживала она в спичечной коробке, как и все спички, должна была, когда придет время, что-нибудь зажечь, но смотрела она на жизнь не как все спички.

«Мне ли, — думала она, — мне ли, которая создана для того, чтобы нести в мир огонь, — лежать здесь, в тесной коробке? Здесь так много спичек, что среди них легко затеряться. А может случиться и так, что сгорю я, а меня примут совсем за другую спичку. Что тогда делать? Нет, уйду я отсюда, поищу себе места получше!»

Так она и сделала.

Дождавшись, когда открыли спичечную коробку, Спичка незаметно выскользнула из нее и с наступлением темноты двинулась в путь.

Долго шла Спичка. При ее небольшом росте кухня казалась ей огромной страной, и Спичка совсем выбилась из сил, пока добралась до кухонного шкафа.

— Здравствуйте, куда это вы в такую позднюю пору? — услышала Спичка незнакомый голос.

Это была Чайная Ложка. Ей не спалось: ее мучила изжога.

— А что это за края? — ответила Спичка вопросом на вопрос.

— Область кухонного шкафа, район второй полки, — объяснила Чайная Ложка и добавила, чтобы поддержать разговор: — А вы, видно, в наших краях впервые?

— Никогда даже не слыхала об этих местах. А что за народ здесь живет?

— Кого здесь только нет! Стаканы, чашки, тарелки, ножи, вилки, ложки — всех не перечтешь!

— Ну что ж, — немного помедлив, сказала Спичка, — это мне как будто подходит. Я останусь у вас. — И тут же представилась: — Спичка! Вероятно, слышали?

— Да нет, что-то не приходилось, — простодушно созналась Ложка.

— Ох ты, темнота какая! — возмутилась Спичка. — Неужели вы без огня живете?

— А нам огонь и не нужен. Это в области печки да еще в области потолка, в районе электрической лампочки, — там другое дело. А у нас от огня только пожара жди.

— Предрассудки! — небрежно бросила Спичка. — Вот я стану жить у вас, и вы узнаете, что такое огонь.

И Спичка поселилась в районе второй полки.

Сначала обитатели этого края были удивлены появлением Спички, но потом привыкли, и некоторые даже стали относиться к ней с почтением.

— Спичка не чета нам! — звенели чашки. — У нее большие возможности! Спичка даст нам огонь!

Между тем время шло, а Спичка все не совершала того, чего от нее ждали.

— Я дам огонь, я дам огонь! — твердила она, но — ничего не давала.

Да и не могла она ничего дать, потому что слишком далеко ушла от своей спичечной коробки.

* * *

Когда Миска окончила свой рассказ, а желающих занять ее место больше не нашлось, все стали просить Чернильницу, чтобы она рассказала что-нибудь. Но выяснилось, что Чернильница не захватила с собой никаких пособий и записей, а без них она не могла ничего рассказывать.

Чернильница сразу заторопилась и стала прощаться. Она еще раз пообещала написать книжку о том, что она здесь слышала.

И написала. Но так как в голове у нее были только чернила, то она, разумеется, все перепутала. Главным героем ее книжки стал испорченный Выключатель, а больше всего досталось Занавеске и Календарю.

Одно утешительно, что книжку Чернильницы никто не читал.

МОЛОКО

(СКАЗКИ-ПАРОДИИ)

1. БЕГЛЕЦЫ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Исторический роман

На обеденном столе собралось самое изысканное общество. Здесь были граф Ин, его кусочество Ломоть Белого Хлеба, его светлость Стакан. С минуты на минуту должно было прибыть Молоко.

Поэтому, когда на столе появился любимец общества атлет Котлета, его сразу же засыпали вопросами:

— Ваше сковородие, ну как там Молоко? Скоро прибудет?

— Все кончено! — мрачно сказал атлет Котлета, — Я вырвался из самого огня. Могу только утешить вас, что Молоку удалось сбежать...

2. ОПЕРАЦИЯ «МОЛОКО»

Детективная повесть

— Что нового в районе газовой плиты? — спросил Графин у своего помощника — Чайного Стакана.

— Молоко попало на горячем.

— Наконец-то! Уж теперь, надеюсь, оно от нас не уйдет! Вы должны разбиться, но не упустить его. Можете быть свободны.

Молоко сбежало. Стакан разбился. Задание было выполнено.

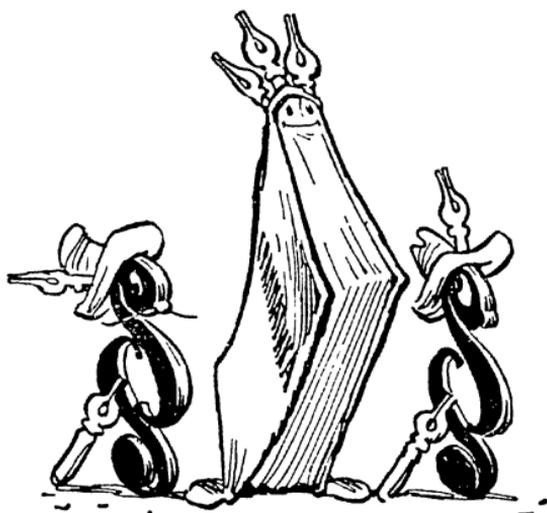
3. МОЛОКО И ЕГО ВРЕМЯ

Документальная повесть

Все было готово к ужину, но молоко, по недосмотру хозяйки, сбежало. Пришлось обойтись сухомяткой — подгоревшей котлетой с хлебом.

Все, что описано в этой повести, — подлинная правда.

КАРМАННАЯ ШКОЛА

ПРИНЦЕССА ГРАММАТИКА

Я познакомился с ней много лет назад, совершая свое первое путешествие по морям и континентам Знаний. Это, пожалуй, единственное путешествие, в которое отправляются все, даже самые закоренелые домоседы. Не все, правда, уходят далеко, многие ограничиваются ближайшими портами, но никто не остается на берегу.

Отправился я в плаванье вместе с веселой ватагой моих ровесников, которые теперь давно уже стали взрослыми людьми, бывалыми мореходами, открывшими немало прекрасных стран. Математика, Ботаника, Физика, История... Что из того, что эти страны были открыты задолго до нас? Мы впервые открыли их для себя, а значит, тоже были их открывателями.

После утомительного странствования по Алфавитным островам и долгой стоянки в порту Чистописания мы прибыли в большую страну, которой правила принцесса Грамматика.

Хорошо помню свой первый визит во дворец. Они вышли мне навстречу — принцесса и пара графов — Параграфов, находящихся при ней неотлучно. Принцесса осведомилась о моих успехах, а затем спросила, с какими из ее Параграфов я успел познакомиться. Услышав, что я не знаю ни одного, она хлопнула в ладоши — и в ту же минуту огромный зал дворца стали запол-

нять Параграфы. Их было много, наверное, несколько сот, и прибыли они из разных провинций — из Морфологии, Фонетики, Синтаксиса...

— Знакомьтесь, — сказала Грамматика, представляя меня Параграфам, и удалилась в свои покои.

Стал я знакомиться с Параграфами. Боже, до чего это был скучный, унылый народ! Каждый из них знал только свое правило и больше ничего знать не хотел.

— Я вам должен сказать, — говорил мне один Параграф, — что переносить нужно только по слогам.

— Да, да, очень приятно, — соглашался я, не зная, что ему ответить.

— Я бы не рекомендовал вам ставить мягкий знак после приставки, — степенно вступал в разговор другой Параграф.

— Конечно, само собой разумеется...

— И вот еще, — развивал свою мысль третий Параграф, — вводные слова выделяйте, пожалуйста, запятыми.

Этому знакомству, казалось, не будет конца. Я уже совсем не слушал, что говорили мне Параграфы, и когда Грамматика, вторично приняв меня, опять спросила о них, — ничего не смог ей ответить.

Принцесса хлопнула в ладоши, и в дверях появилась высокая строгая Единица.

— Проводите его к Параграфам, — приказала ей Грамматика.

И опять начались бесконечные, нудные разговоры. Каждый день Единица приводила меня к Параграфам, потом Единицу сменила Двойка, за ней — Тройка... Постепенно я все лучше узнавал Параграфы и даже стал привыкать к ним. Мне уже не казались скучными их правила, а примеры, которые они приводили, были просто интересны. И когда я узнал, в каких случаях ставится запятая перед союзом как, Грамматика вызвала меня и сказала:

— Теперь ты знаешь все мои Параграфы, и я не стану больше тебя задерживать. Пятерка проводит тебя...

— А нельзя ли мне остаться? — спросил я.

— Нет, нельзя, — ответила принцесса. — Тебя

ждут другие страны. Но ты постарайся не забывать обо мне...

— Никогда! — воскликнул я. — Никогда не забуду!

— Как знать, — грустно сказала Грамматика. — Многие меня забывают.

С тех пор прошло много лет. Где я только не побывал за это время! Но я не забыл тебя, принцесса Грамматика! И чтобы ты поверила в это, я написал о тебе книжку.

Это совсем маленькая книжка, но понять ее сможет только тот, кто не забыл грамматику.

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

Были же сомнения, были же мечты, но были же и надежды, что сомнения развеются, а мечты — осуществятся!

Были же...

БЫ, ЛИ, ЖЕ... Три маленькие частицы, в которых все это выразилось с наибольшей силой.

Это не просто служебные слова. Их нельзя смешивать с какими-то **КОЕ-** или **-НИБУДЬ**, которые примазываются к членам предложения, держатся за них своей черточкой.

Частицы **БЫ, ЛИ, ЖЕ** не таковы. Несмотря на свое служебное положение, они вполне самостоятельны и пишутся отдельно от других слов — это нужно всегда твердо помнить!

Каждая из них занята своим делом в предложении, старается подчеркнуть главную мысль, чтобы она всем стала понятной. А в неслужебное время... О, о чем только не говорят в неслужебное время служебные слова! Этого вы никогда не прочтете в их тексте.

— Если бы у меня было не две, а хотя бы три буквы, — говорит частица **БЫ**, — я бы такое сказала!

Ах, эта частица **БЫ**, какая она мечтательница! Вечно ей хочется того, чего нет.

— Вряд ли, — возражает ей частица *ЛИ*, верная своей привычке во всем сомневаться. — Да и нужна ли тебе лишняя буква?

— Это же пустой разговор, — останавливает их частица *ЖЕ*, привыкшая реально смотреть на вещи. — Тебе же вполне хватает двух букв — больше тебе не положено по правописанию.

Но частицу *БЫ* трудно остановить.

— Если бы я была Подлежащим, — вдруг заявляет она, — я бы навела порядок в этом тексте.

— Ой ли! Тебе ли наводить в тексте порядок?

— Да перестаньте же! У нас же и так порядок. Этот порядок установлен грамматикой.

Так спорят в свободное время эти частицы. Хотя все они — служебные слова, но у каждой свой характер, поэтому ведут они себя в тексте по-разному.

БЫ — мечтает.

ЛИ — сомневается.

ЖЕ — утверждает.

И попробуйте прожить хоть без одной из этих частиц! Не проживете!

Попробуйте ни в чем не сомневаться.

Попробуйте ничего не утверждать.

Попробуйте ни о чем не мечтать.

Сможете прожить?

Не сможете!

МЯГКИЙ ЗНАК

Мягкий Знак давно и безнадежно влюблен в букву *Ш*. Он ходит за ней, как тень, из слова в слово, — но все напрасно. Буква *Ш* терпеть не может букв, от которых никогда не добьешься ни звука.

А Мягкий Знак именно таков. Он робок, застенчив, не пытается выделиться в строчке, занять в слове первое место. Он настолько тих и незаметен, что даже в контрольных диктантах нередко забывают о нем.

Другим буквам, которым приходится близко встре-

чатся с Мягким Знаком, нравятся эти его качества. Многие из них даже сами смягчаются от его соседства.

Не смягчается только буква *Ш*, несмотря на все старания Мягкого Знака. Она по-прежнему тверда и так шипит, что Мягкий Знак буквально теряет самообладание. Но он ничего не может с собой поделаться и всякий раз снова становится рядом с буквой *Ш* — в глаголе второго лица или в существительном третьего склонения.

Когда это кончится — трудно сказать. У Мягкого Знака слишком мягкий характер, и он не в силах противиться строгим законам грамматики, которая одна распоряжается всем, что написано на бумаге, — от маленькой Запятой до самого Твердого Знака.

СТРАДАТЕЛЬНОЕ ПРИЧАСТИЕ

Всеми обиженное, всеми униженное, никем не привеченное, почти не замеченное — бедное, бедное Страдательное Причастие! Теперь оно — Причастие прошедшего времени, и все у него в прошлом. А ведь было время...

Это и многое другое расскажет вам Страдательное Причастие, если вы внимательно прислушаетесь к нему. Это и многое другое оно рассказывает Существительному, которое находится при нем в качестве его дополнения.

— Ах, не говорите, не говорите! — говорит Страдательное Причастие Существительному, которое вообще ничего не говорит. — Одни страдания!

Существительное пробует кивнуть, но Причастие не позволяет ему даже этого.

— Не говорите, не говорите! — развивает оно свою мысль. — Самое дорогое, что у меня есть — это два *Н* в суффиксе. И вот, стоит мне появиться в тексте без Приставки или хотя бы без Пояснительного Слова, как я сразу теряю одно *Н*. Но ведь иногда хочется по-

быть и одному. Разве это — жизнь, скажите? Нет, нет, не говорите, не говорите...

Существительное стоит перед Причастием в винительном падеже, словно это оно виновато, что у Причастия все так неудачно складывается. А Причастие продолжает:

— И главное, никакого просвета, никаких надежд.. Даже будущего времени у нашего брата, причастия, не бывает. А как прикажете жить — без будущего?

УДАРНЫЕ И БЕЗУДАРНЫЕ

— А, здравствуйте!

— Извините, я не А, я О.

— О, значит, тезка! А голос у тебя — совсем, как у А.

— Стань на мое место, тогда посмотрим, какой у тебя будет голос.

— Что же у тебя за место такое?

— Периферия. Ты вот в центре, тебе — все внимание, а обо мне — кто помнит?

Разговор происходит в слове между двумя гласными: Ударным О и О Безударным.

— Конечно, — жалуется Безударный, — слог у меня не тот. В твоём положении легко звучать. Я бы на твоём месте ещё не так зазвучал!

— Но ведь я — под ударением, — напоминает Ударный. — Стань под ударение — и звучи. Кто тебе мешают?

Безударный произносит какой-то звук, больше напоминающий А, чем О, и умолкает.

— Так договорились? — не унимается Ударный. — Ты станешь ударным, я — безударным...

Молчит Безударный. Хмурится. Ему не хочется отвечать. Ему не хочется меняться. Кому охота ставить себя под удар?

ПОЛУГЛАСНЫЙ

А было это вот как.

Собрались гласные буквы и стали распределять между собой обязанности. Букве *О* достался широкий, открытый звук; букве *И* — тонкий, короткий; букве *У* — трубный, протяжный. Остальные гласные тоже получили по звуку.

Один *Йот* стоял в стороне. «Для чего мне звуки? — размышлял он, слушая, как гласные совещаются. — Лучше жить тихо, безгласно. Это всегда спокойнее».

Спыхватились гласные, что *Йоту* никакого звука не досталось. А ведь он тоже имеет какой-то голос. Что делать?

— Знаешь что? — говорят ему. — Сходи-ка ты к согласным. У них звуков больше, может, и на твою долю хватит.

Подумал *Йот*, зевнул. Потом еще зевнул и еще подумал.

— А мне, — говорит, — эти звуки вроде и ни к чему. У меня своих нагрузок хватает.

— Как же ты будешь жить без звука? — недоумевают гласные.

— А что, разве нельзя?

— Может, и можно, да неудобно как-то. Лучше ты все-таки сходи к согласным, авось что-нибудь и достанется.

Поколебался *Йот*, поколебался, а потом смекнул, что у согласных поменьше работы будет, да и голоса особого не требуется, и говорит:

— Я согласный!

— Какой тебе звук? — спрашивают у него согласные. — Заднеязычный, переднеязычный или, может, шипящий?

Стоит *Йот*, раздумывает.

Взять заднеязычный — так кому охота быть сзади? Переднеязычный взять — тоже хорошего мало: передним всегда больше всего попадает. А шипящий взять — будешь шипеть, наживешь врагов. Нет, лучше уж ничего не брать.

Так *Йот* решил и сказал:

— Все эти звуки мне ни к чему. Я не согласный.

Ну, не согласный, так не согласный, — решили согласные буквы. Насильно быть согласным не заставишь.

— До свиданья, — говорят, — коли так. Ищи себе работу по нраву.

Без работы в алфавите не проживешь. Время ятей да ижиц, которые за счет чужих звуков жили, давно прошло. Ходит Йот, ищет, где бы пристроиться. А кто его возьмет? Он и не гласный, и не согласный, нет у Йота определенной профессии.

С трудом перебивается Йот на подсобных работах. Там слог замкнет, там гласному А поможет в Я превратиться, а чтоб постоянное что-нибудь, самостоятельное — этого нет.

Трудно Йоту, хоть криком кричи. Может, он и кричит, да разве его услышишь? Очень слабенький голос у Полугласного...

НОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Пришла РАБОТА к ЧЕЛОВЕКУ и говорит:

— Я пришла к тебе как Существительное к Существительному. Хотя значение у нас разное, но грамматически мы довольно близки, поэтому я рассчитываю на твою помощь.

— Ладно, — сказал ЧЕЛОВЕК, — можешь не распространяться. Выкладывай, что там у тебя.

— Есть у меня сынок, — говорит РАБОТА, — способный, дельный парнишка. Не хотелось бы, чтобы он, как мать, остался неодушевленным.

— Какая же ты неодушевленная? — возразил ЧЕЛОВЕК. — Разве может быть неодушевленной работа?

— Ты забываешь, что мы не в жизни, а только в грамматике. А в грамматике много несоответствий. Здесь «жареный цыпленок» — одушевленный, а «стадо коров» — неодушевленное...

— Да, да, прости, я совсем забыл.

— Так вот, я и подумала — не возьмешь ли ты моего сына на выучку? Поработает у тебя Прилагательным, в Существительные выйдет, а там, глядишь, воодушевится...

— А как зовут сына-то?

— РАБОЧИЙ.

— Ну что ж, имя подходящее. Пусть выходит завтра на работу.

И вот появился в тексте рядом со словом ЧЕЛОВЕК его ученик — РАБОЧИЙ.

РАБОЧИЙ ЧЕЛОВЕК... Очень хорошее сочетание.

— Ты следи за мной, — говорит ЧЕЛОВЕК ученику. — Во всем со мной согласуйся... Пока ты — Прилагательное, это необходимо.

Старается ученик, согласуется. А ЧЕЛОВЕК его поучает:

— Существительным, брат, стать не просто. В особенности одушевленным. Здесь не только род, число, падеж усвоить нужно. Главное — значение. Вот знаешь ты, что значит — ЧЕЛОВЕК?

— Откуда мне знать?.. — вздыхает ученик. — Я ж еще не учился.

Но со временем он разобрался во всем. Верно говорила РАБОТА, что у нее способный, дельный сынок.

Увидев, что ученик усвоил его науку, ЧЕЛОВЕК сказал ему:

— Ну, вот и стал ты одушевленным Существительным, как говорят, вышел в люди. Теперь можешь работать самостоятельно — каждому будет ясно твое значение.

Так появилось в тексте новое Существительное.

РАБОЧИЙ...

Это не просто мужской род, единственное число, именительный падеж. Тут, как говорил ЧЕЛОВЕК, значение — самое главное.

ИНФИНИТИВ

Слово берет Инфинитив:

— Эх вы, разве так надо спрягаться? Я б вам показал, жаль, что у меня нет времени!

— Время мы найдем. Какое тебе — настоящее или прошедшее?

— Лучше будущее, — говорит Инфинитив, чтобы хоть немного оттянуть время. — Да не забудьте про Вспомогательный Глагол!

Дали ему Вспомогательный Глагол.

Спрягается Вспомогательный — только окончания мелькают. А Инфинитив и буквой не пошевелит.

Зачем ему шевелить, зачем ему самому спрягаться? Он — Инфинитив, у него нет времени...

ПРЕДЛОГ

Опасаясь, что его возьмут в оборот, Деепричастие *БЛАГОДАРЯ* старалось поменьше высказываться. Этот страх перед деепричастным оборотом дошел до того, что оно боялось отвечать даже на самые простые вопросы.

Больше того: у него появилась какая-то робость перед другими словами, даже теми, которые были Деепричастию подчинены. Оно заботилось только о том, чтобы ни с кем не испортить отношений, а потому каждому старалось угодить, перед каждым рассыпалось в благодарностях.

Непонятно, почему Деепричастие *БЛАГОДАРЯ* так тревожилось за свою судьбу. В тексте оно по-прежнему оставалось полноправным, хотя и второстепенным членом предложения, и даже управляло другими словами. И все же какая-то настороженность не покидала его.

Подчиненные Деепричастию слова за глаза посмеивались над ним, и положение спасало только то, что

главные члены предложения отделились запятой и не могли видеть, что творится у них на периферии.

Но когда в тексте появилась фраза: «*Благодаря допущенной ошибке, снижена оценка*», — всем сразу стало ясно, что Деепричастие не на месте. Даже сама **ОШИБКА** понимала, что ее не за что благодарить. Это и решило судьбу Деепричастия. Его исключили из членов предложения и перевели на должность служебного слова.

Слово **БЛАГОДАРЯ** стало Предлогом и, вместе с тем, — поводом для того, чтобы пересмотреть грамматический состав и вывести из членов предложения многие слова, которые давно утратили самостоятельное значение.

ОШИБКА

Никто не заметил, как она появилась в диктанте.

Жизнь текла спокойно и размеренно, ложась на страницу строгими чернильными рядами. Существительные и прилагательные жили в полном согласии, дополнения безропотно подчинялись сказуемому, буква **Ы** держалась на почтительном расстоянии от шипящих.

И вдруг — Ошибка.

Первым ее заметило **О**. Оно широко раскрыло рот от удивления, толкнуло **Йот**, который оказался ближайшим его соседом, так, что у того шляпа подскочила на голове, и они вместе вскрикнули:

— Ой!

— Тише! — зашипели на них шипящие. — Чего шумите?

Но шипящим не пришлось объяснять, в чем дело. Они уже и сами перешептывались между собой:

— Ошибка! Ошибка! Ошибка!

Наконец, Ошибку заметили все. Твердый **Знак** подошел к ней и сказал:

— Извините, вы нарушаете правила.

— Какие еще правила? — не поняла Ошибка. — Я не знаю никаких правил.

— Правила следует знать! — строго объяснил Твердый Знак. — Без этого нельзя появляться в тетради.

Но тут случилась Запятая. Она сама чувствовала себя здесь не на месте, а потому сочла своим долгом вступить за Ошибку.

— Оставьте ее, — сказала Запятая. — Разве вы забыли, что на ошибках учатся?

Ошибка ухватилась за эти слова:

— Да, да, учитесь на мне! — И вдруг заплакала: — Как я стану жить, если на мне не будут учиться?

— Пожалуй, — смягчился Твердый Знак, хотя мягкость в данном случае противоречила правилам грамматики. — Учиться никогда не мешает.

И все стали учиться на Ошибке.

— Скажите, — спрашивало у нее Дополнение, — вот я, например, подчиняюсь Сказуемому. Но, может, лучше подчиниться кому-нибудь другому?

— Это правда, что нельзя все отрицать? — осведомлялась Отрицательная Частица. — Мне-то все равно, я могу и утверждать, если буду знать, что именно это от меня требуется.

Ошибка не успевала всем отвечать, и тогда на помощь ей пришли другие ошибки. Слова и знаки учились прилежно, старались изо всех сил.

И никак не могли понять — за что им поставили единицу?

Добро бы учиться было не на ком, а то — ошибок полным-полно... Но может, все-таки недостаточно?

ИНОСТРАННОЕ СЛОВО

В словарь русского языка прибыло Иностранное Слово.

Наш язык всегда поддерживал дружеские отношения с другими языками, поэтому Иностранное Слово

встретили очень любезно и, поскольку оно оказалось Существительным, предложили ему на выбор любое склонение.

— Только сначала нужно выяснить, какого вы рода, — объяснили ему.

— Пардон, — сказала Иностранное Слово. — Я изъездило столько стран, что давно позабыло свой род.

— Но как же вы тогда будете склоняться? — стали в тупик все Параграфы.

— Склоняться? Перед кем склоняться?

— Ни перед кем. У нас это обычное правило вежливости. Существительные склоняются в знак уважения к другим словам, с которыми они встречаются в тексте, а также в знак признания Единых Правил Грамматики.

— Мерси, — сказала Иностранное Слово, — я хоть и безродно, но не привыкло склоняться. Это не в моих правилах.

— Тогда мы не сможем вас принять, — сказали Иностранному Слову Существительные Первого Склонения.

— И мы не сможем, — сказали Существительные Второго Склонения.

Существительные Третьего Склонения ничего не сказали. Они были очень мягки, потому что все принадлежали к женскому роду. Но их вид достаточно красноречиво говорил, что и они отказываются от Иностранного Слова.

— В таком случае вы не сможете принять наше гражданство, — предупредил Иностранное Слово строгий Параграф. — Придется вам быть лицом без гражданства.

— О'кэй! — обрадовалось Иностранное Слово. — Для меня это самое лучшее. Я презираю любое гражданство, поскольку оно ограничивает свободу Слова.

Так Иностранное Слово поселилось в нашем языке в качестве несклоняемого.

Но не может слово жить в тексте без общения с другими словами. Иностранному Слову захотелось поближе познакомиться с глаголами, прилагательными, частицами. И, узнав их, Иностранное Слово очень

быстро убедилось, какие это простые, отзывчивые, культурные слова.

Ради него спрягались глаголы, с ним согласовались местоимения, ему служили предлоги и другие служебные слова. Это было так приятно, что Иностранному Слову захотелось склоняться перед ними.

Постепенно оно переняло культуру нашей речи.

В русском языке Иностранное Слово нашло свой род и оценило его по-настоящему. Здесь оно обрело родину, как и другие иностранные слова — Прогресс, Гуманность, Космос, — которые давно уже стали в русском языке полноправными гражданами.

Таковыми же полноправными, как наши родные слова — Наука, Мечта, Справедливость.

ЧЕРТОЧКА

Маленькая Черточка знала свое дело. Она с большим искусством разделяла самые сложные слова, присоединяла нераспространенные приложения, даже принимала участие в образовании некоторых частей речи. Чего только не перенесла Черточка на своем веку — и ни разу не нарушила правил переноса.

Но не бывает же так, чтобы хороший работник долго оставался на своем месте. Однажды Черточку вызвали и сказали:

— Думаем перевести вас на место Тире. Там — больше простора, сможете развернуться...

— Но я не справлюсь, — замялась Черточка.

— Ничего, справитесь. В случае чего — поможем.

И поставили Черточку на место Тире — между двумя Дополнениями. А Дополнения эти как раз противопоставляли себя друг другу и поэтому держались на некотором расстоянии. Пока между ними стояло Тире, это им удавалось, но когда появилась Черточка, она первым делом постаралась их сблизить.

Что тут началось!

— Отодвиньтесь! — кричало первое Дополнение своему соседу. — Между нами не может быть ничего общего!

— Сами отодвиньтесь! — парировало второе Дополнение. — Я вас и видеть не желаю.

— Остановитесь, остановитесь! — умоляла их Черточка. — Не нужно ссориться!

Но ее прижали, и больше она ничего не могла сказать.

А Дополнения так разошлись, что на них обратило внимание само Сказуемое, у которого они находились в непосредственном подчинении.

— Прекратите безобразничать! — прикрикнуло на них Сказуемое. — Что тут между вами происходит?

Дополнения сразу притихли. Они понимали, что со Сказуемым шутить не приходится.

— Между нами... — заикнулось первое Дополнение.

— Между нами.. — заикнулось второе.

— Между нами какая-то Черточка...

— А должно быть Тире.

Только теперь Сказуемое заметило Черточку.

— Как вы сюда попали?

— Я здесь работаю. Меня сюда перевели, чтобы я развернулась...

— Вы не можете здесь развернуться, — объяснило Сказуемое. — У вас для этого нет данных.

— У меня нет данных? Посмотрели бы вы, какие я слова соединяла!

— Не знаю, что вы там соединяли, — сказала Сказуемое, которому уже начал надоедать этот разговор, — но здесь вы не на месте. Это явная ошибка.

— Вы так считаете? Что ж, можете оставаться при своем мнении. Но учтите: я отсюда никуда не уйду!

Шумит Черточка, скандалит, не поймешь, что с ней произошло. Такая была скромная Черточка, такая воспитанная и с работой справлялась неплохо, — а вот повысили ее, назначили на место Тире...

Да, конечно, это была ошибка.

ВОСКЛИЦАНИЕ

Повстречались на листе бумаги Ноль с Восклицательным Знаком. Познакомились, разговорились.

— У меня большие неприятности, — сказал Ноль. — Я потерял свою палочку. Представляете положение: Ноль — и без палочки.

— Ах! — воскликнул Восклицательный Знак. — Это ужасно!

— Мне очень трудно, — продолжал Ноль. — У меня такая умственная работа... При моем научном и жизненном багаже без палочки никак не обойтись.

— Ох! — воскликнул Восклицательный Знак. — Это действительно ужасно!

— И как я появлюсь в обществе? Со мною просто не станут считаться...

— Эх! — воскликнул Восклицательный Знак и больше не нашел, что воскликнуть.

— Вы меня понимаете, — сказал Ноль. — Вы первый, кто отнесся ко мне с настоящим чувством. И знаете, что я подумал? Давайте работать вместе. У вас и палочка внушительнее, чем моя прежняя, да и точка есть — про всякий случай.

— Ах! — воскликнул Восклицательный Знак. — Это чудесно!

— Мы с вами прекрасно сработаемся, — продолжал Ноль. — У меня содержание, у вас — чувство. Что может быть лучше?

— Эх! — еще больше обрадовался Восклицательный Знак. — Это действительно чудесно!

И они стали работать вместе. Получилась удивительная пара, и теперь кто ни встретит на бумаге Ноль с Восклицательным Знаком обязательно воскликнет:

— О!

А больше — ничего не скажет.

Разумеется, если на бумаге больше ничего не написано.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Когда *ТЫСЯЧА* явилась в предложение, все места уже были заняты. *ТЫСЯЧА* потопталась в нерешительности, а потом подошла к самому большому Слову, предполагая, что оно-то и есть здесь самое главное.

— Миллион извинений, — сказала *ТЫСЯЧА*. — Я отниму у вас не больше одной минуты.

— Пожалуйста, — любезно ответило Слово. — Слушаю вас.

— Помогите мне устроиться в предложении, — попросила *ТЫСЯЧА*. — Мне нужно немного, самую малость, только бы приткнуться где-нибудь с краешку.

— Чем же я могу вам помочь?

— О, ведь вы здесь — самое большое слово, самый главный член предложения!

— К сожалению, я — не главный член, — сказала Слово с действительным сожалением. — Я всего лишь Деепричастие... Так сложились обстоятельства — ничего не поделаешь.

— А ваша величина? Неужели с ней никто не считается?

— Что величина! Вон видите — самое короткое слово? В нем всего четыре буквы. А ведь это — подлежащее!

— Так вот оно какое, подлежащее! — протянула *ТЫСЯЧА*, сразу теряя интерес к своему собеседнику. И направилась к подлежащему.

Подлежащее было занято срочной работой и поэтому не тратило лишних слов.

— Существительное, — коротко представилось оно *ТЫСЯЧЕ*. — А ваше имя?

— Числительное, — сказала *ТЫСЯЧА* и тут же добавила: — Можете называть меня просто — *ТЫСЯЧА*. Так меня называют все знакомые.

И *ТЫСЯЧА* изложила Существительному свою просьбу.

— Право, не знаю, как вам помочь, — сказала Существительное. — Все вакансии у нас заняты... Разве что зачислить вас на должность служебного слова?

ТЫСЯЧА слегка поморщилась.

— Нет, для этого дела я вряд ли подойду, — сказала она и, немного подумав, предложила: — А что, если меня зачислить вместо Деепричастия? Я займу гораздо меньше места...

— Дело не в месте, — сказала Существительное. — Деепричастие прекрасно справляется с работой, а справитесь ли вы — я не уверено. Ведь я даже не знаю ваших качеств...

— Зачем вам качества? — прервала его *ТЫСЯЧА*, смелая. — У меня есть количество — и этого достаточно.

— Количество? — переспросило Существительное. — Что ж, количество — это тоже неплохо. Знаете что? Я оставляю вас при себе. Это будет для вас самое подходящее место.

И *ТЫСЯЧА* осталась при Существительном.

Сначала оно пробовало давать ей разные мелкие поручения, но это ни к чему не привело. *ТЫСЯЧА* не только не подчинялась Существительному, но даже не хотела с ним согласоваться.

Понемногу она начала управлять Существительным, а затем и вовсе заняла его место, став первой частью подлежащего и оттеснив Существительное на второй план.

А Существительное — даже не сопротивлялось. Больше того, оно уступило *ТЫСЯЧЕ* свой именительный падеж, а само удовлетворилось родительным.

Так оно склонилось перед ее количеством.

ВВОДНОЕ СЛОВО

Слово *ГОВОРЯТ* как-то выделяется в предложении. Другие слова не имеют ни одной запятой, а ему положены целых две. И каждому понятно, что это — вполне заслуженно.

Слово *ГОВОРЯТ* издавна славится своими познаниями. О чем его ни спроси — все ему известно, оно охотно отвечает на любые вопросы.

Вас интересует, какая завтра погода? Спросите у слова **ГОВОРЯТ**, оно вам ответит точно и определенно:

— Говорят, будет дождь.

Хотите знать, хороша ли вышедшая на экраны кинокартина? И здесь к вашим услугам это замечательное слово:

— Ничего, говорят, смотреть можно.

Все знает слово **ГОВОРЯТ**, хотя само не является даже членом предложения. Неизвестно, почему его до сих пор не принимают. Может быть, потому, что главные места заняты Подлежащим и Сказуемым, а предлагать такому слову какое-нибудь второстепенное место просто неудобно.

Но и не являясь членом предложения, слово **ГОВОРЯТ**, как вы уже убедились, прекрасно справляется со своими обязанностями. Правда, частенько оно ошибается, иногда любит приврать, но его за это никто не осуждает: ведь оно всего-навсего вводное слово!

БЕЗЛИЧНЫЙ ГЛАГОЛ

Кто ни посмотрит на Безличный Глагол, сразу определит, что вид у него какой-то несовершенный. Но если обратиться за разъяснением к нему самому, он тотчас же ответит:

— Я лично считаю...

Безличный Глагол имеет право «лично считать»: ведь он — главный член предложения. Когда началась кампания за сокращение предложенческого аппарата, он первый выразил готовность работать без Подлежащего. С тех пор Безличный Глагол — единственный главный член предложения, и слово его обязательно для всех — от Прямого Дополнения до последней Точки.

В штате у Безличного Глагола два Дополнения. Одно выполняет его прямые указания, другое — косвенные. Дополнения имеют при себе Определения, а те, в

свою очередь, судя по Обстоятельствам, находящимся при них, тоже призваны играть не последнюю роль в предложении.

Но Безличный Глагол управляет всем единолично. Его не интересует коллективная мысль, он к ней совершенно не прислушивается. Второстепенные члены давно уже привыкли к самоуправству Безличного Глагола и даже не пытаются его критиковать. Косвенное Дополнение обычно высказывается по всевозможным отвлеченным вопросам, а Прямое, хоть и находит в себе смелость выражаться со всей прямоотой, но как-то всегда получается, что оно больше дополняет главный член предложения, чем возражает ему. Что же касается других второстепенных членов, то Определения во всем согласны с Дополнениями, а Обстоятельства — примыкают к Определениям.

Не изменяется Безличный Глагол, и ничего с ним не могут поделать. Еще бы! Он — важная личность, он без Подлежащего работает!

ГЛУХИЕ И ЗВОНКИЕ

Буква *Б* — далеко не последняя буква в алфавите. Прислушайтесь, как она звучит. Не правда ли, звонко? Это потому, что буква *Б* хорошо знает свое место.

Но не всегда она так звучит. И опять-таки все зависит от места.

Когда позади нее вдруг окажется какая-нибудь тихая, глуховатая буква — *Б* сразу преобразуется. Куда девается ее бодрость, ее звонкая радость! Буква *Б* становится серьезной и задумчивой, и в голову ей приходят грустные, почти философские мысли.

Вдруг ей начинает казаться, что буквы в алфавите все равны, и место еще ничего не решает. Что с таким же успехом она сама могла бы прозябать где-то в конце алфавита. И букве *Б* становится как-то совестно, что вот эта стоящая за ней глухая буква и в алфави-

те оттиснута в конец, и здесь, в тексте, не смогла получить ничего лучшего.

Эти мысли так угнетают букву *Б*, что ей уже совсем не до звучания. Она окончательно теряет свою силу и сама начинает звучать глухо, — так глухо, что по голосу ее и не узнать. В этих случаях букву *Б* часто путают с ее дальней родственницей — буквой *П*.

Буква *П* — действительно дальняя родственница. Родственница, потому что у нее с буквой *Б* одинаковое губное происхождение, а дальняя — потому, что, в отличие от *Б*, стоит буква *П* где-то на задворках алфавита.

Не очень-то зазвучишь в таком положении! Буква *П* стоит, согнувшись в три погибели, и никак не поймешь, кому она кланяется: то ли гласной *О*, что слева стоит, то ли согласной *Т*, стоящей справа.

Но попробуйте поставить букву *П* перед звонкой. Уж тут-то она зазвучит! Ни дать, ни взять — буква *Б*, вторая буква алфавита!

И это тоже можно понять.

Буква *П* пошла на выдвижение.

Буква *П* обрела, наконец, право голоса.

Буква *П* может свободно звучать — в ее положении это позволено.

КОРЕНЬ

В глаголе *ВЫНУТЬ* исчез Корень.

Все другие части слова остались на месте: и Приставка *ВЫ*, и Суффикс *НУ*, и даже окончание *ТЬ*, известное своей неустойчивостью. А Корень — исчез.

Это был древний Корень *ИМ*, который веками существовал в самых различных словах нашего языка: *ИМЕТЬ*, *СНИМАТЬ*, *ПОДНИМАТЬ* и многих других. Сохранился он также в несовершенном виде глагола *ВЫНИМАТЬ*. И куда-то исчез при образовании совершенного вида.

— Странное усовершенствование! — язвило по это-

му поводу Окончание. — Чувствую, что скоро мне придется работать за всех.

— Вы не правы! — перебила его Приставка. — Может быть, с Корнем что-то случилось...

— Со всеми что-то случилось. Эти штучки нам известны. Но предупреждаю вас — на меня не рассчитывайте. У меня и так работы хватает.

— Ну, ну, — примирительно сказал Суффикс. — Не нужно ссориться. Ясно одно: с этого времени мы должны обходиться без Корня.

— Мы должны его заменить, — предложила Приставка. — Я раньше обозначала только движение изнутри, но теперь я возьму дополнительное обязательство.

— Я тоже, — сказал Суффикс. — Отныне я буду обозначать не только мгновенность действия. А ты, Окончание? Неужели ты останешься в стороне?

— А мне что, — пожало плечами Окончание. — Я здесь временно...

Но помощь Окончания не понадобилась. Приставка и Суффикс дружно взялись за дело и с успехом заменили Корень слова.

С первого взгляда даже не скажешь, что в слове *ВЫНУТЬ* нет корня.

ТРИ ТОЧКИ

Сошлись три Точки, разговорились.

— Как жизнь? Что нового?

— Да все то же!

— Приятного мало...

У Точки, известно, жизнь точечная. О ней вспоминают только в самом конце, когда уже к предложению нечего добавить. А ведь как хочется попасть в незаконченное предложение, по-настоящему выразить себя!

— А что, если нам всем вместе попробовать? В от-

дельности каждая из нас, может, и немного значит, а встроим...

— И правда — попробовать?

— Только бы найти подходящее предложение...

Точки настораживаются и начинают следить за текстом. Это — законченное, это — законченное... Вот!

Точки бросаются в незаконченное предложение и, как ни в чем не бывало, становятся за последним словом.

Очередное Слово, которое уже готово было сорваться с пера, чтобы занять свое место в предложении, вдруг замечает Точку.

— Откуда вы взялись? Вы здесь не стояли!

— Нет, стояла!

— Вы не могли здесь стоять!

— Успокойтесь, пожалуйста! — вмешивается в разговор вторая Точка. — Она стоит лично за мной, а вот вас я что-то не видела.

— Но вы здесь тоже не стояли! — возмущается Слово, болтаясь на кончике пера.

— Она не стояла?! — изумляется третья Точка. — Придите в себя! Она же стоит за мной!

Слово видит, что точкам этим не будет конца, и, перебирая в уме все знакомые крепкие слова, отправляется обратно в чернильницу.

А точки стоят и посмеиваются. Три точки — это вам не одна. В предложении три точки кое-что значат...

БЕГЛОЕ *Е*

Вызвали *Е* из алфавита.

— Ну, как у вас там?

— Полный порядок. Все на местах, каждый работает над своей темой.

— А над какой темой вы работаете?

— «Некоторые проблемы шестого места как места,

находящегося между пятым и седьмым». Тема трудная, но интересная.

— Придется вам на время ее оставить. Думаем направить вас в текст. Узнаете хоть живое слово, а то застоялись в своем алфавите.

— А в какое слово меня посылают?

— Слово хорошее — *ДЕНЬ*. Бодрое слово, светлое. И не очень сложное: всего один слог. Так что справитесь.

— Вы думаете?

— Конечно, справитесь. Вы там будете единственным гласным, и решающий голос будет ваш. Главное — хорошо организовать работу.

Е пробует возражать, ему не хочется расставаться с алфавитом, с «Некоторыми проблемами шестого места...», но — что поделаешь! Приходится отправляться в текст.

В слове *ДЕНЬ* *Е* стоит на видном месте, ему удобно, спокойно, — совсем, как в алфавите.

Но вот слово начинает склоняться: *ДНЯ, ДНЮ...*

В чем дело? Куда девалось *Е*?

Нет его, оно сбежало. Испугалось косвенного падежа.

Вот какое это *Е*, всю жизнь проведенное в алфавите. В трудную минуту на него не рассчитывайте.

ЧАСТИЦЫ И СОЮЗЫ

БЫЛО.

В предложении это — единственное слово, которое состоит из двух слогов. *БЫ* и *ЛО*. Дружные слоги, тесно спаянные. Недаром в предложении им все завидуют.

Частица *ЖЕ*, стоящая неподалеку от них, особенно пристально наблюдала за этой счастливой парой. Однажды она сказала своему соседу — местоимению *ТО*:

— Я давно знаю эту частицу *БЫ*. Мы в грамма-

тике стояли в одном параграфе. И вот — она уже устроила свою жизнь...

— То-то! — ответило *ТО*. — Не надо зевать. Я вот сколько времени стою возле вас, а вы — ноль внимания. Будто я и не местоимение, а так — ни то ни се.

Частица *ЖЕ* придвинулась к нему поближе и сказала:

— Вы не обижайтесь. Просто я раньше не думала об этом. Пока не увидела эту *БЫ*. Она всегда была такой перешительной, только и знала, что строила разные планы, и вот — подумайте!

— Чего там думать! — небрежно заметило *ТО*. — Надо действовать.

— А как действовать? — спросила *ЖЕ*, прекрасно понимая, о чем идет речь.

— Известно как — соединиться!

Частице *ЖЕ* неудобно было сразу ответить согласием, и, пользуясь ее молчанием, *ТО* продолжало:

— Не забывайте, что я — местоимение, я в любую минуту могу занять место существительного!.. А с вами мы составим прекрасный союз...

Частица *ЖЕ* придвинулась еще чуточку ближе, но — молчала.

— *ТОЖЕ*, — мечтательно произнесло *ТО*. — Чем плохой союз? Пишется слитно, даже не через черточку.

Дольше крепиться *ЖЕ* не могла.

— Я согласна! — закричала она, бросаясь к местоимению и забывая при этом не только грамматические правила, но и простейшие правила приличия. — Давайте соединиться! Ну скорее же, скорее!

Так в предложении появилась еще одна пара.

Поначалу этот союз был счастливым, хотя *ТО* очень скоро поняло, что теперь ему уже никогда не занять места существительного. Частица *ЖЕ* была этому явной помехой. Но *ТО* с удовольствием отказалось от своих честолюбивых планов, принеся их в жертву тихим семейным радостям. Что же касается его подруги, то о ней нечего и говорить.

— Вот теперь и мы *ТОЖЕ!* — заявляла она при

каждом удобном случае, независимо поглядывая на слово **БЫЛО**.

Но счастью этому скоро пришел конец.

Дело в том, что после образования нового союза в предложении явно что-то нарушилось. Виной этому было слово **ЧТО**, которое стояло совсем рядом с **ЖЕ**, если не считать разделявшую их незначительную Запятую.

Теперь слово **ЧТО** оказалось единственным свободным словом во всем предложении. И ему, естественно, захотелось с кем-нибудь соединиться.

Сначала оно попыталось перетянуть к себе частицу **БЫ**. Но **БЫ** оказалась не частицей, а самым настоящим корнем слова.

— Если бы не **ЛО**, — отвечала она, — тогда другое дело. Я-то и в частицах не пропаду, а оно без меня — что значит?

— Но я хочу, чтобы...

— Нет, **ЧТОБЫ** — меня не устраивает. У **ЛО** я, как видите, на первом месте, а у вас буду только на втором. И, кроме того, учтите, что **БЫЛО** — все-таки глагол, а не какой-нибудь союз **ЧТОБЫ**.

Что поделаешь? Пришлось отвергнутому **ЧТО** обратить свои взоры в другую сторону. Здесь его выслушали гораздо внимательнее. Частица **ЖЕ** сразу прикинула, что **ЧТО** — то же **ТО**, только с лишней буквой, и потянулась к своему соседу. Ее даже не смутила Запятая, которая все еще стояла между ними.

Узнав об измене, **ТО** сразу отделилось от частицы **ЖЕ** и вспомнило о том, что оно — местоимение. Оно уже подыскивало в соседних строчках существительное, которое можно было бы заменить, и даже не вспоминало о своей бывшей частице.

А частица **ЖЕ** — только обрадовалась этому. Она тянулась к своему соседу и настойчиво шептала:

— Ну, теперь я свободна, теперь мы можем соединиться! Ну, что же ты?

— Я бы радо, отвечало ей **ЧТО**, — да тут, видишь ли, Запятая...

Так и не удалось им соединиться.

И остался в предложении —

ТО ЖЕ, ЧТО БЫЛО.

СКОБКИ

В конце предложения появился Вопросительный Знак. Но не успел он прочно занять свое место, как его окружили две Скобки.

— Не спрашивайте, не спрашивайте! — затараторили Скобки, сгибаясь дугой, что, конечно, должно было свидетельствовать об их глубоком уважении к Вопросительному Знаку.

— Почему же не спрашивать? — удивился Вопросительный Знак. — А если мне непонятно?

— А кому понятно? — спросили Скобки, но, тут же спохватившись, что они изменили своему правилу не спрашивать, сами ответили на свой вопрос: — Никому непонятно. Но никто не заявляет об этом публично.

— Я привык прямо ставить вопрос, если мне что-нибудь непонятно, — сказал Вопросительный Знак.

— Глупости! — возразили Скобки. — Мы знаем целые слова, которые легко могли бы стать членами предложения и прямо высказывать свое мнение. Но они на это не идут. Они становятся в скобки и так, между прочим, с места подают реплики.

— А как же быть мне? Ведь я должен задать вопрос...

— И задавайте себе на здоровье! Только проявляйте в этом вопросе больше сдержанности, больше достоинства. Вместо того, чтобы прямо спросить, — выразите сомнение. Тогда никто не подумает, что вы чего-то не знаете, а, наоборот, будут считать, что вы знаете больше других. Так всегда думают о тех, кто выражает сомнение.

Вопросительный Знак очень внимательно выслушал эти слова, но, очевидно, все же не сумел их как следует усвоить. Появляясь в тексте, он по-прежнему прямо ставит вопрос, нисколько не заботясь о том, что его обвинят в невежестве.

И только появляясь в тексте в окружении Скобок, Вопросительный Знак ведет себя иначе. То ли он дорожит их мнением, то ли просто жалеет эти Скобки, которые так почтительно склоняются к нему, — во вся-

ком случае, в их окружении Вопросительный Знак не задает вопросов.

Он только выражает сомнение, — и это действительно выглядит гораздо солидней, достойней и даже мудрей (?).

ВОКРУГ КАПУСТЫ

ХОДИКИ

Ходики помедлили и стали,
Показав без четверти четыре...
Общее собрание деталей
Обсуждает поведение гири.
«Как случилось? Почему случилось?» —
Тут и там вопросы раздаются.
Все твердят, что Гирия опустилась
И что Гире нужно подтянуться.
Очень строго и авторитетно
Все детали осуждают Гирию...
Три часа проходят незаметно.
На часах без четверти четыре.

ЛИНЕЙКА

Линейка говорит Перу: «Ты, братец, не хитри!
Уж если хочешь что сказать, то прямо говори.
По строчкам нечего петлять, значки-крючки
вычерчивать,
Чтоб только зря интриговать читателей доверчивых.
Нет, если хочется тебе, Перо, иметь успех, —
Прямую линию веди, понятную для всех».

ШКАФ

Он очень содержателен.
И скромн: посмотри —
Он даже носит платье
Не сверху, а внутри.

А тот, кому он служит,
Иной имеет вкус:
Он разодет снаружи,
А в середине пуст.

ГУБКА

Губка,
Губка,
Губошлепка,
Губка глупая,
Как пробка.
Заберется губка в таз
И от счастья захлебнется:
«Может, кто на сушу рвется.
Ну, а мне здесь —
В самый раз!»

Я не знаю, как другие,
Мне ж —
Подай мою стихию:
Чтобы ветер
И волна,
Чтоб безбрежные просторы...
Океан впадает в море,
Море — в тазик,
Таз — в меня!»

Губка пенится и плещет,
Но зажми ее покрепче —

И запал ее иссяк.
И она,
С ее ветрами,
Океанами,
Морями,
Вся вмещается в кулак.

ВЕШАЛКА

Трудное у Вешалки житье,
Постоянно у нее запарка.
И никто не спросит у нее:
«Вешалка, простите, вам не жарко?»
Ей слова пустые ни к чему,
У нее серьезная работа.
Очевидно, люди потому
Окружают Вешалку почетом.
Представляют ей своих гостей,
Пыль с нее стирают влажной тряпкой
И при встрече в коридоре с ней
Все до одного снимают шапки.

ВЕЩИ

Умирает маленькая свечка
И позвать не просит докторов.
Кочерга бесстрашно входит в печку,
Будто укротительница дров.
И удары не пугают ступку,
Сколько медным пестиком ни бей...
Многим замечательным поступкам
Научились вещи у людей.

РЕЗИНКА

Резинка в работе
Сродни полотерам:
Гуляет она
По бумажным просторам,
Все чистит она,
Подчищает
И трет, —
Ее ни усталость,
Ни сон не берёт.

Бумага, конечно,
Резинке не рада.
Шуршит она,
Просит:
«Не надо!
Не надо!»
К чему ей Резинкин
Заботливый труд?
Не любит Бумага,
Когда ее трут.

Она прокликает
Незванную гостью,
Она разорваться
Готова от злости.
Смотрите:
Вот лопнет она
Сгоряча.
Ей плохо!
Ей дурно!
Зовите врача!..
Но если бы не было
Рядом Резинки, —
Пришлось бы Бумагу
Отправить в корзинку.

ВЕНТИЛЯТОР

Вентилятор загрустил в окне
О большом, о настоящем деле...

Где-то проплывает в вышине,
Режет грудью облака пропеллер.
За окном — разгульная весна,
За окном — небес голубизна,
За окном деревья и цветы
Полнятся пьянящим ароматом.
И зовет пропеллер с высоты:
«Где ты, где ты, брат мой, Вентилятор?»
Необъятный солнечный простор,
Целый мир, огромный и чудесный...

Вентилятор, комнатный прибор,
Загрустил о дали неизвестной.

СЛЕПЫЕ ВЕТРЫ

Кто сосчитает, сколько километров
Прошли они в своем свирепом раже?
Кто даст ответ, откуда мчатся ветры,
Куда они стремятся — кто укажет?

Слепые ветры мечутся по свету,
Стучатся в окна, тычутся в подъезды,
Но нет нигде им ласки и привета,
Никто для них не приготовил места.

Порой они ночуют у порога,
Дыша во сне простуженно, со свистом,
Порой они кочуют по дорогам,
Как бедные бродячие артисты.

И только те из них, кому открыла
Свой мудрый смысл суровая планета,
Находят в жизни нужные ветрила,
Бесцельно не скитаются по свету.

ДОЖДЬ

Душ глядит на улицу из ванной
И Дождю перемывает кости:
«То он вдруг является незваный,
То его не допроситься в гости!»

И такое беспокойство Душа,
Может быть, законно и понятно:
Снова Дождь, прогнозы все нарушив.
Заблудился в небе, вероятно.

Но вернется своенравный Ливень,
Явится на землю блудным сыном.
Припадет он к истомленной ниве
И разгладит все ее морщины.

С нежностью, волнением и тревогой
Приласкает трепетную сушу...
И любви его понять не смогут
Никакие комнатные души.

ЛЮБОВЬ

Отвертки крутят головы Винтам,
На кухне все от Примуса в угаре,
Будильнику не спится по ночам —
Он все мечтает о хорошей паре.

Дрова в печи поют, как соловьи,
Они сгореть нисколько не боятся.
И все пылинки только по любви
На этажерки и шкафы садятся.

КОШЕЛКА И КОШЕЛЕК

Живут Кошелка с Кошельком,
Как голубок с голубкою.

С утра идут они рядом
На рынок за покупками.

Походят по базару,
Присмотрятся к товару.

Почем редис,
Почем арбуз,
Узнают по пути.
Кошелка набирает груз,
А Кошелек — плати: .
И за томат,
И за чеснок,
И за отрезы шелка...

Когда ж пустует Кошелек,
Пустует и Кошелка.

МУНДШТУК

Всем известно, что Мундштук
Постоянства не выносит.
Посчитайте, сколько штук
Сигарет он в жизни бросил.

Нет на свете чудака
Своенравней и капризней.
Берегитесь Мундштука,
Прожигательницы жизни!

ТУФЛЯ

Нарядная Туфля — царица паркета,
Вздыхают по ней Сапоги и Штиблеты,
И только нога
В ней видит врага.
Ей, видимо, больше о Туфле известно:
У них отношения — самые тесные.

СТАРЫЙ КЛЮЧ

Старость, братцы, никуда не деть,
А она и мучит и печалит.
Старый Ключ решил помолодеть,
Чтоб его Щеколды замечали.

Старый Ключ прекрасно понимал,
Как вернее обмануть природу:
Он свою бородку обломал
И остался парнем безбородым.

Горе, горе! Бедный донжуан
Не сумел втереть очки природе.
Он заброшен далеко в чулан,
Потому что ни на что не годен.

БАШМАК

Башмак храбрился: «Что нам слякоть,
И грязь, и ливень, и пороша!»
Но только с неба стало капать —
Он моментально сел в калошу.

НАБИТЫЙ ПОРТФЕЛЬ

Портфель имеет важный вид:
Портфель бумагами набит.
Он раздувается, растет.
Он главная причина
Того, что умником слывет
Набитый дурачина.

СУНДУК

На кухне звон, кипенье, стук,
Потрескиванье и журчанье.
И только замкнутый Сундук
Презрительно хранит молчанье.

Но ты на внешность не смотри
И не суди о нем с поспешностью:
Он совершенно пуст внутри
При всей своей солидной внешности.

ЦВЕТ

Чтобы время скоротать
От зимы до лета,
Стали спорить три крота
О природе цвета.

— Он довольно мил на слух...
— Нет, скорей на запах...
— Но наощупь — слишком сух,
Натирает лапы...

Каждый крот
Разинул рот
И твердит упорно:
— Твердый цвет!
— Наоборот!
— Маленький!
— Просторный!

Что тут делать?
Как тут быть?
Надо, очевидно,
Им у зрячего спросить,
Да его не видно.

ВОКРУГ КАПУСТЫ

Трем зайцам, по профессии поэтам,
Случилось раз попасть под общий куст.
Один сказал:

«Вкусна капуста летом!»

Другой сказал:

«Капусты летней вкус

Хорош!»

И третий молвил с чувством:
«О, как прекрасна летняя капуста!»

А старый критик Жук, приняв ученый вид,
Подробно доказал в статье журнальной,
Что стих у каждого по-своему звучит:

Умно,
Свежо,
Оригинально.

СОБАЧЬЯ ФИЛОСОФИЯ

«Эх, дни тяжелые настали! —
Печально сетует Барбос. —
Всю жизнь мечтал поймать свой хвост —
Не поняли, не поддержали...»
Барбос на мир взирает косо,
Брюзжит о том, что жизнь пуста...

Мировоззрение Барбоса
Зависит от длины хвоста.

В КУРЯТНИКЕ

«Наседки, у меня серьезная натура,
И нечего впустую строить куры.
В работе нашей главное — степенность,
Все остальное — вздор и чепуха!..»

Так говорил Цыпленок-вылупленец,
Назначенный на должность Петуха.

АВТОРИТЕТНЫЙ ПЕРЕПЛЕТ

Нередко, истине во вред,
Готовы мы в любой поверить бред,
Когда исходит он из уст авторитета...

Балансовый Отчет
Подшили в переплет
От сборника стихов
Известного поэта.
И вот, не ведая забот,
Прославился Балансовый Отчет,
В цитатах и эпиграфах размножен.
И хоть давно истерся переплет,
Балансовый Отчет
По-прежнему живет
И даже, говорят, на музыку положен.

ШИШКА

На лбу усевшись, Шишка загудела:
«Мы, члены человеческого тела,
Должны бороться за свои права!»
И все сказали: «Шишка — голова!»

ЗАВИСТЬ

Ступает важно по двору осел:
Осел хомут сегодня приобрел!
Баран завидует приятеля сноровке:
Везет же дуракам на разные обновки!

ЩЕДРОСТЬ

Покуда не открутишь крана,
Воды не даст водопровод.
Его нельзя сравнить с фонтаном,
Который щедро воду льет.

Не тонкой струйкой, а каскадом
Фонтан разбрызгивает воду.
Но если вам напиться надо,
Придете вы к водопроводу.

СПИЧКИ

Спичкам жить на свете нелегко,
Спички — беспокойные творения:
Даже с лучшим другом — Коробком —
Не обходится у них без трения.

Для чего им жизнь свою растрачивать
На такие вздорные дела?
Спички, Спички, головы горячие...
Но без них ни света, ни тепла.

ЧАСТИЦА «НЕ»

Частица «не» — упрямая частица,
Все повернуть по-своему стремится.
Ты хочешь счастья,
А она придет —
И выйдет все
Как раз наоборот.
С такой частицей

Нет опасней дружбы:
Она убьет
Неверием своим.
И то, что нужно,
Станет вдруг ненужным,
А то, что плохо —
Не таким плохим.
Но если ты
Ослаб и утомился
И о порывах юности забыл,
Притих,
Осел,
Ну, словом, примирился,
Как говорят,
С годами поостыл,
Частица «не» — упрямая частица —
На этот случай может пригодиться.
На помощь поскорей
Ее зови.
Она тебе придаст
Неутомимость,
Непримиримость,
И неукротимость,
И силу нестареющей любви.

КАВЫЧКИ

Иронизируют Кавычки
Нередко просто по привычке.
А изученье всестороннее
Вам может дать такой ответ:
У них всегда в ходу ирония
Лишь потому, что смысла нет.

ТОЧКА

У нее
Особый пост
В самой
 малой
 строчке.

Если Точка —
Вывод прост:
Это значит —
Точка.

Фразу следует кончать,
Если Точка рядом.
Точку надо уважать,
Точку слушать надо.

И хотя она тверда,
В книге и в тетради
Без особого труда
Можно с ней поладить, —
Если только
Мысли нить
От воды избавить,
Если Точку
Не забыть
Вовремя поставить.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА

Чтоб головы не утомить,
Не засорить мозгов,
Не нужно в памяти хранить
Написанных стихов.

Но чтоб в дальнейшем
Прежних строк
Поэт не повторил,
Он должен помнить назубок
Все то, что он забыл.

В СТРАНЕ ВЕЩЕЙ

СПЛЕТНЯ

Очки это видели своими глазами...

Совсем еще новенькая, блестящая Пуговка соединила свою жизнь со старым, потасканным Пиджаком. Что это был за Пиджак! Говорят, у него и сейчас таких вот пуговок не меньше десятка, а сколько раньше было — никто и не скажет. А Пуговка в жизни своей еще ни одного пиджака не знала.

Конечно, потасканный Пиджак не смог бы сам, своим суконным языком уговорить Пуговку. Во всем виновата была Игла, старая сводня, у которой в этих делах большой опыт. Она только шмыг туда, шмыг сюда — от Пуговки к Пиджаку, от Пиджака к Пуговке, — и все готово, все шито-крыто.

История бедной Пуговки быстро получила огласку. Очки рассказали ее Скатерти, Скатерть, обычно привыкшая всех покрывать, на этот раз не удержалась и поделилась новостью с Чайной Ложкой, Ложка выболтала все Стакану, а Стакан — раззвонил по всей комнате.

А потом, когда Пуговка оказалась в петле, всеобщее возмущение достигло предела. Всем сразу стало ясно, что в Пуговкиной беде старый Пиджак сыграл далеко не последнюю роль. Еще бы! Кто же от хорошей жизни в петлю полезет!

СНЕЖИНКИ

Снежинку потянуло к Земле — очевидно, она слышала о Земле немало хорошего.

И вот Снежинка отправилась в путь.

Она двигалась не так быстро, как ей хотелось, потому, что ее останавливали другие снежинки, и каждой нужно было рассказать о Земле — самой лучшей в мире планете.

Снежинки медленно опускались на Землю, словно боясь ее раздавить: ведь Земля одна, а снежинок собралось слишком много.

Снежинки доверчиво припали к Земле, поверяя ей свои мечты, свои планы на будущее...

И тогда на них наступил Сапог, толстокожий тупой Сапог, который хотя и был на правильном пути, но очень мало понимал в жизни.

Один Сапог — это еще не вся Земля, по сравнению с Землей он ничего не значит. Но разве могли снежинки в этом разобраться? Раздавленные сапогом, они превратились в лед и больше ни о чем не мечтали.

И на этом льду поскользнулось немало разной обуви, шедшей по следу тупого Сапога, раздавившего маленькие снежинки...

ПРЫЩ

Сидя на лбу низенького человека, Прыщ с завистью поглядывал на лбы высоких людей и думал: «Вот бы мне такое положение!»

ПОДКОВИНО СЧАСТЬЕ

Железная Чушка пришла в кузницу, чтобы устроиться на какую-нибудь работу.

— Расскажите свою автобиографию, — предложил ей Огонь, председатель приемной комиссии.

— Родилась на Урале. Окончила мартеновскую школу... — Чушка остановилась, потому что больше нечего было рассказывать.

— Работали где-нибудь?

— Пока не работала. Только собираюсь.

— Значит, закалка у вас слабовата, — сказал Огонь. — Придется с вами повозиться.

Эти слова обожгли Чушку. В мартеновской школе ее считали достаточно закаленной, а здесь... Увидев, что она покраснела, член комиссии Наковальня недовольно заметила:

— Плохо же вы реагируете на критику! Сразу обида!

— Просто ее мало били, — высказал предположение Молот, второй член комиссии.

Долго обрабатывали Чушку в кузнице. Нелегко ей досталась учеба. Но специальность она все-таки приобрела: ей присвоили звание Подковы.

Направили Подкову в распоряжение лошадиного Копыта. Прибили гвоздями, поскольку она должна была отработать положенный срок. Подкова рассчитывала, что хоть здесь, на самостоятельной работе, ей легче придется, но — куда там!

Это Копыто заменило Подкове и Огонь, и Молот, и Наковальню. С утра до вечера оно только и делало, что било Подкову о камни мостовой, как будто у него не было другой работы.

Когда кончился положенный срок, Подкова с радостью оторвалась от Копыта и осталась лежать посреди дороги.

Сначала было скучно, Подкова томилась в бездействии. Но потом у нее появились новые приятели — маленькие дождевые капельки. Как они отличались от ее прежних знакомых — Огня, Молота, Наковальни,

Копыта! Они были очень ласковые, нежные и говорили Подкове только приятные слова.

— Как вы сильны, как блестящи! — говорили дождинки. — Вам предстоит большое будущее.

Дождинки так и сыпали похвалами, и, казалось, чего еще не хватает Подкове для счастья?

Но счастье было омрачено страшным недугом — ржавчиной, которая незаметно подкралась к Подкове и теперь подтачивала ее с каждым днем.

Странные в жизни творятся вещи!

ПАРУС

— Опять этот ветер! — сердито надувается Парус. — Ну разве можно работать в таких условиях?

Но пропадает ветер — и Парус обвисает, останавливается. Ему уже и вовсе не хочется работать.

А когда ветер появляется снова, парус опять надувается:

— Ну и работенка! Бегай целый день, как окаянный. Добро бы еще хоть ветра не было...

НАУЧНЫЙ СПОР

Спросите у Половой Тряпки, кто самый умный и образованный у нас в передней. Она вам сразу ответит: Калоша и Босоножка.

Калоша и Босоножка отличаются тем, что как только оказываются рядом, тотчас заводят ученые споры.

— Какой мокрый этот мир, — начинает Калоша. — Идешь, идешь — места сухого не встретишь.

— Да что вы! — возражает Босоножка. — В мире совершенно сухо.

— Да нет же, мокро!

— Именно сухо!

Их споры обычно разрешает Комнатная Туфля:

— Коллеги, оставьте бесполезные споры. Мир бывает и мокрым и сухим: мокрым — когда хозяйка моет пол, сухим — все остальное время.

СТАВНЯ

Каждое утро Ставня делает широкий жест: наш свет, чего там жалеть, всем хватит.

И каждый вечер Ставня поплотнее закрывает окно: наш свет, как бы другие не попользовались!

СВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

Фото пленка слишком рано узнала свет и поэтому не смогла как следует проявить себя на работе.

ЗАГУБЛЕННЫЙ ТАЛАНТ

Ботинки скрипели так громко, что Шлепанцы, у которых при полном отсутствии голоса был довольно тонкий слух, не раз говорили:

— Да, наши Ботинки далеко пойдут.

Но как бы далеко ни ходили Ботинки, всякий раз они возвращались в свою комнату.

— Ну, что? — интересовались Шлепанцы. — Как реагировала публика?

— Да никак. Советовали нас чем-то смазать.

— Канифолью, наверное! — подхватывали Шлепанцы. — Слышали мы этих любителей канифоли, —

разве у них скрип? А тоже называются — Скрипки! Вот у вас...

Ботинки стояли, задрав носы от удовольствия. Им даже было немножко приятно, что их не понимают, недооценивают, и они с радостью внимали словам Шлепанцев:

— Ничего, ваше время придет!

И время Ботинок действительно пришло. Их смазали, но, конечно, не канифолью, а обыкновенным жиром. Ботинкам, как видно, жир понравился, они успокоились и перестали скрипеть. В комнате стало совсем тихо.

И только временами из-под кровати доносился сокрушенный вздох Шлепанцев:

— Какой талант загубили!

НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

— Работаете с утра до вечера, — сокрушался здоровый Зуб, — и никакой тебе благодарности! А испорченные зубы — пожалуйста: все в золоте ходят. За что, спрашивается? За какие заслуги?

СИЛЬНЫЙ АРГУМЕНТ

Мелок трудился вовсю. Он что-то писал, чертил, подсчитывал, а когда заполнил всю доску, отошел в сторону, спрашивая у окружающих:

— Ну, теперь понятно?

Тряпке было непонятно, и поэтому ей захотелось спорить. А так как иных доводов у нее не было, она просто взяла и стерла с доски все написанное.

Против такого аргумента трудно было возражать: Тряпка явно использовала свое служебное положение.

Но Мелок и не думал сдаваться. Он принялся доказывать все с самого начала — очень подробно, обстоятельно, на всю доску.

Мысли его были достаточно убедительны, но — что поделаешь! — Тряпка опять ничего не поняла. И когда Мелок окончил, она лениво и небрежно снова стерла с доски все написанное.

Все, что так долго доказывал Мелок, чему он отдал себя без остатка...

ПУСТАЯ ФОРМАЛЬНОСТЬ

Гладкий и круглый Биллиардный Шар отвечает на приглашение Лузы:

— Ну что ж, я — с удовольствием! Только нужно сначала посоветоваться с Кием. Хоть это и пустая формальность, но все-таки...

Затем он пулей влетает в Лузу и самодовольно замечает:

— Ну вот, я же знал, что Кий возражать не станет...

ЗАПЛАТА

Новенькая Заплата достаточно ярка, и она никак не может понять, почему ее стараются спрятать. Ведь она так выделяется на этом старом костюме!

ЦИРКУЛЬ

Рисунок был действительно хорош. Циркуль не мог скрыть своего восхищения:

— Знаешь, брат Карандаш, неплохо. Совсем неплохо. Оказывается, ты не без способностей.

Циркуль еще раз взглянул на рисунок.

— Правда, в теории ты слабоват, расчеты у тебя хромают. Давай-ка вместе попробуем!

И Карандаш, руководимый Циркулем, забегал по бумаге. Но сколько он ни бегал, в результате получался один-единственный круг.

— Неплохо. Вот теперь — неплохо, — радовался Циркуль. — Видишь, что значит теория. Сразу твой почерк приобрел уверенность, четкость и определенность. Только чего-то здесь все же недостает. Какой-то детали. В смысле детали подкачал ты, брат Карандаш.

И опять Карандаш, выбиваясь из сил, бегал по бумаге и оставлял на ней круг — несколько больший, чем прежний, но все же только круг.

И опять сокрушался Циркуль:

— Рисунок-то хорош. Все точно, по теории. И масштабы шире, чем прежние. Только не хватает в нем какой-то детали. Ты еще постарайся, брат Карандаш, а?

ГЛИНА

Глина очень впечатлительна, и всякий, кто коснется ее, оставляет в ней глубокий след.

— Ах, сапог! — киснет Глина. — Куда он ушел? Я не проживу без него!

Но проживает. И уже через минуту:

— Ах, копыто! Милое, доброе лошадиное копыто! Я навсегда сохраню в себе его образ...

РАЗГОВОР С КОЛЕСОМ

— Трудно нашему брату, колесу. Всю жизнь трясь по дорогам, а попробуй только перевести дух, такую получишь накачку!

— Значит, спуску не дают?

— Ох, не дают! Да еще того и гляди — под машину угодишь. Вот что главное.

— Под машину? Разве ты не под машиной работаешь?

— Еще чего придумаете! Я пятое колесо, запасное...

КЛЯКСА

Среди однообразных букв на листе бумаги одна Клякса умеет сохранить свою индивидуальность. Она никому не подражает, у нее свое лицо, и прочитать ее не так-то просто.

КОЛОДА

Нет, не может понять Скрипку Колода.

— Если б у меня был такой мягкий, такой красивый Футляр, я бы его ни на какие смычки не променяла. И что в этом Смычке Скрипка находит? Только и знает, что пилит ее, а она еще радуется, веселится! Если б меня так пилили...

Пожалуй, в этом Колода права: если б пилили ее, все выглядело бы совсем иначе.

ОПЫТ

Каких только профессий не перепробовал Пузырек!

Был медиком — устроили за бессодержательность. Попытал себя в переплетном деле — тоже пришлось уйти: что-то у него там не клеилось. Теперь Пузырек, запасшись чернилами, надумал книги писать. Может, из него писатель получится?

Должен получиться: ведь Пузырек прошел такую жизненную школу!

ИЗЛИЯНИЕ

Бутылочка была почти пуста, а по столу разлилась огромная чернильная лужа. И все же я попробовал наполнить свою авторучку.

Но с Бутылочкой невозможны были никакие деловые отношения. Захлебываясь от восторга, она твердила одно:

— Наконец-то! Наконец-то! Наконец-то я излила свою душу! Наконец-то я показала, на что я способна!

Я пробовал настроить ее на серьезный лад, но не тут-то было.

— Ах, я совсем опустошена! — ликовала Бутылочка. — Я отдала все, что могла, но зато посмотрите на это море... Синее море!

Мне надоела эта болтовня, я забрал авторучку и шлепнул Бутылочку по пробке.

— Заткнись, — сказал я ей не очень вежливо. Бутылочка обиделась, но повиновалась.

Впрочем, она быстро утешилась. Посмотрели бы вы, как она сияла, когда я возился со столом, смывая с него чернила. Она была очень горда, что на ее море все-таки обратили внимание.

ЧАСЫ

Понимая всю важность и ответственность своей жизненной миссии, Часы не шли: они стояли на страже времени.

СЕКUNДА

Был большой разговор о том, что нужно беречь каждую секунду.

Сначала выступал Год. Он подробно остановился на общих проблемах времени, сравнил время в прошлые времена со временем в наше время, а в заключение, когда время его истекло, сказал, что нужно беречь каждую секунду.

День, который выступал вслед за ним, вкратце повторил основные положения Года и, так как времени на другое у него не оставалось, закончил свое выступление тем, что надо беречь каждую секунду.

Час во всем был согласен с предыдущими ораторами. Впрочем, за недостатком времени, ему пришлось изложить свое согласие в самом сжатом виде.

Минута успела только напомнить, что нужно беречь каждую секунду.

В самом конце слово дали Секунде.

— Нужно беречь... — сказала Секунда и — кончилась.

Не уберегли Секунду, не уберегли. Видно, мало все-таки говорили об этом.

ПОТЕРЯННЫЙ ДЕНЬ

Для Календаря наступила осень...

Вообще-то осень у него — всю жизнь, потому что круглый год с него опадают листки, но когда листков остается так мало, как сейчас, то это уже настоящая осень.

Календарь шлепал по лужам, глядя в них — много ли на небе туч. У него уже не хватало сил поднять голову.

Вот тут-то ему и повстречалась теплая компания.

Тридцать Первое Ноября, Восьмой День Недели и Двадцать Пятый Час Суток сидели вне времени и пространства и говорили об осенних делах.

— Эге, папаша, неважно ты выглядишь! — крикнули они Календарю. — Смотри, доконает тебя эта осень.

— Доконает, — вздохнул Календарь.

— Да ты присаживайся, чего стоишь?

— Надо идти, — сказал Календарь, — нет времени.

— Это у тебя-то нет времени? — рассмеялся Восьмой День Недели. — А что же нам тогда говорить? На нашу долю и вовсе времени не досталось.

— Да, — проворчал Двадцать Пятый Час, — ночей не спишь, все стараешься попасть в ногу с временем — никак не удается. Дождешься двадцати четырех часов, только попробуешь приткнуться — глядь — уже час ночи.

— Или первое декабря, — вставило Тридцать Первое Ноября. — Сразу после тридцатого.

— А я уж как извелся с этими воскресеньями и понедельниками! Так держатся друг за дружку, как будто их кто-то связал. — Восьмой День Недели с укором посмотрел на Календарь. — А все ты, папаша, виноват. Нет у тебя порядка.

— Как это нет порядка? — обиделся Календарь. — Я за порядком сам слежу, у меня каждый день на учете.

— А толку-то от этих дней! — воскликнуло Три-

дцать Первое Ноября. — Каждый из них отбирает у тебя день жизни.

— Отбирает, это правда...

— Слышь, папаша, ты бы плюнул на них, а? Взял бы лучше нас — мы бы у тебя ни минутки не тронули.

— Вас? — с сомнением посмотрел на них Календарь.

— Ну конечно, нас! — сказал Восьмой День Недеи. — У нас бы время никуда не двигалось, на месте стояло. Ни четвергов, ни пятниц, ни суббот — живи, ни о чем не думай.

— И все время ночь, — подхватил Двадцать Пятый Час. — Спи себе, знай, похрапывай!

— Это бы ничего, — улыбнулся Календарь. — И все листочки целы?

— Все до одного! Если время стоит — куда им деваться?

Календарь сел, аккуратно подобрав листочки.

— Я бы тогда в библиотеку поступил, — мечтательно произнес он. — Там с книгами хорошо обращаются. Взял, почитал, на место поставил... Вот жизнь!

— Выдана книга тридцать первого ноября...

— В восьмой день недели...

— В двадцать пять ноль-ноль...

— Вернуть книгу тридцать первого ноября...

— В восьмой день недели...

— В двадцать пять ноль-ноль...

— Пойдите, пойдите, — забеспокоился Календарь. — Это как же? Одну книгу читать целый год?

— А что — разве много? Если время стоит — зачем его экономить?

Это сказала Тридцать Первое Ноября. А Восьмой День Недеи добавил:

— Да и читать-то никто не будет. Время стоит — значит, все стоит, разве не понимаешь?

— Все стоит? И жизнь, и все остальное?

— Стоит, папаша, стоит! И тебе — прямая дорога на пенсию. Нарботал свое, довольно!

— А как же библиотека?

— На кой она тебе? Плюнь, не думай!

Календарь встал, расправил свои листочки.

— Ну, вот что, нечего мне тут с вами время терять. Поговорили и хватит!

— А осень, папаша? Она же не пощадит! — напомнил Двадцать Пятый Час.

— Ну и ладно!

— Ох, смотри, доведут тебя твои дни!

— Вы мои дни не судите, — рассердился Календарь. — Не вам их судить! Они у меня все при деле. А вы что? Так, в стороне? Значит, вы вроде и не существуете.

Календарь оторвал от себя листочек.

— Вот, потерял с вами целый день. Возьмите себе — на память о потерянном времени.

И он зашагал по лужам. Но теперь уже в них не глядел. Календарь смотрел высоко и далеко — туда, где кончается его жизнь и начинается жизнь других календарей.

Время которых еще не пришло.

СВОБОДНЫЙ ХУДОЖНИК

Электрический Утюг просил выключить его из электросети, поскольку он переходит на творческую работу.

РАКОВИНА

Испорченный Кран считал себя первоклассным оратором. Круглые сутки он лил воду, и даже ведра, кастрюли и миски, которым, как известно, не привыкать, сказали в один голос: «Нет, с нас довольно!»

Но у Крана была Раковина — верная подруга его жизни. Она исправно поглощала все перлы его красно-

речия и прямо-таки захлебывалась от восхищения. Правда, удержать она ничего не могла и оставалась пустой, но ведь и это было следствием ее исправности.

ЗЛАКИ

— Жизни нет от этого бурьяна! — возмущается Колос. — Чтоб его град побил, чтоб его молния испепелила!

— Что ты говоришь! — вразумляют Колос его товарищи. — Если случится пожар, то мы все сгорим, никого не останется.

— Ну и пусть сгорим! — не унимается Колос. — Зато на нашем месте вырастут другие колосья.

— А если вырастет бурьян?

ВЕЧНОСТЬ

Когда Гранитной Глыбе исполнилось два миллиона лет, рядом с ней — возможно, для того, чтобы ее поздравить, — появился только что родившийся Одуванчик.

— Скажите, — спросил Одуванчик, — вы никогда не думали о вечности?

Гранитная Глыба даже не пошевелилась.

— Нет, — сказала она спокойно. — Жизнь так коротка, что не стоит тратить время на размышления.

— Не так уж коротка, — возразил Одуванчик. — Можно все успеть при желании.

— Зачем? — удивилась Глыба. — От этих размышлений одни расстройствa. Еще заболеешь на нервной почве.

— Не сваливайте на почву! — рассердился Одуванчик. — Почва у нас хорошая — чистый чернозем...

Он до того вышел из себя, что пух его полетел по ветру.

Тоненький стебелек упрямо качался на ветру, но уже не мог привести ни одного убедительного аргумента.

— Вот тебе и вечность. Утешение для дураков. Нет уж, лучше совсем не думать, — сказала Глыба и задумалась.

На каменном лбу, который не могли избородить тысячелетия, пролегла первая трещина...

ЯБЛОКО

Яблоко пряталось среди листьев, пока его друзей срывали с дерева.

Ему не хотелось попадать в руки человека: попадешь, а из тебя еще, чего доброго, компот сделают! Приятного мало.

Но и оставаться одному на дереве — тоже удовольствие небольшое. В коллективе ведь и погибать веселее.

Так, может быть, выглянуть? Или нет? Выглянуть? Или не стоит?

Яблоко точил червь сомнения. И точил до тех пор, пока от Яблока ничего не осталось.

ЗАНОЗА

— Нам, кажется, по пути, — сказала Заноза, впираясь в ногу. — Вот и хорошо: все-таки веселее в компании.

Почувствовав боль, мальчик запрыгал на одной ноге, и Заноза заметила с удовольствием:

— Ну вот, я же говорила, что в компании веселее!

КРАПИВА

Ах, как возмущалась Крапива, когда мальчишки рвали цветы! И не из-за цветов, нет, — просто Крапиве было досадно, что ее никто не пытался сорвать... А между тем Крапива ничего бы не имела против этого.

Но однажды и ей улыбнулось счастье. Поймав за шиворот вора, Садовник — понятно, взрослый, умный мужчина — потянулся не за каким-то цветком, а за ней, Крапивой. И с каким наслаждением стегала Крапива зазевавшегося любителя цветов! Она понимала, что хорошие вкусы надо воспитывать с детства.

ПУГАЛО

Обрадованное своим назначением на огород, Пугало созывает гостей на новоселье. Оно усердно машет пролетающим птицам, приглашая их опуститься и попить в свое удовольствие. Но птицы шаркаются в сторону и спешат улететь подальше.

А Пугало все стоит, и машет, и зовет... Ему очень обидно, что никто не хочет разделить его радость.

КАРАНДАШ И РЕЗИНКА

Пожились Карандаш и Резинка, свадьбу сыграли — и живут себе спокойно. Карандаш-то остер, да Резинка мягка, уступчива. Так и ладят.

Смотрят на молодую пару знакомые, удивляются: что-то здесь не то, не так, как обычно бывает. Друзьки Карандаша, перья, донимают его в мужской компании:

— Сплоховал ты, брат! Резинка тобой как хочет вертит. Ты еще и слова сказать не успеешь, а она его — насмарку. Где же твое мужское самолюбие?

А подружки Резинки, бритвы, ее донимают:

— Много воли даешь своему Карандашу. Гляди, наплачешься с ним из-за своей мягкости. Он тебе пропишет!..

Такие наставления в конце концов сделали свое дело. Карандаш, чтоб отстоять свое мужское самолюбие, стал нести всякую околесицу, а Резинка, в целях самозащиты и укрепления семьи, пошла стирать вообще все, что Карандаш ни напишет. И разошлись Карандаш и Резинка, не прожив и месяца.

Перья и бритвы очень остро переживали разлад в семье Карандаша. Единственным утешением для них было то, что все случилось именно так, как они предсказывали.

ВОПРОС ЖИЗНИ

Плащ-дождевик недоволен жизнью.

В ясную, солнечную погоду, когда только бы и гулять, его держат под замком, а когда выпускают из дому — обязательно дождь припустит.

Что это? Случайное совпадение или злой умысел?

На этот вопрос не может дать ответа Плащ-дождевик, хотя проницательность его всем хорошо известна.

ЛЕСНЫЕ ПРИПЕВКИ

Барабанная Палочка не захотела делить славу со своими коллегами и сбежала в лес, чтобы организовать там оркестр под собственным управлением.

Но в лесу не оказалось настоящих музыкантов. Удручающую бездарность и безвкусицу проявляли соловьи и другие пичуги — все, за исключением Дятла, очень душевно и талантливо исполнявшего лесные припевки на своем народном инструменте.

РЕЗИНОВЫЙ ШАР

Резиновый Шар, надутый больше других, оторвался от своего шпагата и — полетел.

«В конце концов, — рассуждал он, — Земля — такой же шар, как и я. С какой же стати я должен за нее держаться?»

Чем выше поднимаешься, тем меньшими кажутся тебе те, кто остался внизу. В соответствии с этим законом природы Резиновый Шар очень скоро почувствовал себя крупной величиной.

«Кажется, я уже вращаюсь вокруг Земли, — думал он. — Наподобие ее спутника. Но это для меня не обязательно. Я могу выйти на орбиту Солнца, а то и вовсе перебраться в другую галактику. Ведь я — свободная планета!»

Эта мысль так понравилась Резиновому Шару, что он прямо засиял. И тут же спохватился:

— Побольше солидности! — предупредил он себя. — Не нужно забывать, что я — небесное тело, за мной наблюдают самые мощные телескопы!

Но сохранить солидность Резиновому Шару так и не удалось: он вдруг почувствовал, что ему не хватает воздуха. В межпланетных путешествиях это — естественное явление, но Резиновый Шар не был к нему

приготовлен, а потому сразу сник, сморщился и затосковал по земле.

«Где-то мой шпагат? — думал он. — Я был так к нему привязан!»

С этой мыслью Резиновый Шар испустил дух.

ПОРТЬЕРА

— Ну, теперь мы с тобой никогда не расстанемся, — шепнула Гвоздю массивная Портьера, надевая на него кольцо.

Кольцо было не обручальное, но тем не менее Гвоздь почувствовал, что ему придется нелегко. Он немного согнулся под тяжестью и постарался поглубже уйти в стенку.

А со стороны все это выглядело довольно красиво.

БУМАЖНАЯ РОЗА

(ПЬЕСА-СКАЗКА)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ВЕЩИ

Пустая Пепельница.
Бумажная Роза.
Толстая Книга.
Штопор.
Парень Гвоздь.
Орех.
Кактус.

Действие происходит в прихожей, маленькое окошко которой выходит во двор. Кроме таких нужных вещей, как Вешалка, Зеркало, Табуретка, здесь на старом хромоногом столике стоит старая Пустая Пепельница, владелец которой бросил курить, неизвестно как попавшая сюда пыльная Бумажная Роза и другие вещи, с которыми вы познакомитесь по ходу пьесы.

ПРЕДДЕЙСТВИЕ

Окно. На подоконнике стоит старый небритый Кактус и смотрит в прихожую, которая находится где-то в стороне. Кактусу скучно, он все время зеваает. Очевидно, ему надоело наблюдать каждый день одно и то же.

С улицы, откуда-то сверху, доносится песня.

Поработать нам не грех,
Труд полезный сладок.
Я порядочный Орех
И люблю порядок.

Ни к чему высоты мне,
Я спущусь и ниже,
Если только на стене
Пыль и грязь увижу.

В окно заглядывает Орех. Он сидит на ветке, а другой веткой сметает пыль со стены дома.

Орех (*Кактусу*). Здравствуйте, чем вы здесь занимаетесь?

Кактус (*он ничем не занимается, но ведь об этом так просто не скажешь*). Да вот, изучаю этот столик.

Орех. Есть что-нибудь интересное?

Кактус (*ничего интересного он не видит, но надо же придать какой-то смысл своим занятиям*). Да, есть интересное.

Орех. Если не возражаете, я тоже понаблюдаю. У меня как раз есть немного свободного времени.

Кактус. Садитесь, чего там.

Орех садится рядом с Кактусом, и они вдвоем смотрят в прихожую.

ДЕЙСТВИЕ I

Маленький столик в прихожей, который виден из окна Кактусу и Ореху. На столике — старая Пустая Пепельница, Бумажная Роза, Толстая Книга и Парень Гвоздь. Недалеко от столика — узкая щель двери, в которую обитателям прихожей видно то, что происходит в комнате.

Бумажная Роза. А мне снилось, что я куда-то еду...

Пустая Пепельница. Господи, опять эти сны! Мне, у которой было настоящее прошлое, ничего

не снится, а вам... С чего бы это? (*Толстой Книге*). Скажите, вы придаете значение снам?

Толстая Книга молчит.

Пустая Пепельница. Я, например, не придаю никакого значения. Когда-то в молодости, помню, мне снился «Казбек». Я ждала, ждала, но дальше «Беломора» дело так и не пошло. Нет, сны — это чепуха. (*Толстой Книге*). Не правда ли?

Толстая Книга молчит.

Пустая Пепельница. Определенно, чепуха. Мне в последнее время уже ничего не снится. Так, темнота какая-то. (*Помолчав, Розе.*) Так вам снилось, что вы куда-то едете?

Бумажная Роза кивает.

Пустая Пепельница. С кем, если не секрет?

Бумажная Роза. Ах, это не имеет значения.

Пустая Пепельница. Ну да, конечно. Наша Роза опять по ком-то сохнет. Голубушка, сколько раз я вам говорила, что нужно легче к жизни относиться. Поверьте моему опыту, у меня было достаточно окурков. Они горели, а я была холодна, они сгорели, а я цела, как видите. Любовь — это такое дело. Любить нужно с головой, умеючи.

Бумажная Роза. Непонятны мне эти рассуждения.

Пустая Пепельница. Ничего, поймете. Просто у вас еще нет опыта.

Бумажная Роза. Вот в комнате — там настоящая жизнь.

Пустая Пепельница. Что же хорошего вы нашли в комнате?

Бумажная Роза. Ну посмотрите сами. Вон видите — письменный стол? Каждый день на нем все в движении. Карандаши и ручки что-то пишут, бумага, линейка, циркуль — все увлечены каким-то интересным делом.

Пустая Пепельница. По-моему, у нас здесь гораздо спокойней.

Бумажная Роза. Или вон стол обеденный. Вокруг него собирается много людей, и тарелкам, чашкам, ложкам и вилкам всегда, должно быть, очень весело.

Пустая Пепельница. Хорошее веселье!

Бумажная Роза. А диван! Вы посмотрите на этот диван! Какие на нем красивые подушечки! Ах, как бы я хотела поселиться на этом диване!

Пустая Пепельница. Мне эта философия непонятна. (Книге.) А вам? Скажите, вот вы — мудрая, знающая книга. Вам понятна эта философия?

Толстая Книга молчит.

Пустая Пепельница (Розе). Путано вы как-то выражаетесь.

Парень Гвоздь. Ничего не путано. Роза права: что это за жизнь у вас на столе? Сплошное однообразие.

Пустая Пепельница (оборачивается к нему). Юноша, откуда вы взялись?

Парень Гвоздь. Я пришел из столярной мастерской.

Пустая Пепельница. Что это за обитель такая?

Парень Гвоздь (оживляется). Вы разве ничего не слышали о нашей мастерской?

Пустая Пепельница (снисходительно). Милый, у нас есть достаточно о чем слышать.

Парень Гвоздь. Так я вам тогда расскажу. Знаете, это очень хорошее место. Наш Рубанок — вы его знаете?

Пустая Пепельница. Первый раз слышу.

Парень Гвоздь. Так вот, наш Рубанок недавно обстругал тысячную планку, и его занесли на Доску почета.

Пустая Пепельница. Доска почета? Это что такое?

Парень Гвоздь. Ну как! Вы и о Доске почета не слышали? На нее заносят имена самых лучших, тех, кто хорошо работает.

Пустая Пепельница. Бред какой-то!

Парень Гвоздь. Почему же бред? Вот, например, Молоток. Это наш лучший ударник.

Пустая Пепельница. Юноша, ваши неотесанные друзья нас мало интересуют. Кстати, и вы, кажется, сбежали от них.

Парень Гвоздь. Я не сбежал. Мне сказали, что в комнате требуются гвозди. И я дал согласие. У меня вот и направление есть.

Бумажная Роза (живо). Вы едете в комнату? Ах, как бы я хотела быть на вашем месте!

Парень Гвоздь. Зачем же на моем? Я могу вас просто взять с собой. Если вы согласитесь, конечно.

Пустая Пепельница. Куда вас посылают?

Парень Гвоздь. На стенку.

Пустая Пепельница. Высоко?

Парень Гвоздь. Не очень.

Пустая Пепельница. Не очень — нам и на нашем столике сойдет. (Розе). Это будет безумием, если вы согласитесь.

Парень Гвоздь (Розе). Мне говорили, что эта стенка пустая, что там совершенно ничего нет. Сначала будет немножко неприятно, но ведь должен же кто-то сначала прийти на пустое место.

Пустая Пепельница. Вы слышите, пустая стенка!

Бумажная Роза. Да, это действительно неприятно. Может быть, вас могли бы послать на диван?

Парень Гвоздь. Нет, дивану гвозди не нужны, у него своих хватает.

Бумажная Роза. А на письменный стол? Или на этажерку?

Парень Гвоздь. Нет, там мне тоже нечего делать.

Бумажная Роза. Ах, как жаль, что вас не посылают на диван! Там такие красивые подушечки!

Парень Гвоздь. Уверю вас, нам на стене

будет не хуже. Мы будем первыми, а потом придут и другие. Должен же кто-то быть первым.

Пустая Пепельница. Кто-то — это нас не касается. Кто-то — это не обязательно мы. Сами можете хоть голову разбить, а за других нечего расписываться.

Парень Гвоздь. Простите, вы говорите ерунду. (Розе.) Идемте, вам будет хорошо, вот увидите.

Бумажная Роза. Право, мне как-то боязно...

Парень Гвоздь. Ну ладно. Вы подумайте. Я устроюсь на новом месте, а потом, если вы согласитесь, заберу и вас. Договорились?

Бумажная Роза. Договорились.

Пустая Пепельница. Сумасбродная нынче молодежь пошла. (Книге.) Как вы находите?

Толстая Книга молчит.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ II

Тот же столик. На нем — Пепельница, Бумажная Роза, Толстая Книга и Штопор.

Штопор (Пепельнице). А, здорово, старуха! Вот не ожидал тебя здесь встретить!

Пустая Пепельница (она теперь стала солидной и порядочной, и фамильярность Штопора ей не нравится). Я вас не знаю.

Штопор. Не знаешь? А я тебя оч-чень хорошо знаю!

Пустая Пепельница. Отстаньте, нахал!

Штопор. Но-но, не лезь в бутылку! У меня к тебе дело.

Пустая Пепельница. Что еще за дело?

Штопор. Как бы мне закрутить с этой Розой? Она мне положительно нравится.

Пустая Пепельница. Опять закрутить? Не накрутился еще со своими пробками?

Штопор. Брось, старуха! Я тебе твоих окурков не считаю.

Пустая Пепельница. Об окурках забудь. А с Розой у тебя ничего не выйдет. У нее есть жених — Парень Гвоздь.

Штопор. Гвоздь? Это не тот, которому недавно дали по шапке?

Пустая Пепельница. Дали по шапке? Ты точно знаешь? За что?

Штопор. Заработал. Сунул нос не туда, куда нужно, ему и дали. *(Помолчав.)* Так познакомишь меня с Розой?

Пустая Пепельница. Вот навязался! Ну ладно, знакомься. *(Розе.)* Милая, разрешите вас познакомить с моим старым приятелем.

Штопор *(тихо)*. О возрасте можешь не распространяться. *(Розе.)* В самом высшем обществе не встретишь такой красавицы, как вы.

Бумажная Роза *(кокетливо)*. А вы знаете, кого можно встретить в высшем обществе?

Штопор. Как же, знаю, приходилось возвращаться...

Пустая Пепельница. Подумаешь, общество! У нас тоже общество неплохое. Даже вон Книга есть, с высшим образованием.

Бумажная Роза *(Штопору)*. А в комнате, на стенке, вам бывать не приходилось?

Штопор. Что стенка! Пустое место. Я знал пробки, которые долетали до нее и тотчас же отскакивали. Ничего там хорошего, очевидно, нет.

Пустая Пепельница. Видите, я же говорила! *(Книге.)* Вот и вы подтвердите, что я именно так выразила свою мысль.

Толстая Книга молчит.

Штопор *(Розе)*. А у вас что — кто-нибудь есть на стенке?

Бумажная Роза *(смущенно)*. Да, у меня там Гвоздь. Мой знакомый.

Пустая Пепельница. Ее жених. Тот самый, которому, как вы утверждаете, дали по шапке.

Бумажная Роза (*испуганно*). Что вы говорите!

Пустая Пепельница. Вам нужно хорошенько подумать, прежде чем связать свою судьбу с таким подозрительным Гвоздем. Я бы лично — подумала.

Штопор. Да, теперь с ним связываться — дело опасное. Теперь его песенка спета.

Бумажная Роза (*растерянно*). Как же так? Ведь он был такой хороший, такой прямой Гвоздь. За что же ему?..

Штопор. За прямоту эту самую. Прямота до добра не доводит.

Бумажная Роза. Что же мне теперь делать? Я ждала, что он устроится и вызовет меня...

Штопор. И вы бы поехали? На стенку? Глупенькая!

Пустая Пепельница. Конечно, глупая. Оставить наш уютный столик и рваться на какую-то незнакомую стенку. Это по меньшей мере легкомысленно.

Штопор. От скуки не только на стенку полезешь. Разве у вас здесь жизнь?

Бумажная Роза. Как вы правы, как правы! Я так мечтаю уехать отсюда в комнату!

Штопор. Могу вам предложить свои услуги.

Бумажная Роза. Вы имеете возможность попасть в комнату?

Штопор. Для меня это просто.

Бумажная Роза. Может быть, вы смогли бы устроиться на диване?

Штопор. Конечно, на диване! Ни о чем другом не может быть и речи!

Бумажная Роза. Ах, возьмите меня, возьмите меня! Я всю жизнь мечтала об этом диване.

Штопор. С удовольствием, детка. Для тебя я готов на все!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ III

Тот же столик. На нем — Пепельница, Бумажная Роза и Толстая Книга.

Бумажная Роза. А мне опять снилось, что я куда-то еду.

Пустая Пепельница. Еду, еду... Надо было ехать — случаев, кажется, представлялось достаточно.

Бумажная Роза. Не решалась я, все боялась чего-то.

Пустая Пепельница. А вот я в свое время ничего не боялась.

Бумажная Роза. Вы — другое дело. У вас совсем другой характер.

Пустая Пепельница. При чем тут характер? Просто нужно уметь жить. *(Помолчав.)* А Штопор опять загулял. С какими-то пробками новыми связался. Я никогда не верила в его порядочность.

Бумажная Роза *(грустно)*. А я — поверила.

Пустая Пепельница. Конечно! Разве вы разбираетесь в жизни? Вы вон Гвоздю не поверили, а он теперь — слышали? — какое высокое положение в комнате занимает?

Бумажная Роза. Вы мне об этом уже двадцать раз говорили.

Пустая Пепельница. И еще сто раз буду говорить. Вы сами прозевали свое счастье. Гвоздь, такой красивый, прямой гвоздь! А этот дурак Штопор еще говорил, что ему дали по шапке.

Бумажная Роза. Не нужно вспоминать о Гвозде.

Пустая Пепельница. Как это не нужно? Да ведь он герой! Пришел на пустую стенку, а теперь вокруг него и картины, и портреты, и календарь. Сам

он такую картину держит — загляденье. Нет, Гвоздь прочно сидит, я скажу прямо — от души рада, что он оказался на высоте. Вот и у меня, я помню, был окурочок...

Бумажная Роза. Гвоздь, хороший, добрый Гвоздь! Сама не понимаю, как мне мог вскружить голову Штопор.

Пустая Пепельница. На завитушки польстилась, милая. Дело обыкновенное, женское. Вот теперь и расхлебывайте.

Бумажная Роза. Вы ведь сами говорили, что Гвоздь слишком прямой.

Пустая Пепельница. Значит, не слишком. Значит, в самую меру. Нечего к словам придирааться.

Бумажная Роза. Да ведь вы же мне и расхваливали Штопор с его завитушками. Разве не правда?

Пустая Пепельница. Правда, истинная правда. Так ведь Штопору завитушки в самую пору, он только с пробками дело имеет. А Гвоздю каменную стену одолеть надо, здесь без прямоты не обойдешься. Я помню, у меня был окурочок...

Бумажная Роза. Ну скажите — что, что мне теперь делать?

Пустая Пепельница. Чего ж вы у меня спрашиваете? Я вам ничем не помогу. Вы у Книжки спросите — она мудрая, у нее высшее образование.

Бумажная Роза (Книжке). Книга, посоветуйте, что мне теперь делать!

Толстая Книга молчит.

Пустая Пепельница. Ну скажите ей, вы ведь знаете, вы — умная.

Толстая Книга (впервые заговаривает). Рис опустить в горячую воду, дать хорошенько закипеть и варить в течение двадцати минут...

З а н а в е с

ПОСЛЕДЕЙСТВИЕ

Окно. На подоконнике сидят Орех и Кактус и смотрят в прихожую.

Орех. Вот такая история.

Кактус (*зевает*). Какая история?

Орех. Да с этой Розой.

Кактус. С той, что на столе? Да ведь она стоит, как стояла.

Орех. И вы ничего не видели?

Кактус (*спохватывается*). Как же, видел, видел.

Орех. Молодец Парень Гвоздь. Это он здорово сделал, что пошел на стенку.

Кактус. Почему пошел? Его просто взяли и забили.

Орех. Ну, что вы! Вы ведь слышали, что он говорил?

Кактус (*поспешно*). Слышал, конечно, слышал.

Орех. Вся беда в том, что Роза бумажная. С настоящей бы розой такого не случилось. Вы видели настоящие розы?

Кактус (*он всю жизнь смотрел только в прихожую, но тем не менее говорит*). Как же, видел.

Орех. Ну ладно, всего хорошего. Я пойду — меня работа ждет.

Кактус. Пока.

Орех поднимается на своей ветке и скрывается за окном.
Слышна его песня.

Поработать нам не грех,
Труд полезный сладок.
Я порядочный Орех
И люблю порядок.
Ни к чему высоты мне,
Я спущусь и ниже,
Если только на стене
Пыль и грязь увижу.

Кактус стоит на окне и пристально смотрит в прихожую. Он хочет увидеть то, что видел Орех, но уже через минуту взгляд его становится сонным и равнодушным. Кактус зевает.

Занавес

ПОЛУСКАЗКИ

НОЧЬ

Я встаю, а она еще не ложилась. Она стоит под окном, как стояла с вечера.

— Уходи! — гоню я ее. — Мне надо работать.

Ночь уходит весьма неохотно. И не успеешь оглянуться — снова стоит под окном.

— Чего тебе не спится? — спрашиваю я не слишком строго.

— Холодно, — отвечает Ночь. — Разве тут уснешь, разве согреешься?

Тогда я гашу свет и впускаю Ночь в комнату.

— Ладно, грейся. Только это в последний раз. Завтра же ты должна оставить меня в покое.

Ночь обещает, но я знаю, что это — только слова. Куда она денется среди зимы, не ночевать же ей под открытым небом!

Завтра и послезавтра все повторяется снова.

Чуть стемнеет, Ночь приходит в мою комнату и уходит только на рассвете. Мне не хочется ее тревожить.

А время идет, и ничего я не успеваю сделать. Ночи этого не объяснишь — она темная, разве она понимает?..

ХУДОЖНИК

Жил на свете Художник.

Однажды, еще в детстве, он нарисовал портрет старика. Старика этого он выдумал, но на портрете старик получился совсем как живой. Маленький Художник никак не мог расстаться со своей работой: он все что-то добавлял, подмалевывал и так увлекся, что старику это надоело. Он сошел с портрета и сердито сказал:

— Довольно! Ты меня совсем замучаешь!

Маленький Художник растерялся: ему не приходилось прежде иметь дело со стариками, которые сходят со своих портретов.

— Кто вы такой? — спросил он. — Может быть, колдун?

— Нет, не то!

— Фокусник?

— Не то!

— Ага, теперь я понимаю, — догадался мальчик. — Вас, конечно, зовут Нето. Только я, признаться, никогда не слышал такого имени.

— На этот раз ты угадал, — сказал старик. — Меня действительно так зовут. И знаешь почему? Все, кто имеет со мной дело, считают, что я — это совсем не то, что им нужно.

— А какие у вас дела? — спросил мальчик.

— Ну, — важно ответил старик, — работы у меня достаточно. Все лучшее, что создано на земле человеком, создано при моем участии. Когда-нибудь ты это поймешь.

И старик удалился на свой холст.

Маленький Художник теперь уже не осмеливался прикасаться к нему. Он спрятал портрет старика и вскоре о нем забыл.

Шли годы. Маленький Художник вырос и стал настоящим Художником. Его искусство признали и полюбили, его картины украшали залы лучших картинных галерей. Многие завидовали Художнику — его славе, его успеху, считали Художника счастливым человеком.

А на самом деле это было не так.

Художник был недоволен своими картинами. Они доставляли ему радость лишь тогда, когда он над ними работал. А кончалась работа — и возникали сомнения. Каждая новая картина казалась ему неудачей.

Однажды, вернувшись домой с очередной выставки своих картин, он долго не мог уснуть. Он перебирал в уме картины, и ему было досадно за людей, которые ими восхищались.

— Не то, все не то! — воскликнул Художник.

И вдруг перед ним появился старик. Это был тот старик, которого Художник нарисовал в детстве.

— Здравствуй, — сказал старик, — ты меня, кажется, звал?

— Кто вы такой? — удивился Художник.

— Ты, видно, меня не узнал, — огорчился старик.

— Вспомни портрет, который ты когда-то нарисовал.

— Не говорите мне о моих работах, — попросил Художник. — Ничего у меня с ними не получается, сколько ни бьюсь. И почему только всем нравятся мои картины?

— Как это всем? Мне, например, не особенно нравятся.

— Вам не нравятся мои картины?

— А что ж тут такого? Ведь тебе они тоже не нравятся.

Очень расстроил Художника этот разговор. Правда, он и раньше критически относился к своим работам, но его утешало то, что он в этих суждениях одинок и, может быть, ошибается.

Никогда еще Художник не работал так напряженно. Новые картины принесли ему еще большую славу и окончательно развеяли все сомнения.

«Если бы старик увидел эти картины, — думал он, — они бы, наверно, ему понравились».

Но старик больше не появлялся.

Прошло еще много лет.

И вот однажды Художник, уже больной и старый, роясь в своих архивах, нашел портрет старика.

«Что это за рисунок? — подумал он. — Я его совсем не помню».

— Ты меня опять не узнал. — сказал старик, схо-

дя со своего портрета. — Я все ждал, что ты меня позовешь, но ты так и не позвал. Ты, видно, вполне доволен своей работой и поэтому забыл про старика Нето, который один может помочь создать что-нибудь путное. Вот перед тобой твои картины — посмотри на них моими глазами.

И вдруг все картины словно преобразились. Художник смотрел на них и не верил, что это им он посвятил всю свою жизнь.

— Что это! — крикнул он. — Разве это мои картины? Нет, это не то! Не то! Не то, не то, не то!

— Ты зовешь меня, — грустно сказал старик. — Но теперь уже поздно. К сожалению, поздно.

ВИШНЕВАЯ КОСТОЧКА

Вишневая Косточка вылетела из окна в полном смятении.

— Караул! — кричала она. — Раздели, ограбили! Пробегавший Ветер подхватил ее и потащил за собой.

— О, вы себе даже представить не можете, — жаловалась ему Косточка. — Такое безобразие, такая наглость! Шуба — представляете?.. И вдруг — как вам это понравится?

— Погодите, погодите! — прервал ее Ветер. — Нельзя ли помедленней? А то я спешу, да еще вы спешите — и в результате ничего не поймешь.

— Меня ограбили, — снова заговорила Косточка. — Украли единственную шубу. Пригласили к обеду, предложили раздеться, а потом — выставили за окно.

— Что-то вы опять путаете, — сказал Ветер. — Сейчас такая жара — причем здесь шуба?

— Ах, вы мне не верите? — обиделась Косточка. — Затащили бог знает куда, да еще не верите! Ладно, обойдусь без вас. Можете отправляться своей дорогой.

Оставшись одна, Косточка огляделась по сторонам и увидела, что сидит она над самым ручьем. Ручей был светлый, прозрачный, и в нем, как в зеркале, отражались деревья, кусты и даже тучи. Отражалась в ручье и Косточка.

Лучше бы она в нем не отражалась!

Взглянув на себя, Косточка пришла в ужас от своего вида: казалось, она собрала всю пыль и грязь, которые были на дороге.

«Надо выкупаться!» — решила Косточка и стала осторожно сползать к ручью. Но только она окунулась в холодную воду, как Ручей подхватил ее и понес неизвестно куда.

— Не тяните меня, прошу вас! — взмолилась Косточка. — Меня уже раз тянули — до сих пор не могу опомниться.

— У вас несчастье? — участливо спросил Ручей. — Какое? Может быть, я смогу вам помочь?

И Косточка повторила ему свою историю — о том, как ее пригласили к столу и как она осталась без шубы. А в заключение сказала о Ветре:

— Это такой хам, такой хам! Я с ним поделилась, как с другом, а он сказал, что я лгу.

— Я знаком с Ветром, — сказал Ручей. — Он иногда бывает резок, но он — открытая душа.

— Вы так считаете? — раздраженно ответила Косточка. — В таком случае — высадите меня на берег. Я не хочу и минуты оставаться в вашем обществе!

Они проплывали как раз мимо дома, и Косточка выскочила на берег перед самым окном — точно таким, как то, из которого ее выбросили.

«Все к лучшему, — решила Косточка. — Теперь я смогу найти свою шубу».

Но при ее росте забраться в окно было просто невысказано. Косточка уже пришла к этому выводу, когда ее окликнули:

— А, здравствуйте! Все еще ищете свою шубу? Это был Ветер.

— Лучше помогите, чем зря расспрашивать, — недружелюбно сказала Косточка. — Видите, что не могу до окна дотянуться.

Ветер подхватил ее и легко забросил в окно.

И опять все началось с неприятностей: Косточка попала на письменный стол и чуть не разбила Очки, которые просматривали там какие-то бумаги.

Очки строго посмотрели на нее и спросили:

— Что это за хулиганство? Откуда вы взялись?

— Я вернулась за своей шубой, — сказала Косточка. — Меня ограбили самым бессовестным образом.

— Где вас ограбили? — спросил Карандаш, на минуту отрываясь от работы.

— Здесь. В этом доме. Во время обеда. Теперь припоминаете?

— Ничего я не припоминаю, — возразил Карандаш. — Я вас впервые вижу. И шубы никакой здесь не было. Да и какая может быть летом шуба?

Последней фразы Косточка не могла вынести.

— Не вам меня учить, как мне одеваться! Лучше следите за своим длинным носом! — раздраженно сказала она Карандашу.

Косточка очень разволновалась, и надо было как-то ее успокоить.

— Может быть, посадить ее в нашем саду? — предложили Очки, которым приходилось кое-что читать из области садоводства.

— Посадить? За что меня сажать? Постыдились бы говорить такое!

Но ее все-таки посадили.

...Перед самым окном, в которое когда-то влетела Косточка, растет большая, развесистая Вишня. Она глубоко пустила корни и давным-давно позабыла о грехах молодости, когда она была глупой Косточкой, среди лета потерявшей свою шубу.

И лишь по временам, когда Ветер всколыхнет ее воспоминания, Вишня робко стучится в окно, словно просит прощения за прошлые ошибки.

КОСТЕР В ЛЕСУ

Костер угасал.

В нем едва теплилась жизнь, он чувствовал, что не пройдет и часа, как от него останется горка пепла — и ничего больше. Маленькая горка пепла среди огромного дремучего леса.

Костер слабо потрескивал, взывая о помощи. Красный язычок лихорадочно облизывал почерневшие угли, и Ручей, пробежавший мимо, счел нужным осведомиться:

— Вам — воды?

Костер зашипел от бессильной злости. Ему не хватало только воды в его положении! Очевидно, поняв неуместность своего вопроса, Ручей прожурчал какие-то извинения и заспешил прочь.

И тогда над угасающим Костром склонились кусты. Не говоря ни слова, они протянули ему свои ветки.

Костер жадно ухватился за ветки, и — произошло чудо. Огонь, который, казалось, совсем в нем угас, вспыхнул с новой силой.

Вот что значит для костра протянутая вовремя ветка помощи!

Костер поднялся, опершись на кусты, встал во весь рост, и оказалось, что он совсем не такой уж маленький. Кусты затрещали под ним и потонули в пламени. Их некому было спасти.

А Костер уже рвался вверх. Он стал таким высоким и ярким, что даже деревья потянулись к нему: одни — восхищенные его красотой, другие — просто, чтобы погреть руки.

Дальние деревья завидовали тем, которые оказались возле Костра, и сами мечтали, как бы к нему приблизиться.

— Костер! Костер! Наш Костер! — шумели дальние деревья. — Он согревает нас, он озаряет нашу жизнь!

А ближние деревья трещали еще громче. Но не от восхищения, а оттого, что Костер пожирал их своим пламенем, подминал под себя, чтобы подняться еще вы-

ше. Кто из них мог противиться дикой мощи гигантского Костра в лесу?

Но нашлась все-таки сила, которая погасила Костер. Ударила гроза, и деревья роняли тяжелые слезы — слезы по Костру, к которому привыкли и который угас, не успев их сожрать.

И только позже, гораздо позже, когда высохли слезы, деревья разглядели огромное черное пепелище на том месте, где бушевал Костер.

Нет, не Костер — Пожар. Лесной пожар. Страшное стихийное бедствие.

СОСЕДКИ

Вот здесь живет Спесь, а через дорогу от нее — Глупость. Добрые соседки, хоть характерами и несхожи: Глупость весела и болтлива, Спесь — мрачна и неразговорчива. Но — ладят.

Прибегает однажды Глупость к Спеси:

— Ох, соседка, ну и радость у меня! Сколько лет сарай протекал, скотина хворала, а вчера крыша обвалилась, скотину прибило, и так я одним разом от двух бед избавилась.

— М-да, — соглашается Спесь. — Бывает...

— Хотелось бы мне, — продолжает Глупость, — отметить это событие. Гостей пригласить, что ли. Только кого позвать — посоветуй.

— Что там выбирать, — говорит Спесь. — Всех зови. А то, гляди, подумают, что ты бедная!

— Не много ли — всех? — сомневается Глупость. — Это ж мне все продать, все из хаты вынести, чтоб накормить такую ораву...

— Так и сделай, — наставляет Спесь. — Пусть знают.

Продала Глупость все свое добро, созвала гостей. Попировали, погуляли на радостях, а как ушли гости — осталась Глупость в пустой хате. Головы прикло-

нить — и то не на что. А тут еще Спесь со своими обидами.

— Насоветовала, — говорит, — я тебе — себе на лихо. Теперь о тебе только и разговору, а меня — совсем не замечают. Не знаю, как быть. Может, посоветуешь?

— А ты хату подожги, — советует Глупость. — На пожар-то они все сбегутся.

Так и сделала Спесь: подожгла свою хату.

Сбежался народ. Смотрят на Спесь, пальцами показывают.

Довольна Спесь. Так нос задрала, что с пожарной каланчи не достанешь.

Но недолго пришлось ей радоваться. Хата сгорела, разошелся народ, и осталась Спесь посреди улицы. Постояла, постояла, а потом — деваться некуда — пошла к Глупости:

— Принимай, соседка. Жить мне теперь негде.

— Заходи, — приглашает Глупость, — живи. Жаль, что угостить тебя нечем: пусто в хате, ничего не осталось.

— Ладно, — говорит Спесь. — Пусто так пусто. Ты только виду не показывай!

С тех пор и живут они вместе. Друг без дружки — ни на шаг. Где Глупость — там обязательно Спесь, а где Спесь — обязательно Глупость.

ПОЛУПРАВДА

Купил Дурак на базаре Правду. Удачно купил, ничего не скажешь. Дал за нее три дурацких вопроса да еще два тумака сдачи получил и — пошел.

Но легко сказать — пошел! С Правдой-то ходить — не так просто. Кто пробовал, тот знает. Большая она, Правда, тяжелая. Поехать на ней — не поедешь, а на себе нести — далеко ли унесешь?

Тащит Дурак свою Правду, мается. А бросить жалко. Как-никак, за нее заплачено.

Добрался домой еле жив.

— Ты где, Дурак, пропал? — набросилась на него жена.

Объяснил ей Дурак все, как есть, только одного объяснить не смог: для чего она, эта Правда, как ею пользоваться.

Лежит Правда среди улицы, ни в какие ворота не лезет, а Дурак с женой держат совет — как с нею быть, как ее приспособить в хозяйстве.

Крутили и так, и сяк, ничего не придумали. Даже поставить Правду, и то негде. Что ты будешь делать — некуда Правды деть!

— Иди, — говорит жена Дураку, — продай свою Правду. Много не спрашивай — сколько дадут, столько и ладно. Все равно толку от нее никакого.

Потащился Дурак на базар. Стал на видном месте, кричит:

— Правда! Правда! Кому Правду — налетай!

Но никто на него не налетает.

— Эй, народ! — кричит Дурак. — Бери Правду — дешево отдам!

— Да нет, — отвечает народ. — Нам твоя Правда ни к чему. У нас своя Правда, не купленная.

Но вот к Дураку один Умник подошел. Покрутился возле Правды, спрашивает:

— Что, парень, Правду продаешь? А много ли просяшь?

— Немного, совсем немного, — обрадовался Дурак. — Отдам за спасибо.

— За спасибо? — стал прикидывать Умник. — Нет, это для меня дороговато.

Но тут подоспел еще один Умник и тоже стал прицениваться.

Рядились они, рядились и решили купить одну Правду на двоих. На том и сошлись.

Разрезали Правду на две части. Получились две полуправды, каждая и полегче, и поудобнее, чем целая была. Такие полуправды — просто загляденье.

Идут Умники по базару, и все им завидуют. А по-

том и другие Умники, по их примеру, стали себе полуправды мастерить.

Режут Умники правду, полуправдой запасаются.

Теперь им куда легче разговаривать между собой.

Там, где надо бы сказать: «Вы подлец!» — можно сказать: «У вас трудный характер». Нахала можно назвать шалуном, обманщика — фантазером.

И даже нашего Дурака теперь никто дураком не зовет.

О дураке скажут: «Человек, по-своему мыслящий». Вот как режут Правду!

ХЛОРОФИЛЛ

В огороде были овощи всех мастей: красные помидоры, белые кабачки, синие баклажаны. Но самым ярким среди них был Зеленый Лук. Поэтому немудрено, что его пригласили на работу в научно-исследовательский институт.

Лук обрадовался новому назначению.

— Мне это подходит, — сдержанно заявлял он соседям по огороду. — Я всегда мечтал о научной карьере.

В институте Зеленый Лук посадили в ящик с землей, а сверху, как и подобает ученому, надели на него колпак.

Шло время. Помидоры, кабачки и баклажаны давным-давно забыли о своем земляке, который пошел по научной линии. Но вот однажды новый жилец поселился у них на грядке.

— Здравствуйте, соседи! — поздоровался с ними незнакомец. — Вы меня, кажется, не узнаете? Я — Зеленый Лук.

— Ты зеленый?.. Ты зеленый? Вот насмешил! Ты посмотри на себя — какой же ты зеленый?

Лук посмотрел на себя в лужицу и увидел, что он

и вправду совсем не зеленый, а желтый. В темноте под своим колпаком он не мог этого разглядеть, а здесь...

И все-таки Лук обиделся.

— Я столько работал, — сказал он, — я за работой не видел света...

— Ха-ха-ха! Не видел света! — смеялись овощи. — Хорошенькое дело для нашего брата!

Лук слушал, как над ним смеются, и зеленел от обиды.

А может быть, совсем и не от обиды, может быть, он зеленел оттого, что снова увидел свет?

ПОДСОЛНУХ

Маленькое Семечко подпрыгивало на ветру и кричало высокому Солнцу:

— Послушайте, послушайте! Вы можете на минутку опуститься на землю? У меня к вам важное дело, мне нужно с вами посоветоваться!

Важное дело есть важное дело, — это и Солнцу понятно. И вот оно опускается на землю, правда, медленно, не так, как хотелось бы нетерпеливому Семечку.

— Понимаете, — объясняет Семечко, не дожидаясь, пока Солнце приземлится, — я хочу стать таким, как вы. Только не знаю, что нужно для этого сделать. Способности у меня есть, это и специалисты подтверждают, но все остальное...

Солнце уже село на землю и внимательно слушало Семечко. А оно все бежало к нему и все говорило:

— Главное, что я не могу оторваться от земли. Если бы не земля, я бы уже давно...

Семечко не кончило этой мысли: Солнце вдруг ушло под землю.

Что делать Солнцу под землей? Может быть, там Семечко сможет досказать ему свое дело? И Семечко полезло под землю...

Трудно сказать, встретилось ли Семечко с Солнцем под землей, но вышло оно из-под земли совсем дру-

гим, на себя не похожим. Больше того: оно даже стало похоже на Солнце. Все, кто его видел, это сразу замечали.

Кто помог Семечку, кто ему дал совет: Солнце, Земля или Человек, часто навещавший его в поле, — неизвестно.

Может быть, Солнце — потому что и сейчас, став маленьким солнышком на длинной ножке, бывшее Семечко тянется за ним, поворачивает голову в его сторону.

А может быть, Земля — потому что бывшее Семечко крепко держится за нее, больше не хочет улетать на небо.

А может быть, — Человек. Человек вообще все может.

БЕЛАЯ ТУЧКА

В топке была жаркая работа, и Дым после смены захотел немного проветриться. Он вышел из трубы, подумывая, чем бы таким заняться, но, не найдя ничего лучшего, решил просто подышать свежим воздухом. «Оно и приятно, — размышлял Дым, — и полезно. Врачи, по крайней мере, советуют...»

Дым уже начал было дышать — спокойно, размеренно, по всем правилам медицины, — но вдруг что-то сдавило ему дыхание. Даже посторонний наблюдатель сразу бы заметил, что с Дымом происходит неладное: он словно замер на месте и неотрывно смотрел в одну точку... Собственно говоря, это была не точка, а тучка. маленькая белая тучка на ясном весеннем небе.

Она была очень красива, эта Тучка, кудрявая и пушистая, в голубой небесной шали и ожерелье из солнечных лучей. Так что нечего удивляться, что Дым на нее загляделся.

Говорят, нет дыма без огня, и наш Дым вовсе не был исключением из общего правила. При виде Тучки он почувствовал в себе огонь и — устремился к ней.

— А вот и я! — выпалил Дым с бухты-барухты, примчавшись к Тучке и глядя на нее во все глаза. — Хотите со мной познакомиться?

Тучка поморщилась.

— Вы что — пьяны? — спросила она. — Что вы ко мне пристаёте?

— Я не пристаю, — пробормотал он. — И я вовсе не пьян. Просто... хотел... познакомиться.

У Дыма был очень растерянный вид, и это немножко успокоило Тучку.

— Поглядите на себя, на кого вы похожи, — сказала она. — Разве в таком виде представляются даме?

Дым послушно посмотрел на себя. Да, Тучка была права: грязный, растрепанный, весь в саже и копоти, Дым не производил благоприятного впечатления.

— Извините, — прошептал он. — Я только что со смены. У нас на заводе...

Вероятно, Дым все же сказал бы, что там было у них на заводе, но тут появился Ветер. Если бы он просто появился! Нет, он сразу же бросился к Тучке, схватил ее довольно бесцеремонно и поволок. А Тучка прижалась к нему, словно только его и ждала все это время.

И тогда Дым начал таять. Он таял буквально на глазах, и если бы Тучка была повнимательней, она бы, конечно, это заметила.

Но она не была внимательной, эта белая Тучка. Она привыкла парить в небесах, и какое ей было дело до Дыма с его заводом, с его будничными заботами?.. Она прижималась к Ветру и уже совсем забыла о Дыме.

А Дым все таял и таял. И вот уже он исчез, как дым, — то есть, как и всякий другой дым исчез бы на его месте.

И только теперь Тучка о нем пожалела. Только теперь она почувствовала, что свежесть Ветра — еще не все, что он слишком резок и вообще у него ветер в голове.

Дым был другим. Он был серьезней и мягче, он смущался, робел, он хотел что-то рассказать Тучке о своем заводе... Теперь Тучка никогда не узнает, что он хотел ей рассказать.

От одной этой мысли можно было расплакаться. И Тучка заплакала. Она плакала горько и тяжело, плакала до тех пор, пока всю себя не выплакала.

РАССКАЗ О ЛЕСОРУБЕ, КОТОРОМУ ДО ВСЕГО БЫЛО ДЕЛО

В старину в одном городе люди потеряли улыбку... Уверяю вас, что это очень страшно, гораздо страшнее, чем кажется на первый взгляд.

Никто не знал, откуда взялась эта загадочная болезнь, и местные светила науки изо дня в день изучали причины ее возникновения.

— Очевидно, это что-то желудочное, — говорил доктор Касторка.

— Нет. Нет, нет... Скорее это явление простудного характера, — возражал ему доктор Стрептоцид.

— Чепуха! — категорически заявлял профессор Пенициллин. (Злые языки утверждали, что именно это магическое слово принесло ему профессорство.)

Между тем болезнь с каждым днем принимала все более угрожающий характер. Люди забыли о весне, о солнце, о друзьях, и на улицах вместо приветливых и дружелюбных слов только и слышалось:

— Не твое дело! Не суй свой нос! Иди своей дорогой!

И как раз в это время с гор спустился молодой Лесоруб. Подходя к городу, он увидел человека, который барахтался в реке, силясь выбраться на берег.

— Тонешь? — спросил Лесоруб, собираясь броситься на помощь.

— Не твое дело, — мрачно ответил утопающий и ушел под воду.

Лесоруб больше не стал тратить время на разговоры, а бросился в реку и вытащил человека на берег.

— Ты что же это сопротивляешься, когда тебя спасти хотят? Смотри, чудак, так и утонуть недолго.

— Да кто ж тебя знал, что ты всерьез спасать надумал? У нас это не принято.

Пожал плечами Лесоруб и отправился в город.

На одной из улиц дорогу ему преградила огромная толпа народа. В центре толпы маленький старичок трудился над опрокинутой телегой и никак не мог поставить ее на колеса.

— Давай-ка, дед, вместе! — сказал Лесоруб. — Одному-то тебе не под силу.

— Не твое дело, — буркнул старик, не поднимая головы.

— Ишь ты, гордый какой, — засмеялся Лесоруб. — У меня-то сил побольше твоего. А вдвоем не справимся — люди подсобят: вон их сколько собралось тебе на подмогу.

При этих словах толпа начала расходиться. Стоящим сзади уйти было легко, а передним — труднее, и они волей-неволей взялись помогать старику.

Вскоре в городе только и разговоров было, что о молодом Лесорубе. Говорили, что он во все вмешивается, о каждом хлопочет, что ему до всего дело. Сначала к этому отнеслись с улыбкой (это была первая улыбка за время эпидемии), а потом многие захотели составить Лесорубу компанию, потому что он был веселый парень и делал интересное дело.

Однажды утром профессор Пенициллин выглянул в окно, и слово «чепуха» застряло у него в горле: на улице он увидел сотни улыбающихся лиц. Однако борьба с эпидемией была в плане работы больницы на весь следующий год, поэтому профессор решил закрыть глаза на факты. Он уже открыл рот, чтобы сказать: «Не мое дело», но его перебил Лесоруб, который как раз в это время входил в Зал заседаний:

— Пожалуйста, профессор, не произносите этой фразы: ведь она и есть причина заболевания!

Так кончилась эпидемия.

Лишь только у жителей города исчезла из употребления фраза «Не твое дело», к ним тотчас вернулась улыбка, они стали веселыми и счастливыми.

А Лесоруб ушел в горы — у него там было много работы.

ЛЕСНАЯ СКАЗКА

Это случилось в ночь под Новый год.

Взрослые елки разошлись по гостям, а в лесу остались только маленькие елочки, которые еще не доросли до того, чтобы их приглашали в гости. Маленькие елочки должны были спать — так наказали им взрослые.

Но кому под Новый год хочется спать?

— Давайте встречать Новый год! — предложила старшая елочка.

— Давайте, давайте! — поддержали ее остальные.

Когда люди собираются в новогоднюю ночь, они ставят в центре комнаты елку и веселятся вокруг нее. Но как быть, когда собираются елки?

— Нам надо выбрать королеву, — решила старшая елочка.

Каждой елочке хотелось, чтобы ее выбрали королевой. Но предлагать себя было неудобно, поэтому все вдруг замолчали и потупились.

— А у меня сегодня день рождения, — сказала самая маленькая елочка и сразу почувствовала, что солгала неудачно: какое может быть зимой у елочки рождение?

— То есть, не совсем день рождения, — поправилась она, — а именины. Меня в этот день называли Елочкой.

На нее просто жалко было смотреть — так маленькой елочке хотелось, чтобы ее выбрали королевой. Поэтому ее подружки, хоть и не верили ни в день рождения, ни в именины, в один голос выбрали елочку королевой.

Они взялись за ветки и, приплясывая вокруг маленькой елочки, пели:

В лесу родилась елочка,
В лесу она росла...

Сразу собралось много гостей. Снежинки так и повалили на праздник. Они кружились вокруг Елочки, садились на ее ветки — осторожно садились, чтобы не

уколоться об острые иглы, — и изображали фонарики. В лунном свете это получалось у снежинок очень удачно.

Все было хорошо и весело, но вдруг...

— У-у-у-у, здесь веселятся! Здесь смеются!

Это была Буря — злая, вредная старуха, которая терпеть не могла веселья и радости.

— Так вы пляшете! — ревела Буря, размахивая подолом и пригибая елочки к земле. — Ну-ка и я с вами спляшу. Кто со мной — выходи!

Снежинки бросились врассыпную, елочки жались друг к дружке, и Буре никто не ответил.

Тогда она подскочила к старшей елочке:

— Эй, ты, долговязая, пошли плясать! — и так рванула елочку, что та упала замертво. А Буря уже тормозила ее соседку:

— Пошли плясать!

Она вырывала из земли одну елочку за другой и так разошлась, что неизвестно, чем бы это кончилось, если бы на помощь не подоспел дед Мороз, который в это время совершал новогодний обход по земле.

— Что-то больно расплясалась, старуха! — крикнул Буре Мороз. — Может, со мной пойдешь? Ну-ка, давай — наш, сибирский!

Такого танца елочкам еще не приходилось видеть. Мороз был крепок, и он так сжал Бурю, что она похолодела. Только под утро, когда Мороз немного ослабел, Буре удалось вырваться из его объятий.

И тогда взошло Солнце. Увидев, как Буря уползает из леса, Солнце широко улыбнулось, и от этого стало еще ярче...

ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА

Жил-был добрый волшебник. Он мог превращать песок в сахар, а простую воду в молоко, но он ничего этого не делал, так как был убежден, что чудес на земле не бывает.

Пошел он однажды на край света. Пришел, свесил ноги через край и сидит, смотрит вниз — на звезды и луну, на разные планеты.

Вдруг добрый волшебник почувствовал, что рядом с ним кто-то стоит. Он скосил глаза и увидел петуха, который пристроился на самом краю и преспокойно клевал звезды.

— Что ты делаешь! — забеспокоился добрый волшебник. — Ведь так мы останемся без звезд.

Петух перестал клевать.

— И правда, — сказал он, — мне это как-то не пришло в голову. Но согласитесь — здесь же больше нечего клевать.

— А зачем ты забрел на край света? — спросил добрый волшебник.

— У меня просто не было другого выхода, — сказал Петух. — Так сложилась жизнь — ничего не поделаешь.

Доброму волшебнику захотелось узнать, как складывается жизнь у петухов, и петух охотно ему рассказал.

Оказывается, он вовсе не был петухом. Он был таким же человеком, как добрый волшебник, только помоложе. Петух даже уверял, что у него была жена, очень красивая женщина, которую он любил больше всего на свете. Он так любил свою жену, что друзья стали над ним посмеиваться.

— И вот один из них, — сказал Петух, — колдун по образованию, превратил меня в петуха... И теперь мне нравятся все курицы... — Петух опустил глаза. — Вот поэтому я сбежал на край света.

— Если бы меня кто-нибудь расколдовал, — закончил Петух. — Я мог бы вернуться к своей жене и опять жить по-человечески...

— Да, если бы, — вздохнул волшебник. — Но чудес не бывает.

Так они сидели на самом краю света и говорили о жизни. Потом волшебник спохватился:

— Однако, что же мы здесь сидим? Надо идти устроиться где-нибудь на ночь.

Они шли по краю света, как по берегу большой реки. То и дело Петух окликал волшебника:

— Посмотрите, какая хорошенькая курочка! — и тут же начинал себя стыдить: — Ах, какой я все-таки... Бессовестный, непутевый...

Поздно вечером набрали на берлогу медведя.

— Заходите, — пригласил Медведь, — хотя угощать у меня особенно нечем. На краю света с продуктами — сами понимаете...

— А как ты попал на край света? — спросил добрый волшебник.

— Можно и рассказать, — сказал Медведь, усаживая гостей. — Это целая история.

— Дело в том, что я не медведь, а петух, — сказал Медведь. — Я пел и зарабатывал довольно неплохо. Было у меня вволю и пшеницы, и овса, и кукурузы... Это так чудесно — быть петухом, — вздохнул Медведь и посмотрел на Петуха, ища сочувствия. — Если бы не мед, я бы и сейчас жил, горя не зная...

— Какой мед? — спросил волшебник. — Ты же говорил о зерне.

— Да, зерна у меня хватало. Но мне захотелось меда. Я много слышал о нем, и, понимаете... мы же никогда не довольны тем, что имеем... И вот однажды, когда стемнело, я забрался на пасеку...

Медведь замолчал. Ему было совестно рассказывать о том, что произошло дальше. Но раз уж начал — надо досказать.

— Осторожно, чтобы не разбудить пчел, я залез в улей и стал пробовать мед. Он оказался совсем невкусным, но я столько о нем наслышался, что уже не мог себя удержать. Я уплетал мед за обе щеки и уже подумывал, как бы утащить с собой улей, но вдруг почувствовал, что со мной что-то происходит.

Медведь отвернулся и стал сморкаться в тряпочку.

— Можете себе представить, — продолжал он, — перья и крылья мои куда-то исчезли, а вместо них появилась шерсть и вот эти лапы. И самое главное — я потерял голос. Вот послушайте.

Медведь заревел так, что все вокруг содрогнулось.

— Нет, ничего, голос как будто есть, — робко заметил волшебник, но Медведь только лапой махнул:

— Э, разве это голос! Вот прежде было...

Медведь попробовал показать, что у него было прежде, но опять заревел и смутился:

— Нет, не получается. Эх, если б мне опять петухом стать!

— Ничего не поделаешь, — вздохнул добрый волшебник. — Чудес не бывает.

— Привет честной компании, — послышалось сверху, и в берлогу заглянул человек.

— Ты кто? — покосился на него Медведь. — Часом, не охотник?

— Да нет, какой из меня охотник, — сказал Человек. — Я и не человек вовсе. Медведем родился, медведем и состарился. Да вот на старости лет захотелось стать человеком. Человеку, думал, легче, человеку и пенсию дают. Только вижу теперь — ох, нелегкое это дело быть человеком! Вот и хожу, ищущу — кто бы меня опять в медведя переколдовал.

Волшебник покачал головой:

— Чудес не бывает...

Сидят они в медвежьей берлоге, а настроение у всех — ой, не веселое!

— Эх, кабы мне быть человеком! — сокрушается Петух.

— Кабы мне быть петухом! — вторит ему Медведь.

— Кабы мне быть медведем! — вздыхает Человек.

Надоело это все доброму волшебнику, не выдержал он и крикнул:

— А, да будьте вы все, кем кто хочет!

И тотчас же стали все, кем кто хотел, потому что пожелал этого не кто-нибудь, а волшебник.

Петух стал человеком.

Медведь — петухом.

Человек — медведем.

Посмотрел волшебник — сидят в берлоге петух, медведь и человек — и вздохнул:

— Я же говорил, что чудес не бывает!

Но компания и та, и словно уже не та. Ободрились все, повеселели.

Петух песни поет.

Медведь лапу сосет, другой лапой закусывает.

А человек — просто так сидит, улыбается.

«Что с ними произошло? — удивляется волшебник. — Неужто и вправду случилось чудо?»

Но недолго ему пришлось так раздумывать. Вот уже и петух перестал петь, и медведь оставил свою лапу, и человек улыбаться перестал.

— Эх, — вздохнул петух, — благое дело быть медведем. Залезть в берлогу, лапу сосать...

— Нет, — возразил медведь, — человеком все-таки лучше...

А человек ничего не сказал. Он только посмотрел на петуха и задумался.

КАРМАННАЯ ШКОЛА

СКАЗКА О МАТЕМАТИКЕ

В древности у одного математика было три ученика. Когда они в совершенстве овладели четырьмя арифметическими действиями и научились более или менее сносно отличать целые числа от дробных, математик призвал их и сказал:

— Вот что, ребята. Теперь, когда вы достигли вершин, настала пора применить ваши знания в жизни. Идите же и сосчитайте, чего в мире больше — плюсов или минусов.

Ушли ученики и вернулись только через три года. Увидев их, учитель был очень растроган. Даже всплакнул от радости.

— Спасибо, ребята, не подвели старика. А я-то уж, грешным делом, думал, не попристраивались ли вы где-нибудь в городе.

После первых общих вопросов о житье-бытье, о здоровье и прочем учитель перешел к главному.

— Ну, вот ты, — обратился он к первому ученику, — скажи: чего в мире больше — плюсов или минусов?

— Дорогой учитель! — сказал этот ученик. — Я не зря потратил время. Когда я встретил ее...

— Кого это — ее? — не понял учитель.

— Разве я не сказал? Мою жену. Ах, это чудесная женщина. Умница, красавица, из высшего обще-

ства. Благодаря ей я стал владельцем прекрасной усадьбы. Ах, какая усадьба, учитель, какие сады, какие фрукты! Вы обязательно должны у нас побывать, мы все четверо будем вам рады!

— Почему четверо?

— Разве я не сказал? У нас двое деток. Ах, какие детки, дорогой учитель, ах, какие детки! Вы обязательно должны с ними познакомиться!

— При чем здесь детки? — рассердился учитель. — Ты должен был сосчитать, чего в мире больше — плюсов или минусов!

— Как же, как же, я все сосчитал. Все плюсы. А вот минусов, знаете, не заметил. Может, они только в математике?

— Господи, кого я учил! — вздохнул учитель и повернулся к другому ученику.

— А ты что насчитал?

— Я считал... Все время считал... Много насчитал всего — и золота, и разных драгоценностей... А потом меня ограбили. Жулье, проходимцы, мошенники...

— Ну, и как же насчет плюсов и минусов? — напомнил учитель.

— Какие там плюсы! Где они? Вы их видели? Одни минусы, минусы на каждом шагу!

Учитель только махнул рукой и — ничего не ответил.

— А ты что успел подсчитать? — спросил он у третьего ученика.

— Я, учитель, ничего не успел, — сказал третий ученик. — Видел я и плюсы и минусы, видел, что плюсы приносят людям радость, а минусы — горе. И мне захотелось сделать так, чтобы в жизни людей было как можно больше плюсов и как можно меньше минусов...

— Но такого действия не знает математика! — воскликнул учитель.

И, помолчав, добавил:

— А все-таки это — отличное действие. Больше плюсов, меньше минусов — ради этого стоит жить! Молодец! Ты здорово усвоил мою науку!

НОЛЬ

Надоела Нюлю холостая жизнь.

«Так вот живешь и ничего не значишь, — подумал он. — Надо множиться!»

Стал Ноль искать, с кем бы помножиться. Выбирал, выбирал — все не по нраву. Единица слишком тоща, да и нос длинноват, хлопот не оберешься. Тройка горбата, Семерка косо стоит, еле на ногах держится. Все Нюлю не так, видно, высокие у него требования.

Наконец, приглядел Восьмерку. Симпатичная Восьмерка, кругленькая, даже будто на Ноль похожа, только поуже в талии. Подкатился к ней Ноль с одной стороны, подкатился с другой, а потом — чего долго раздумывать! — пошел множиться.

Собрались Восьмеркины родственники. Все старые цифры, солидные. 88, 888, даже 88888, очень большая величина, и та пришла, не погнушалась. Только жених на родственников — ноль внимания. Что ему их многозначность? Он сам Ноль — не кто-нибудь!

— Ты, — говорит Ноль Восьмерке, — должна понимать, что такое семья. Как я сказал — так и все, без никаких разговоров!

— Я постараюсь! — обещает Восьмерка.

Робкая, безответная она была, да и засиделась в восьмерках, только и мечтала, как бы помножиться.

И вот — помножились.

Доволен Ноль. Важный такой стал, степенный. А Восьмерки при нем — и не видно. Затер он ее, затер совсем, до того затер, что потом никто и сказать не мог, куда девалась Восьмерка.

Вот как это выглядело:

$$0 \times 8 = 0$$

И опять остался Ноль один.

— Не повезло мне с Восьмеркой, — оправдывается он перед ее родственниками. — Слишком уж она смиренная была, ни в чем не перечила. С такой и жить не интересно.

Стал Ноль искать себе другую пару. Нашел Пятерку — цифру тоже ничего. Правда, с Восьмеркой ее не сравнить, не те пропорции, но ведь теперь Нолю и выбирать-то особенно не приходится.

На этот раз Ноль повел себя иначе. «Ну его, это умножение! — подумал. — С этими домостроевскими обычаями, чего доброго, опять жену в гроб загонишь! Нет уж, лучше по-современному, как все, соединиться: записаться и жить вместе».

Записались они с Пятеркой. Пятерка и Ноль. Хорошо получилось: 50. Пятерка выросла в десять раз, а Ноль — уж и неизвестно во сколько. Семья все-таки много значит!

Доволен Ноль.

— Вот как, — говорит, — вышло. Ты простой Пятеркой была, а теперь кем стала?

— Я очень счастлива, — говорит Пятерка.

— Еще бы не счастлива! Без меня ты была просто Пятеркой, а теперь...

— Да, теперь...

— Именно теперь! — не унимается Ноль. — Именно теперь, когда я взял тебя, когда ты со мной на равных правах.

— На равных... — эхом отзывается Пятерка.

— Может, скажешь, не на равных? Я тебя даже вперед пропустил — ты всегда впереди меня. Разве ты не чувствуешь этого?

— Чувствую...

— Ты как будто даже не рада?

— Очень рада, — вздыхает Пятерка.

— Почему же ты вздыхаешь?

— Так...

— Нет, не так. Ты должна понимать, что раньше...

Это были долгие разговоры. Сначала Пятерка терпела, думала: ну, поговорит Ноль на радостях и успокоится. Да не тут-то было. Чем дальше, тем Ноль больше распаляется. Зудит и зудит — нет спасения!

Чуть свет — уже начинает:

— Вспомни, кем ты была.

Уже ночь, а он — все еще:

— Не забудь, кем ты стала.

Не дает Пятерке покоя: радуйся, да и только!

Не выдержала Пятерка.

— Лучше уж, — говорит, — я простой Пятеркой буду, чем так радоваться.

И ушла от Ноля.

Остался Ноль в одиночестве и не поймет — что случилось? Так хорошо жили, и вот — покинула его Пятерка. За что, скажите, пожалуйста?

А ему, Нолю, теперь, как никогда, подруга нужна. Стар он стал, здоровье совсем сдало. Еле-еле нашел себе какую-то Двойку. Горбатенькая Двойка, кривая, — но все-таки цифра!

Долго Ноль соображал, долго прикидывал — как бы и на этот раз маху не дать. Выведал, с кем Двойка в задачнике встречалась, как вела себя в таблице умножения, какие у нее были плюсы и минусы. Узнал, что Двойка ведет дневник — в дневник заглянул. В дневнике тоже было все в порядке: двойка как двойка, к тому же по математике.

«Пора закругляться! — решил Ноль. — А то, чего доброго, другие охотники найдутся».

И — сразу приступил к действию.

— Давай соединимся!

— Ишь, старый хрыч! Если хочешь сложиться, так и говори, а нет — проваливай.

— Я сложусь, я сложусь, — заторопился Ноль. — Я всегда готов, ты не сомневайся!

Так и сложились они:

$$2+0$$

Два плюс Ноль... А чему же равняется?

$$2+0=2$$

Вот и доигрался Ноль, домудрился. Нет Ноля. Конец ему пришел.

Даже мелкие цифры, которые всегда ниже Ноля стояли, и те не удержались:

— Ну и дурак был этот Ноль! Круглый дурак!

ТОЧКА НА ПЛОСКОСТИ

Не знала Точка ни забот, ни тревог, но пришло время и ей подумать о своем месте на плоскости.

— Я хочу стать центром окружности! — заявила Точка.

Что ж, по законам геометрии все точки равны, и каждая из них может стать центром окружности. Для этого нужны только циркуль и карандаш — и ничего больше.

Но едва лишь к ней прикоснулся циркуль, Точка завопила:

— Ой! Больно! Ой! Что вы колетесь?!

— Но вы хотели стать центром окружности, — напомнил Циркуль.

— Не нужен мне ваш центр, не нужна мне ваша окружность, оставьте меня в покое!

Оставили Точку в покое. Но ненадолго. Должна же Точка занять какое-то место на плоскости!

— Я хочу стать вершиной угла, — заявила Точка на этот раз.

По законам геометрии вершиной угла тоже может стать каждая точка. Для этого на прямую, на которой она находится, достаточно опустить перпендикуляр.

Стали опускать на прямую перпендикуляр.

— Вы что, ослепли?! — закричала Точка при виде Перпендикуляра. — Вы падаете прямо на меня. Разве вам мало места на плоскости?

Растерялся Перпендикуляр, повис в воздухе.

— Погодите, дайте-ка мне, — сказала Секущая. — У меня эта Точка станет вершиной сразу четырех углов.

Но не тут-то было. При виде Секущей Точка прямо-таки забилась в истерику.

— Не секите меня! — рыдала она. — Я не призывала, чтобы меня секли!

Что было с ней делать? Махнули на Точку рукой. Не стала она ни центром окружности, ни вершиной угла, а осталась простой точкой на простой прямой, параллельной тысячам других прямых.

Впрочем, как выяснилось впоследствии, линия у этой Точки была тоже далеко не прямая.
Кривая была у Точки линия.

СТЕПЕНЬ

Много лет прослужила Единица без единого замечания, и нужно же было как-то отметить ее заслуги!

Поэтому Единицу решили возвести в степень.

Сначала возвели во вторую степень. Думали этим и ограничиться, — но опять Единица служит прилежно, а замечание — хоть бы одно!

Возвели Единицу в третью степень. И опять ни одного замечания. Возвели в четвертую. Ни одного замечания! Подумать только!

Возвели в пятую степень, в шестую, в десятую, в сотую. Нет замечаний!

Далеко пошла Единица. Теперь она — Единица в тысячной степени.

А что изменилось от этого? Ничего — ровным счетом. Ведь Единица в тысячной степени — та же Единица.

И на тысячную долю не больше!

ПРОСТАЯ ДРОБЬ

У Числителя и Знаменателя — вечные дразги. Никак не поймешь, кто из них прав. Числитель толкует одно, а Знаменатель перетолковывает по-своему.

Числитель говорит: — У меня положение выше, почему же я меньше Знаменателя?

А Знаменатель свое: — Я-то числом побольше, с какой же стати мне ниже Числителя стоять?

Поди, рассуди их, попробуй!

И ведь что вы думаете, — была такая попытка. Целое Число, которому надоело это брюзжание, сказало им напрямик:

— Склочники несчастные, чего вы не поделили? В то время, когда у нас столько нерешенных задач, столько прекрасных примеров...

— Тебе, Целому, хорошо, — проворчал Знаменатель, и Числитель — в первый раз! — согласился с ним.

— Знаменательно! — воскликнул Числитель. — Знаменательно, что именно Целое Число делает нам замечание!

— А кто вам мешает стать целым числом? Сложитесь с какой-нибудь дробью.

— Ладно, обойдемся без ваших задач и примеров, — сказал Числитель, а Знаменатель, придвинувшись к Целому Числу, выразил эту мысль более категорически:

— Проваливай, пока цело!

Он был из низов и поэтому не особенно выбирал выражения.

Целое Число махнуло на них рукой и приступило к очередным задачам.

А Числитель и Знаменатель — призадумались. Потом Числитель нагнулся, постучал в черточку:

— Послушайте, — говорит, — может, нам и впрямь с другой дробью сложиться?

— Э, шалишь, брат, — возразил Знаменатель, — хватит с меня и одного числителя!

— Если уж на то пошло, — обиделся Числитель, — мне тоже одного знаменателя предостаточно.

Еще подумали.

Потом Знаменатель стал на цыпочки, постучал в черточку:

— Слышь, ты! А если нам так стать целым числом, без другой дроби?

— Можно попробовать, — соглашается Числитель.

Стали они пробовать. Числитель умножится на два, и Знаменатель — не отставать же! — тоже на два. Числитель на три — и Знаменатель на столько же.

Умножались, умножались, совсем изнемогли, а толку — никакого. Та же дробь — ни больше, ни меньше прежней.

— Стой! — кричит Знаменатель. — Хватит умножаться. Делиться давай. Так оно вернее будет.

Стали делиться.

Знаменатель на два — и Числитель на два, Знаменатель на три — и Числитель на столько же. А дробь — все прежняя.

Так ничего из их действий и не получилось. Каждый остался при своем: Числитель сверху, Знаменатель — внизу, Знаменатель большой, Числитель — маленький. И опять ссорятся, опять помириться не могут.

Видно, разделяет их не только черточка.

БИСЕКТРИСА

Заспорили Стороны угла, никак между собой не поладят.

— Я, со своей стороны, считаю... — говорит одна Сторона.

— А я считаю, со своей стороны... — возражает ей другая.

Ничего не поделаешь: хоть у них и общий угол зрения, но смотрят-то они на мир с разных сторон!

Проходила как-то между ними Биссектриса. Обрадовались Стороны: вот кто будет их посредником! Спрашивают Биссектрису:

— А вы как думаете?

— А ваше мнение каково?

Стоит посредник посреднике, колеблется. Не так ведь просто высказать свое мнение!

— Ну, скажите же, скажите! — тормозят Биссектрису со всех сторон.

— Я думаю, вы совершенно правы, — наконец, произносит Биссектриса, кивая в правую сторону.

— Ах, какая вы умница! — восхищается правая Сторона. — Как вы сразу все поняли!

А Биссектриса между тем поворачивается к левой Стороне и — тоже кивает:

— Ваша правда, я тоже всегда так думала.

Левая Сторона — в восторге:

— Вот что значит Биссектриса! Сразу сообразила, что к чему!

Стоит Биссектриса и, знай, раскланивается: в одну сторону кивнет — мол, правильно. В другую сторону кивнет — мол, совершенно верно. Мнение Биссектрисы ценится очень высоко, поскольку оно устраивает обе стороны.

ОСТРЫЙ УГОЛ

От этого Угла никому в учебнике не было покоя. Ох, и доставалось же от него геометрическим фигурам! Треугольнику доставалось за угловатость, Окружности — за обтекаемость, Квадрату — за отсутствие разносторонности.

Как всегда бывает, тут же находились охотники, которые подхватывали остроты Угла, и — начиналась критика. Эта критика из-за Угла приняла такие размеры, что к нему даже стали относиться с уважением.

Так пришла к Углу слава, а с ней и все остальное. Угол раздался, стал солидней, внушительней и — куда девалась его былая острота! Теперь уже никак не поймешь, отчего он отупел — от градусов или от всего остального.

УРАВНЕНИЕ С ОДНИМ НЕИЗВЕСТНЫМ

Разные числа — большие и малые, целые и дробные, положительные и отрицательные — впервые встретились в уравнении.

Они очень любезно и несколько сдержанно обменялись приветствиями, а затем стали знакомиться.

— Четверка.

— Очень приятно. Двойка.

— Тройка.

— И я Тройка. Значит, тезки!

— Одна Четвертая...

— Две Четвертых...

— Три Четвертых...

Очень быстро все перезнакомились. Только одно число не назвало себя.

— А вас как зовут? — стали спрашивать у него числа.

— Не могу сказать! — важно ответило это число. — У меня есть причины...

— Ах, подумайте, какие загадки! — затараторила Одна Девятая. — Как можно жить в обществе и совсем не считаться с его мнением!

— Спокойно, спокойно, — вмешался Знак Равенства — самый справедливый знак во всем задачнике. — Все выяснится в свое время. А пока пусть это число остается неизвестным. Мы назовем его Иксом. Что поделаешь — будет у нас уравнение с одним неизвестным.

Все числа согласились со Знаком Равенства, но теперь они вели себя еще сдержанней, чем даже во время знакомства. Кто его знает, что за величина этот Икс? Здесь нужно быть осторожным.

Некоторые попытались заискивать перед Иксом, но он так важно себя держал, что даже у дробей отпала охота добиваться его расположения.

— Ну, нет, — прошептала Двойка Четверке. — Ты как хочешь, а я перебираюсь в другую сторону уравнения. Пусть я буду там с отрицательным знаком, но зато не буду видеть этой персоны.

— И я тоже, — сказала Четверка и вслед за Двой-

кой перебралась в другую сторону уравнения. За ними последовали две тезки — Тройки, а потом и дроби — Одна Четвертая, Две Четвертых, Три Четвертых — и все остальные числа.

Икс остался один. Впрочем, это его не встревожило. Он решил, что числа просто не хотят его стеснять.

Но числа решили по-другому. Они сложились, перемножились и поделились, а когда все необходимые действия были произведены, Икс ни для кого уже не был загадкой. Он оказался мнимой величиной — такие тоже встречаются в математике.

То-то он так мнил о себе, этот Икс!

ТАБЛИЦА УМНОЖЕНИЯ

На последней странице тетради выстроилась таблица умножения. Строгие колонны чисел стоят, сомкнув ряды, и готовы по первому знаку продемонстрировать свою силу и мощь любому ученику — от первого до десятого класса.

По первому знаку — это понятно. Ведь командует парадом Знак Равенства.

— Равняйся! — командует Знак Равенства.

И числа равняются.

Дважды два равняется четырем.

Трижды пять равняется пятнадцати.

Семью восемь равняется пятидесяти шести.

Вот какая здесь во всем точность!

В таблице умножения суровая дисциплина, но числа подчиняются ей легко и охотно. Разве можно не подчиниться дисциплине, которая существует под знаком равенства?

ТРЕУГОЛЬНИК

Задумал Угол треугольником стать. Нашел подходящую Прямую линию, взял ее с двух сторон за две точки — и вот вам, пожалуйста, чем не треугольник?

Но Прямая оказалась строгой линией. Сдерживает она Угол, ограничивает. Теперь ему не та свобода, что прежде.

А вокруг, как назло, ломаные линии вертятся, выламываются:

— Ну, как ты, Угол, со своей Прямой? Ладите?

Что им ответишь? Молчит Угол. Молчит, а сам думает: «Зря я такую прямую линию взял. Ломаные — куда удобней!»

За этой мыслью пришла и другая.

«А вообще-то — чем я рискую? Можно такую ломаную найти, что она с моей Прямой и не пересечется».

Такая ломаная линия быстро сыскалась. Соединил ее Угол те же две точки, что и Прямая соединяла, осторожно соединил, чтоб не получилось пересечения, и — доволен.

Потом еще одной ломаной обзавелся, потом еще одной. А Прямая верит Углу, ни о чем не догадывается.

Но вот ломаные линии, как набралось их много, стали между собой пересекаться. Так закрутили Угол, так завертели, что его среди них и не видно.

Еле выпутался бедняга.

«Хватит, — решил, — возиться с этими ломаками. Лучше уж прямой линии держаться».

И опять остался Угол со своей Прямой. Дружно живут. Хороший треугольник.

Оно и понятно: через две точки, как свидетельствует геометрия, можно провести только одну прямую.

А ломаных — сколько угодно.

ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ЧИСЛО

Это число было настолько незначительной величиной, что стояло даже ниже Ноля, не говоря уже о других, положительных числах. Поэтому, не довольствуясь своим положением, оно все отрицало и стояло в задачке со знаком минус.

Но теперь все изменилось. Отрицательное Число возвели в степень, и оно стало положительной величиной. Оно утверждает то, что прежде отрицало, и отрицает другие отрицательные числа — ничтожные величины, стоящие ниже Ноля.

Минус на минус дает плюс — это простая арифметика.

ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Скромные однозначные числа Пять и Семь познакомились, понравились друг другу и решили помножиться. И вот в результате появилось на свет их произведение — Тридцать Пять.

Носятся сомножители со своим произведением, не могут им нарадоваться.

— Смотрите, — говорят соседям, — это наше произведение. Ну, каково? Двухзначное число, не то, что мы, однозначные.

А произведение — и не смотрит на сомножителей. Воротит нос, боится, как бы знакомые сотни чего не заподозрили. Как-никак, сомножители — однозначные числа, стыдно произведению иметь такую родню.

— Произведение ты наше единственное, погляди на нас, хоть словечко молви!

Куда там! До того ли сейчас произведению! Произведение давно забыло, кто его произвел на свет. Теперь произведению с самой Тысячей помножиться в пору!

ФИГУРА

Прибежала Трапеция к Окружности.

— Ох, ты даже себе не можешь, не можешь представить! Сверху плоско, снизу выпукло, а о боках нечего и говорить!

— Что — плоско? Что — выпукло? Ты объяснишь толком?

— Вот послушай, — стала объяснять Трапеция. — Появилась у нас в учебнике новая фигура. Откуда она взялась — никто не знает. Может, ее кто нарисовал — так, для смеха...

— Что же это за фигура?

— Как, ты еще ничего на поняла? Ну, пошли, сама посмотришь.

Пошли они смотреть на фигуру. А там уже такое творится! Треугольники, квадраты, параллелограммы... А в центре эта самая Фигура красуется.

При виде ее Окружность так и покатилась со смеху, но не успела откатиться особенно далеко — остановилась, призадумалась.

— Ты знаешь, — сказала она Трапеции, — в ней что-то есть. Вот эта линия — обрати внимание. Она выглядит вполне современно.

— Пожалуй, — согласилась Трапеция. — А поверхность? Видишь, какая у нее поверхность? У нас все слишком плоско...

— Да, мы привыкли к симметрии, — вздохнула Окружность. — А кому теперь нужна симметрия?

Подоспели и другие геометрические фигуры. Они с восхищением глядели на незнакомую Фигуру и в один голос вздыхали:

— Как это асимметрично!

И вот — Фигуры давно уже нет, а поглядите, что делается в учебнике. Ни одной геометрической фигуры невозможно узнать.

Все они на одно лицо: сверху плоско, снизу выпукло, а о боках нечего и говорить.

Мода — ничего не поделаешь.

Закон моды!

Он часто сильнее закона геометрии.

ЗНАКИ

Стоит Пятерка в задачнике, что-то тихонько подсчитывает. Вокруг много знакомых цифр, они то и дело окликают Пятерку, справляются о здоровье, желают всего наилучшего.

И вдруг:

— Стой! Отдай половину!

Пятерка растерялась.

— Я стою, — забормотала она, — но почему вы так со мной разговариваете?

— А как с тобой разговаривать? Сказано — гони трояк, и баста! Или не узнала меня? Я — Минус!

Пятерка попятилась в ужасе. Она много слыхала об отчаянном и жестоком Минусе, атамане разбойников, которые держали в страхе весь задачник.

— Ну, давай, а то отниму! — сказал атаман, свирепо шевеля усами. Но Пятерка от испуга не могла двинуться.

Тогда Минус отнял у нее три единицы и пошел себе как ни в чем не бывало. Он шел и пел свою атаманскую песню:

Я считаю —
Нечего считать,
Я предпочитаю
Вы-чи-тать!

— Эге, да ты, я вижу, с прибытком! — вдруг окликнули его. — Ну-ка, что там у тебя, выкладывай!

Бравый атаман разбойников сразу узнал этот голос. Он съежился и хотел было проскочить мимо, но его бесцеремонно взяли за шиворот.

— Ты никак спешишь? — ласково спросил толстый Плюс, для верности дав Минусу по загривку. Известный в задачнике коммерсант и делец, Плюс сам ни у кого ничего не отнимал, он только складывал то, что отнимал Минус.

— Да нет, куда мне спешить, — стал оправдываться Минус. — Просто не заметил вас, извините.

— Ладно! — сказал Плюс. — Давай, сколько там у тебя?

Он взял три единицы, отнятые Минусом у Пятерки, отпустил атамана на все четыре стороны и пошел себе, напевая:

Я не сплю и не лежу,
Я за цифрами слежу,
Все они у меня в услужении.
Все, что хочешь, я сложу,
Я ничем не дорожу,
Потому что я служу
Сложению.

Потом он остановился, чтобы прибавить новый заработок к прежней сумме, но ему помешали.

— Рад вас приветствовать! — сказал, подходя к нему, Знак Деления. — Кажется, у вас есть что разделить?

— Какое там есть! — несмело запротестовал Плюс. — Жалкие три единицы.

— Всякое деление благо, — сказал Знак Деления. — Делитесь и умножайтесь, как сказано в чистописании, то бишь, в арифметике.

— Но нас двое, — все еще сопротивлялся Плюс, — а три на два не делится.

— Не печальтесь, поделим. Дайте-ка сюда эту тройцу.

Он взял три единицы и удалился, оставив Плюс в полном недоумении, каким же образом тройка делится на два.

Мать—и—матика! —

тянул Знак Деления, уходя, —

Мать—и—ма...

— У вас отличное настроение! — сухо сказал ему Знак Умножения.

— О, я счастлив вас... — начал Знак Деления, но Знак Умножения его не слушал.

— Тут ко мне приходила Двойка, — продолжал он. — Она была Пятеркой, но ее ограбили. Позаботьтесь о ней — это по вашей части. И, кроме того, у вас что-то есть ко мне?

— Да так, ничего особенного, — замялся Знак Деления. — Пустяк... три единицы.

— Давайте их сюда, — сказал Знак Умножения.
И затянул свою песенку:

Богатство нужно так нажить,
Чтоб никого не потревожить.
Умножить — значит, умно жить,
А умно жить — умножить!

И, пряча полученные три единицы, крикнул вдогонку Знаку Деления:

— Так не забудьте об этой Пятерке! О той, которую ограбили!

ВЕЛИЧИНА

Позавидовала Единица Десятке.

«Конечно, с такой кругленькой суммой, как этот ноль, я бы тоже кое-что значила!»

Поэтому, когда Единице удалось, наконец, обзавестись нолем, она не поставила его сзади себя, как Десятка, а выставила наперед — пусть, мол, все видят!

Получилось очень внушительно:

0,1

Потом какими-то путями Единица добыла еще один ноль. И тоже выставила его наперед — глядите, дескать, какие мы:

0,01

Единица стала входить во вкус. Она только и думала, как бы скопить побольше нолей, и, после долгих и мучительных усилий, ей удалось собрать их в большом количестве.

Теперь Единицу не узнать. Она стала важной, значительной — куда до нее какой-то Десятке!

Теперь Единица выглядит так:

0,00000000001

Вот какой величиной стала Единица!

ВОКРУГ КАПУСТЫ

ДИВАН

Чемодану позавидовал Диван:
Все по свету разъезжает Чемодан.

Как печально, что привычка и уют
С места сдвинуться Дивану не дают!

Тихо дремлет в теплой комнате Диван
И во сне переплывает океан,

Добирается к вершинам снежных гор,
Поднимается в заоблачный простор...

Совершая эти подвиги во сне,
Он теснее прижимается к стене.

Так стоит Диван у печки круглый год
И скрипит, пыхтит уныло: «Не везет!»

ПЕЧКА

У старой Печки не хватает тяги
К тому, чтоб жить своею теплотой.
Ее знобит, ей холодно, бедняге,
Она горит единственной мечтой.

Все ждет она, что в этом помещении,
Чтоб ей не приходилось мерзнуть впредь,
Поставят паровое отопление —
И сможет Печка косточки погреть.

ПРЕСС-ПАПЬЕ

Ох и достается Пресс-папье!
Целый день какие-то помехи:
Тут дела на письменном столе,
А его зовут колоть орехи.

То его зачислят в молотки,
То в подставки, то еще во что-то...
И чернила сохнут от тоски,
От его общественной работы.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ

Развязный Галстук весел и беспечен,
И жизнь его привольна и пестра:
Заглядывает в рюмку что ни вечер,
Болтается по скверам до утра,
Сидит на шее и забот не знает
И так в безделье проживает век...

Подумайте!
А ведь его хозяин
Вполне, вполне приличный человек!

СОЧУВСТВИЕ

Повесив медный нос,
Кран изливает душу.

Растроганный всерьез,
Ушат развесил уши.

Стоит, разинув рот,
Понуро и убито

И горько слезы льет
На каменные плиты.

ЧУВСТВА

Хмурится обида на кого-то,
Гнев бушует,
Закипает страсть,
Плачет горе,
Трудится забота,
И надежда не смыкает глаз,
Мечется по миру беспокойство,
Все сердца и души теребя...
Мирно спит одно самодовольство,
Сытое,
Влюбленное в себя.

ЛЕНЬ

«О Лень! — возмутился Олень. —
Чего ты лежишь, словно пень?»

«Тю, Лень! — удивился Тюлень. —
Чего ты блуждаешь, как тень?»

Но им не ответила Лень:
Лень!

СКУКА

Все нудится Скука,
Мается,
По городу мрачно
Слоняется.
Затеет на улице
Ссору,
Намелет с три короба
Вздору,
Заходит в дома
Без стука,
И всюду она
Некстати...

Унылая штука
Скука.
Нелепая штука
Скука.
Придумайте скуке занятие!

РАБОТНИК

«Вот этот человек, — заметила Овца, —
Служил еще у моего отца.
Как он работал!
Просто глянуть любо.
Сбивался с ног, по дому хлопоча.
Отец-Баран новехонькую шубу
Ему пожаловал
Со своего плеча».

ЗЕРНО

Петух в науке своего добился,
Сумел подняться выше, чем орел.
Он ходит важно, он остепенился,
Сказать точнее, степень приобрел.
Что ж делает талантливый ученый?
По-прежнему клюет пшено?
Нет,
Извлекает он из рациона
Рациональное зерно.

ТРЮМО

Трюмо терпеть не может лжи
И тем и знаменито,
Что зеркала его души
Для каждого открыты.
А в них —
То кресло,
То комод,
То рухлядь,

То обновки...
Меняется душа Трюмо
Со сменой обстановки.

САМОСОХРАНЕНИЕ

Шнурки не надрывались на работе,
Болтались по обочинам дорог.
И на каком-то резком повороте
Их придавил рассеянный сапог.
Шнурки блуждали по земле с опаской,
Порваться прежде времени боясь,
И по причине этой неувязки
Безвременно их жизнь оборвалась.

ГРАДУСНИК

Ох, этот Градусник,
Стеклянный паренек,
Отзывчивая,
Чуткая натура!
В квартире кто-то
Сляжет на денек —
А у него уже
Температура.

ЗАВОДСКАЯ ТРУБА

Заводская Труба
Неуклюжа, груба
И совсем некрасива на вид,

Но она без красот
Достает до высот
И не даром небо коптит.

ШПИНГАЛЕТ

Вот уже десяток лет
На работе мирной
Незаметный Шпингалет,
Сторож наш квартирный.

Но не каждому знаком
Путь его тернистый...
Был когда-то он штыком,
Убивал фашистов.

На морозе и в огне
Приходилось драться...
А потом — конец войне,
Демобилизация.

И, бывалый фронтовик,
В битвах закаленный,
Поступил в квартиру штык
Сторожем оконным.

(Потому что — не секрет, —
Если дельно взвесить,
В мирной жизни Шпингалет —
Нужная профессия.)

И работает старик
Хорошо и молодо.
Он всегда готов, как штык,
Побороться с холодом.

И хотя напротив печь
(Подойди, погрейся!),
Но на печь его упечь
Даже не надейся!

Он с порядками знаком:
Служба — это служба.

И сумеет стать штыком,
Если будет нужно.

ВЕРА

Кажется Песчинке, что она
Выполняет важное задание:
Без нее бы рухнула стена,
Без нее бы обвалилось здание.
И не нужно на нее пенять,
Ни к чему пускаться в рассуждения:
Крепче будет здание стоять
От ее, Песчинки, заблуждения.

МЯЧ

Скачет Мяч,
Как циркач,
По дворам и крышам.

Чем сильнее
Удар,
Тем он скачет выше.

И ему
Ничего —
Сыро или сухо...

Посмотри
На него
И не падай духом.

ШИРМА

Ширму выставляют напоказ,
И ее, конечно, это радует.

Не случайно Ширма всякий раз
От восторга просто на пол падает.

Выставляют Ширму напоказ,
Но напрасно так она встревожена:

Ведь она здесь — для отвода глаз
От того, что видеть не положено.

ОРКЕСТР

У Скрипки не хватает настроения,
А у Кларнета — вдохновения.
Рояль сегодня что-то не звучит,
Не до игры расстроенной Гитаре...
И только Барабан восторженно стучит,
Поскольку он всегда в ударе.

СЧАСТЬЕ

Покрытая снегом, озябшая Елка
Прильнула к окну, подобравши иголки,
И жадно глядела на Елку в огнях,
Мечтая о собственных радостных днях.

А Елка домашняя, в ярком уборе,
Вздыхала о ветре, о снежном просторе,
О том, что она променяла вчера
На пеструю роскошь и блеск серебра.

ЛОПАТА

Лопата угловата
И тяжела для рук,
Но все-таки Лопата —
Надежный, верный друг.

Хоть ей пласты иные
Даются нелегко,
Она в дела земные
Вникает глубоко.

КИРПИЧ

В стене высотного строения
Кирпич — бессрочный строевой.
Бушуют ливни в исступлении,
Метели поднимают вой, —
Но все лихие непогоды

Ему как будто нипочем:
Кирпич прошел
Огонь и воду,
Покуда стал он —
Кирпичом!

ПАРОВОЗ

Он провел немало эшелонов
И с пути не сбился своего.
В чем же дело?
Где его вагоны?
Почему покинули его?

Есть ведь в нем
И сила и уменье,
К перегонам дальним он привык.
Почему ж стоит он без движенья?

Паровоз поставили в тупик.

СЛАВНЫЙ ТОК

Ток торопится,
Спешит
На работу срочную:
Дальний путь его лежит
В область потолочную.
Трудный путь:
То вверх,
То вниз,
Ток — прекрасный альпинист,
Смелый и бывалый.

На любые этажи
Он по проводу взбежит,
Не устав нимало.
Лампочка на потолке —
Как тут не бояться?
Жизнь висит на волоске,
Может оборваться!
Очень тонкий волосок,
Как мышинный усик.
Побледнел бедняга Ток,
Дрогнул,
Но не струсил.
Лампа — это не предел,
Впереди
Немало дел.
Всюду ждут его услуг,
Току очень рады
Плитка,
Радио,
Утюг —
Торопиться надо!
Он с утра
Не пьет,
Не ест
В трудовой горячке.
Дело есть
И в МТС
И на водокачке.
Прибежит он на завод —
Там его работа ждет,
Вовремя поспел он.
Ну, давай
Включайся, Ток,
Заводи станки, браток,
Видишь —
Сколько дела!

БРИТВЫ

Какою бритвою скорей
Лицо себе поранить можно?
Не той, которая острее, —
С тупою будьте осторожны.

Пускай не вызовет обид
И шутка в нашем разговоре:
Острота зла не причинит,
А тупость — причиняет горе.

ПАССАЖИР

На остановке при посадке
Кричит он в гнев благородном:
«Чего толпиться на площадке?
Там впереди совсем свободно!»

Но лишь ему пробиться дайте,
Как он начнет ворчать сердито:
«Потише, эй, не нажимайте!
Здесь и без вас битком набито!»

РЕВНОСТЬ

От измены ревность не спасает:
Ревность — это глупый пес, который
Своего хозяина кусает
И свободно пропускает вора.

ФИЛОСОФИЯ

«Жизнь — это жизнь.
А свет — это свет.
А люди — всегда есть люди...
То, чего нынче, возможно, нет,
Завтра, возможно, будет...
Так оно дело...
Вот оно как...
Кто бы и как бы и что бы там...»

Старый,
Бывалый,
Матерый дурак
С начинающим делится опытом.

В СТРАНЕ ВЕЩЕЙ

ЧЕМОДАН

Я сказал Чемодану:

— Закрой глаза, я покажу тебе фокус.

Я взял ключик и помог Чемодану закрыть глаза. Потом подхватил его и понес.

Чемодан не возражал: он давно привык к тому, что с ним носятся. Он только скрипел недовольно:

— Скорей, скорей, скорей!

В номере гостиницы, куда мы прибыли, уехав от дома за тысячу километров, я поставил Чемодан на стул и помог ему открыть глаза. Затем я вытащил из него несколько вещей, которые мешали ему сосредоточиться, и спросил:

— Ну как?

— Ничего, — сказал Чемодан и, подумав, добавил: — Ничего особенного.

Да, конечно, он не увидел ничего особенного. Он просто попал из комнаты в комнату, проделав весь путь с закрытыми глазами.

Если бы Чемодан мог путешествовать с открытыми глазами! Он столько бы узнал, повидал бы массу интересного.

А потерял бы Чемодан совсем немного. Так, какие-то тряпки...

ЛЮБОВЬ

Былинка полюбила Солнце...

Конечно, на взаимность ей трудно было рассчитывать: у Солнца столько всего на земле, где ему заметить маленькую неказистую Былинку! Да и хороша пара: Былинка — и Солнце!

Но Былинка думала, что пара была б хороша, и тянулась к Солнцу изо всех сил. Она так упорно к нему тянулась, что вытянулась в высокую, стройную Акацию.

Красивая Акация, чудесная Акация — кто узнает в ней теперь прежнюю Былинку! Вот что делает с нами любовь, даже неразделенная...

ПОДСЛУШАННОЕ СЧАСТЬЕ

Все уснуло. В кухне совсем темно. Толстый, высокомерный, обычно мрачный и неразговорчивый Кувшин не замечает, что Чашка не одна, что рядом с ней — Ложка, и говорит:

— С тех пор, как я увидел тебя, Чашка, ничего мне не мило на этой полке. Я люблю тебя так, что не могу даже вместить в себе эту любовь...

Кувшин многого не может вместить — ведь он рассчитан только на три литра. Но любовь не меряют на литры, и поэтому признание Кувшина звучит довольно трогательно. По крайней мере таким оно кажется Ложке — невольной свидетельнице этого разговора.

— Пойдем со мной, Чашка, — продолжает Кувшин, — я уведу тебя в сказочную страну, в страну Чистых Скатертей и Просторных Буфетов. А если не хочешь, Чашка, мы останемся здесь и будем все равно счастливы.

«Пойдем со мной, Чашка», — говорит Кувшин, но Ложка слышит другое. И кажется ей, что говорит это вовсе не Кувшин, а ее знакомый маленький Ножик.

«Пойдем со мной, Ложка, — слышится ей. — Я люблю тебя, и поэтому ты будешь всюду со мной счастлива».

И они идут, идут вдвоем в чудесную страну Чистых Скатертей и Просторных Буфетов. Вернее, даже не идут, а летят, потому что их несет туда сказочный ковер-самолет, который люди называют подносом.

Вот, наконец, и она, эта прекрасная страна. В ней действительно стол с очень чистой скатертью, и вообще всюду такая чистота, что неряшливые пылинки в ужасе выбрасываются прямо из окна.

— Ну как, — спрашивает Ножик, когда они сходят с подноса на скатерть, — нравится тебе здесь?

— Да, очень нравится, — отвечает Ложка. Но больше всего ей нравится в эту минуту сам Ножик, который так и сияет от счастья.

И маленькая Ложка улыбается ему...

А потом, когда в кухню заглядывает рассвет, все оказывается совсем иначе. Кувшин стоит на своем месте, по-прежнему высокомерный и неразговорчивый, и полон он, как всегда, простокваши, а совсем не любви. И у Ножики очень скучный, неинтересный вид. Никак не похоже, чтобы он знал дорогу в Страну Счастья.

Но Ложка верит, что это не так.

Она ждет ночи...

НЕЖНОСТЬ

Лучи сыплются на Землю, как снег, но совсем иначе ее согревают.

Снег напяливал на нее шубу, кутал Землю, советовал беречься, строго соблюдать постельный режим. Что подлаешь, видно, он, Снег, имел на это право...

Лучи скользят по воздуху, почти не смея коснуться Земли. У них нет теплых шуб, у них нет мудрых советов. Им остается согреть Землю только своей нежностью...

ЦЕПИ

Лишь только Колодезный Ворот начинает скрипеть, Бадья не выдерживает и со всей высоты бросается в воду. «Лучше утопиться, чем так жить!» — думает она.

А Ворот, искушенный в капризном характере своей подружки, думает: «Ну и топись! Без тебя хоть вздохну свободнее».

Проходит минута — Бадья не подает признаков жизни. «Утонет еще, чего доброго! — тревожится Ворот. — Да и я виноват — разошелся слишком».

И Ворот, тужась и кряхтя, вытаскивает Бадью, освобождает ее от воды, которой она порядочно нахлебалась, и клянется на будущее крепко держать Бадью, не давать ей спуску.

Но не проходит и нескольких минут, как все повторяется снова.

«Дернуло ж меня связаться с этой Бадьей! — скрипит Ворот. — Совсем закрутился я с ней. Ох, эти проклятые цепи!»

«Правда, если разобраться, — продолжает он рассуждать, — я тоже виноват. Разошелся слишком. Надо вытащить, а то утонет еще, чего доброго!»

ОСЕННЯЯ СКАЗКА

Взгляни в окно: ты видишь, одинокий лист кружится на ветру? Последний лист...

Сейчас он желт, а когда-то был зелен. И тогда он не кружился по свету, а сидел на своей ветке рядом с молодой, румяной вишенкой, которую любил всем сердцем.

Старый гуляка Ветер часто говорил ему:

— Пойдем побродим по свету! Повсюду столько румяных вишенок!

Но Листик не соглашался. Зачем ему много више-

нок, когда у него есть одна, его Вишенка, самая лучшая в мире!

И вот счастье его оборвалось. Вишенка вдруг исчезла, и никто не мог сказать, куда она девалась.

Стояла холодная осенняя пора, и все листья с дерева давно облетели. Только один Листик, осунувшийся, пожелтевший от горя, оставался на своей ветке: он все еще ждал, что вернется Вишенка.

— Что ты здесь высидишь? — убеждал его Ветер. — Пойдем поищем, — может быть, и найдем...

Ветер дунул посильней, и они полетели.

...Взгляни в окно: ты видишь, темные деревья зябко ежатся от холода. Еще бы: все одеваются к зиме, а они, наоборот, раздеваются. А вон там, видишь, кружится на ветру последний желтый лист. Это наш Листик, наш однолюб. Он все еще ищет свою Вишенку.

ШКАТУЛКА

— Эх ты, Шкатулка, — говорит Шкатулке Настольная Лампа, — посмотри-ка, что написано на бумажках, которые ты сохраняешь.

Но Шкатулка, сколько ни пытается заглянуть в себя, так ничего прочесть и не может.

— Что же там написано? — спрашивает она.

— Да вот — самые противоречивые вещи. На одной бумажке «Я тебя люблю», на другой, наоборот, — «Я не люблю тебя». Где же твоя принципиальность после этого?

Шкатулка задумывается. Действительно, она никогда не вникала в содержание бумажек, которые ей приходится сохранять. А там, оказывается, бог весть что такое написано...

Потом в комнату входит хозяйка. Она садится к столу, раскрывает шкатулку, и вдруг — кап, кап, кап — из глаз ее капают слезы.

Увидев, что хозяйка плачет, бедная Шкатулка совсем расстраивается.

«Конечно, — решает она, — это все из-за моей непринципиальности».

ПАМЯТЬ

У них еще совсем не было опыта, у этих русских, не тронутых сединой Кудрей, и поэтому они никак не могли понять, куда девался тот человек, который так любил их хозяйку. Он ушел после очередной размолвки и не появлялся больше, а Кудри часто вспоминали о нем, и другие руки, ласкавшие их, не могли заменить им его теплых и добрых рук.

Вскоре пришло известие о смерти этого человека...

Кудрям рассказала об этом маленькая, скрученная из письма Папильотка...

ФОРТОЧКА

Любопытная, ветреная Форточка выглянула во двор («Интересно, по ком это сохнет Простыня?») и увидела такую картину.

По двору, ломая ветви деревьев и отшибая штукатурку от стен, летал большой Футбольный Мяч. Мяч был в ударе, и Форточка залюбовалась им. «Какая красота, — думала она, — какая сила!»

Форточке очень хотелось познакомиться с Мячом, но он все летал и летал, и никакие знакомства его, по видимому, не интересовали.

Налетавшись до упаду, Мяч немного отдохнул (пока судья разнимал двух задравшихся полузащитников), а потом опять рванулся с земли и влетел прямо в опрокинутую бочку, которая здесь заменяла ворота.

Это было очень здорово, и Форточка прямо-таки содрогалась от восторга. Она хлопала так громко, что Мяч наконец заметил ее.

Привыкший к легким победам, он небрежно подлетел к Форточке, и встреча состоялась чуть-чуть раньше, чем успел прибежать дворник — главный судья этого состязания...

Потом все ругали Мяч и жалели Форточку, у которой таким нелепым образом была разбита жизнь.

А на следующий день Мяч опять летал по двору, и другая ветреная Форточка громко хлопала ему и с нетерпением ждала встречи.

СКАЛЫ

Красивы прибрежные скалы, особенно на закате, но заходящие в порт корабли обходят их стороной. Скалы пугают их своей неприступностью.

А на самом деле скалы вовсе не так неприступны. Каждая из них втайне мечтает о своем корабле, который придет когда-нибудь и останется с ней навеки. Но вы же знаете, какие сейчас корабли! Им подавай Причальную Тумбу, покорную Тумбу, для которой любой корабль заслоняет все море.

Приходят и уходят корабли, приходят и уходят. Где-то там, посреди океана, они забывают о тех, кого оставили на берегу, и мечтают о других берегах — далеких и незнакомых. Но в трудную минуту, когда налетают штормы и океан разевает черную пасть, корабли вспоминают... И не Тумбу, нет, не Тумбу вспоминают они. Корабли вспоминают неприступные скалы родного берега...

СОЛНЦЕ

Снизу, прямо с земли, бьет в глаза яркое Солнце. Что случилось? Может быть, Солнце опустилось на землю?

Нет, это не Солнце, это только Осколок, всего лишь маленький кусочек стекла. Некоторые считают, что весна его не касается, что не его дело соваться в весенние дела. Но он тоже радуется весне. Радуетя, как умеет.

Это радость делает его похожим на Солнце.

ЗВЕЗДЫ

В звездную ночь песчинки смотрятся в небо, как в зеркало, и каждая легко находит себя среди других, подобных ей песчинок.

Это так просто — найти себя: стоит только посмотреть в небо и поискать самую яркую звезду. Чем ярче звезда, тем легче жить на свете песчинке...

БЕРЕГ

— Ты не боишься утонуть? — спросила у Волны Щепка.

— Утонуть? — встревожилась Волна. — Ты сказала — утонуть?

И Волне впервые захотелось на берег.

Она прибежала как раз вовремя, чтобы захватить на берегу местечко получше, и осела на мягком песке, собираясь начать новую жизнь — без тревог и волнений.

И тут она почувствовала, что почва уходит у нее из-под ног.

— Тону! — вскрикнула Волна и ушла под землю.

МЕЧТА

Остановилась Лужица посреди дороги и ждет, чтоб на нее обратили внимание.

Прежде всего ее, конечно, нанесут на карту. Лужица будет выглядеть на карте неплохо — у нее такие ровные берега! Вот здесь, на этом берегу, наверно, построят санаторий. На том берегу — порт или еще что-нибудь. Да, кстати, почему в нее никто не впадает?

Размечталась Лужица — и это понятно: каждому хочется найти себя в жизни. Но теперь Лужица себя не найдет: она так воспарила в мечтах, что на земле от нее только сухое место осталось.

СТАРАЯ АФИША

Шелестит на ветру, останавливая прохожих, Старая Афиша:

— Подойдите, подойдите ко мне! Я свежа и ярка, я еще достаточно хорошо сохранилась!

Афиша охорашивается, принимает самые различные позы, но прохожие идут мимо и ее не замечают.

— Это будет очень интересный концерт, — продолжает она. — Веселый концерт. С участием самых лучших артистов...

Шелестит, шелестит, зазывая прохожих, Старая Афиша. И никак не может понять, что концерт ее давно пршел и больше никогда не состоится.

ОСЕНЬ

Чувствуя, что красота ее начинает отцветать и желая как-то продлить свое лето, Березка выкрасилась в желтый цвет — самый модный в осеннем возрасте.

И тогда все увидели, что осень ее наступила...

СКРОМНОСТЬ

— Посмотрите, как хорошо у нас в комнате, — говорит Занавеска деревьям с улицы.

— Посмотрите, как хорошо у нас на улице, — говорит она комнатной мебели.

— Мы ничего не видим, — отвечают деревья.

— Нам ничего не видно, — отвечает мебель.

— Мы видим только тебя...

— Только тебя...

— Ну что вы, — смущается Занавеска, — не такая уж я красивая...

ГВОЗДИК

Гвоздик высунулся из туфли, чтобы посмотреть, как поживает его Хозяин, и сразу услышал:

— Ой!

Гвоздик разволновался. Очевидно, у Хозяина какие-то неприятности? И Гвоздик высунулся еще больше.

— Ой! Ой! — вскрикнул Хозяин, а потом снял туфлю и забил Гвоздик молотком.

«Что-то он от меня скрывает! — подумал Гвоздик. — Но ничего, я все-таки узнаю, в чем здесь дело!» И он высунулся снова.

Хозяин рассердился, взял клещи и вытащил Гвоздик из туфли. Лежа в чулане среди ненужных вещей, Гвоздик думал:

«Гордый человек! Не хочет, чтобы другие видели, как ему тяжело живется!»

ХЛЯСТИК

— Замерзнет, небось, человек, — беспокоился Хлястик. — Руки, ноги, плечи поотмораживает. За поясницу-то я спокоен, здесь я лично присутствую. А как на других участках?

ДОРОГА

Прибежала Тропинка к Дороге и остановилась в восхищении.

— Теть, а, теть, откуда ты такая большая?

— Обыкновенно, — нехотя объяснила Дорога. — Была малой, вроде тебя, а потом выросла.

— Вот бы мне вырасти! — вздохнула Тропинка.

— А чего тут хорошего? Каждый на тебе ездит, каждый топчет — вот и вся радость.

— Нет, не вся, — сказала Тропинка. — Пока я маленькая, меня далеко не пускают, а тогда бы я... ух, как далеко ушла!

— Далеко? А зачем далеко? Я вот до города дошла, и все, с меня хватит...

Поникла Тропинка и обратно в лес побрела. «С меня хватит!» Стоит ли ради этого быть Дорогой? Может, лучше остаться Тропинкой, навсегда затеряться в лесу?»

Нет, не лучше, совсем не лучше. Просто Тропинка ошиблась на этот раз, просто она вышла не на ту дорогу.

СТАРЫЙ ДОМ

Этому дому, наверное, двести лет. Он стоит, маленький, совсем ветхий, и как-то неловко чувствует себя среди прекрасных домов нового времени.

Трудно понять, каким чудом он сохранился. Его грудь не украшают мемориальные доски, его стены не подкрепляет авторитет великих людей, которые жили в нем или хотя бы останавливались проездом.

Но все-таки он не зря простоял столько лет, все-таки и в нем жили люди. Может, они тоже были великими, только никто этого не заметил?

ЗАНАВЕС

Всякий раз, когда спектакль близился к концу, Занавес очень волновался, готовясь к своему выходу. Как его встретит публика? Он внимательно осматривал себя, стряхивая какую-то едва заметную пушинку и — выходил на сцену.

Зал сразу оживлялся. Зрители вставали со своих мест, хлопали, кричали «браво». Даже Занавесу, старому, испытанному работнику сцены, становилось немного не по себе оттого, что его так восторженно встречают. Поэтому, слегка помахав публике, Занавес торопился обратно за кулисы.

Аплодисменты усиливались. «Вызывают, — думал Занавес. — Что поделаешь, придется выходить!»

Так выходил он несколько раз подряд, а потом, немного поколебавшись, и вовсе оставался на сцене. Ему хотелось вознаградить зрителей за внимание.

И тут — вот она, черная неблагодарность! — публика начинала расходиться.

КАРМАННАЯ ШКОЛА

ФИЗИКА И ЛИРИКА

Жил на свете, а точнее — в нашем городе поэт. По профессии-то он был поэт, а вообще — довольно сухой человек. Мрачный, неразговорчивый. Сказать по правде, ему и говорить-то было не с кем. Друзей поэт не имел, приятелей тоже. Разговаривал он только с редакциями, да и то по телефону. В одну редакцию позвонит — справится о поэме. В другую позвонит — стихотворением поинтересуется. В третью позвонит — спросит о миниатюре. И так изо дня в день.

Унылые звонки, односторонние. Все только поэт звонит, а чтобы ему кто-нибудь позвонил, — этого никогда не случалось.

И стало обидно Телефону, что его хозяин живет так невесело. «Дай-ка, — думает, — хоть я ему позвоню, если люди о нем забыли».

И вот в квартире поэта раздался звонок.

Первый звонок за многие годы.

Поэт снял трубку.

— Доброе утро, — сказал Телефон как можно вежливей. — Как вы себя чувствуете?

— Кто говорит? — спросил поэт. — Из какой редакции?

— Я не из редакции, — сказал Телефон. — И вообще вы меня не знаете.

— Так какого же дьявола вы мне звоните да еще

справляетесь о здоровье? Что вам за дело до моего здоровья?

— Не сердитесь, — мягко сказал Телефон. — Я просто спросил, думал, вам будет приятно...

Но поэт уже его не слушал. Он бросил трубку на рычаг и снова погрузился в работу.

«Я помешал ему, — корил себя Телефон. — Он сейчас занят, надо будет позвонить попозже».

— Вы напрасно на меня обиделись, — сказал он попозже. — Мне хотелось с вами поговорить, узнать, как вы живете...

— Хулиган! — закричал поэт. — Если вы не прекратите ко мне звонить, я позову милицию!

Но Телефон не прекращал звонить. Он звонил регулярно, утром и вечером, справлялся о здоровье, говорил такие слова, которых поэту прежде не приходилось слышать.

И когда Телефон позвонил в тридцатый, а может быть, в сотый раз, голос его показался поэту знакомым.

— Пойдите, пойдите! — воскликнул он. — Мне кажется, я уже слышал ваш голос!

— Ну конечно, слышали! — обрадовался Телефон. — Я звонил вам...

— Да, да, звонили!..

— И вы меня еще хулиганом обозвали.

— Хулиганом? О, простите, пожалуйста!

— Ничего, я не сержусь.

Они очень подружились — поэт и его Телефон. Каждое утро поэт ждал звонка, а вечером не мог лечь спать, пока Телефон не пожелает ему спокойной ночи.

А когда однажды Телефон не позвонил, поэт просто не находил себе места. Он долго ходил из угла в угол, а потом взял телефонную книжку и позвонил по первому попавшемуся номеру.

— Доброе утро, — сказал поэт. — Как вы себя чувствуете?.. Вы меня не знаете, но не сердитесь, пожалуйста. Просто мне захотелось поговорить с вами, узнать, как вы живете...

ВСЕМИРНОЕ ТЯГОТЕНИЕ

Травинка выткнулась из земли и увидела над собой звезды. Их много, они со всех сторон, они обступают Травинку, и ей приятно, что звезды ее заметили.

Травинка тянется к звездам. Она даже немножко приближается к ним, но впереди остается еще довольно приличное расстояние.

Травинка тянется из последних сил. Ей необходимо узнать, что происходит там, наверху, и вообще — в мире. Потому что она любопытна, как все травинки, и еще потому, что это приближает ее к звездам...

А умирает Травинка на земле. Она не может расстаться с землей, слишком глубоко она пустила здесь корни.

РАБОТА

Стул забрался на стол с ногами и рассеянно наблюдал, как Щетка растирала мастику, стараясь довести пол до блеска. Потом ему захотелось поговорить.

— Трудная работа? — участливо спросил он и сам себе ответил: — Черная работа — она всегда трудная. Образование-то у вас, небось, никудышнее?

— Среднее техническое, — скромно ответила Щетка.

— Среднее образование? — изумился Стул. — И вы не могли найти более подходящую работу? Что-нибудь такое, умственное?..

Щетка посмотрела на Стул, который важно восседал на письменном столе, и сказала:

— Не всем же быть начальниками.

Стул выгнул спинку, минуту помолчал и проронил:

— Да, не всем... Но вы заходите... Я постараюсь что-нибудь для вас сделать.

На следующий день Щетка вымылась, причесалась и пришла в канцелярию Стула устраиваться на работу.

Она подошла к столу, на котором он вчера восседал, но Стула там не оказалось. За столом сидел человек и что-то быстро писал.

Щетка обошла вокруг стола и вдруг заметила Стул. Он стоял под человеком, крепко упершись в пол четырьмя ногами, и, казалось, целиком ушел в работу. Щетка хотела окликнуть его, но в это время человек сердито заерзал, очевидно, делая Стулу замечание, потому что Стул что-то проскрипел, словно оправдываясь.

И Щетка поспешила убраться из комнаты. Стул сейчас занят, Стулу нельзя мешать, у Стула серьезная, срочная работа.

Умственная работа!

ГРОМ И МОЛНИЯ

Грому — что, Гром не боится Молнии. Правда, с глазу на глаз переговорить с ней у него все как-то не получается. Больно уж горяча эта Молния: как вспыхнет!

В это время Гром и носа на свет белый не показывает. Не видать его, не слышать. Но зато как заметит, что Молнии нет на горизонте, — тут уж его не удержишь.

— До каких пор, — гремит, — терпеть все это?! Да я за такое дело!..

Так разойдется, так расшумится — только послушайте его! Уж он не смолчит, уж он выложит все, так и знайте!

...Жаль, что Молния слышать его не может.

ВНУТРЕННЕЕ СГОРАНИЕ

Слышите? Вы слышите, о чем шепчутся травы? Они вспоминают о Маленьком Уголке, который принес им счастье.

Когда-то здесь была грязная свалка. Только Обьедки да Огрызки были счастливы в ней. Трава и цветы никли и гибли от смрада. Казалось, некому о них подумать, некому их спасти. И вот тогда-то и пришел на свалку маленький рыжий Уголек.

Он увидел погибающие растения и сразу загорелся. Гнев и любовь, жалость и ненависть — все это, соединившись, создало прекрасное, сильное пламя, которого хватило бы не на одну свалку. Но одиночество — плохой помощник. «Пойду-ка я, поищу себе товарищей», — подумал Уголек и отправился в путь.

Не успел он сделать и нескольких шагов, как увидел первого жителя этих мест. Пятна грязи и копоти не могли скрыть чистоты и благородства, которые светились во всем облике незнакомца.

— Как тебя зовут? — спросил Уголек.

— Меня зовут Чистый Листик, сын Белой Бумаги, — ответил незнакомец. — Вот уже много дней пытаюсь я вырваться из этой грязи и нищеты — но все напрасно. Здесь властвуют грубые и жестокие Обьедки, с которыми трудно бороться.

— Пойдем вместе, — предложил ему Уголек. — Я уверен, что вдвоем-то нам удастся справиться с Обьедками.

Чистый Листик немного смутился.

— Понимаешь, Уголек, — замялся он, — я бы пошел с тобой без разговоров, но у меня... у меня...

— Что у тебя?

— У меня семья, — сказал Чистый Листик, потому что он был очень чистый и не умел ничего скрывать. — Я только недавно женился...

— Да, семья — это такое дело, — согласился Уголек. — С этим стоит считаться.

— Но что же делать? — вслух раздумывал Чистый Листик. — Жить среди этих Обьедков, да еще с семьей, просто невыносимо... А что если, — вдруг пред-

ложил он, — что если я жену прихвачу? Она у меня крепкая, выдержит.

— Трудно ей будет, — усомнился Уголек. — Но если выдержит — бери. Втроем — это даже сподручней.

Чистый Листик быстро слетал за своей женой.

— Вот это — Уголек, — познакомил он их, — а вот это — Щепочка.

Уголек посмотрел на маленькую, худенькую Щепочку и на всякий случай предупредил:

— Мы идем на трудное дело. Неизвестно, вернемся ли назад. Не испугаетесь?

Щепочка прижалась к своему Чистому Листик и прошептала:

— Не испугаюсь.

И началась упорная, тяжелая борьба. Обьедки не сдавались. Их поддерживали Огрызки, и даже старое, гнилое Полено, в котором когда-то тлело что-то справедливое, тоже выступило на стороне правителей — Обьедков.

Но маленький Уголек сумел так зажечь своих товарищей, что в конце концов вся грязь, наполнявшая свалку, была уничтожена. На месте бывшей свалки поднялась высокая, стройная трава, зацвели чудесные цветы.

...Слышите? Вы слышите, о чем шепчутся травы?

Они говорят о том, как приятно дышать полной грудью, как хорошо не знать власти хищных Обьедков. Они говорят о том, что в мире осталось еще немало грязи, что ни в коем случае нельзя допустить ее сюда, в светлую страну счастья, за освобождение которой погибли маленький Уголек, Чистый Листик и Щепочка.

О ТРЕНИИ

Носок оказался нелегким участком работы, и все нитки были натянуты до предела. С одной стороны на

них ботинок жмет, с другой — нога нажимает. Попробуйте поработать в таких условиях, попробуйте не допустить прорыва! Но нитки тесно сплелись между собой, крепко держались друг за дружку.

И вдруг — Дырка.

Совсем незнакомая Дырка, прежде таких дырок здесь не встречалось.

— Что — тянетесь? — крикнула Дырка, разинув пасть, что должно было означать улыбку. — Тянитесь, тянитесь, может, и вытянетесь прежде времени!

— Почему ты смеешься? — удивились Нитки. — Разве тебе никогда не приходилось работать?

— Работать? Мне? — еще шире улыбнулась Дырка. — Да вы, я вижу, меня совсем за дуру считаете. Не-ет, ребятки, это вы работайте, а я и без работы не соскучусь. — Так сказала Дырка и — показала ногу.

Это был до того неприличный жест, что нитки просто опешили.

— Как вы себя держите! — укоризненно заметила одна из них. — Где вы воспитывались?

— В самом лучшем обществе, — ответила Дырка. — Разве это не видно по мне? Разве у меня не достаточно изысканные манеры? — И — опять показала ногу.

Стали Нитки совестить Дырку, стали наставлять на путь истинный. Ничего не получается! Нитки, которые были поближе к ней, прямо надорвались, ее уговаривая, а Дырка ничего, даже больше от этого стала. Так разошлась, что всю пятку заняла, вверх по носку потянулась.

Пришлось вызвать Штопальную Иглу. Та прибыла с толстым клубком штопальных ниток и грибком — чтобы растянуть на нем носок и хорошенько разобраться, в чем дело.

Но разбираться-то особенно было нечего. Дырка — дырка и есть, и с какой стороны на нее ни смотри, все равно дырка.

Штопальная Игла даже не стала разговаривать с ней, а так — один стежок, другой стежок, — и все, Дырка сидит за решеткой. Крепкая решетка, надежная, из толстых штопальных ниток. Уж теперь-то Дырка не

разойдется, как прежде, уж теперь она ногу не покажет.

Какую там ногу! И самой-то Дырки не видно совсем, будто ее и не было.

СЛУХОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ

— Техника теперь далеко шагнула, — говорит Клипс в самое Ухо.

— Чего? — спрашивает Ухо.

— Техника, говорю, гляди, что делает.

— А?

— Раньше-то как было, — продолжает Клипс. — Раньше, чтоб серьгу приспособить, ухо проколоть надо было.

— Ухо? Что — ухо? — опять не слышит Ухо.

— Колоть, говорю, колоть! — надывается Клипс.

— А?

— А теперь — пожалуйста: и ухо цело, и я на месте.

— Чего?

Не слышит Ухо. Оно совсем глухое. Ему бы слуховой аппарат, да, по слухам, клипсы сейчас больше в моде.

ИСТОЧНИК ЗВУКА

Много лет провели вместе Смычок и Скрипка, и все любовались ими.

— Чудесная пара! — гудел Контрабас.

— И живут-то как! — добавлял Рояль. — Дружно, сыгранно.

Все было хорошо, но вдруг...

Старый Смычок решил, что Скрипка ему не пара.

«У нее слишком узкая талия», — подумал он и отправился искать себе другую подругу.

— Какая вы очаровательная, — обратился он к первой встречной Гармони. — Не согласитесь ли вы быть моей Скрипкой?

Гармонь только посмеялась в ответ: к чему ей Смычок?

«Вот с кем можно связать жизнь», — подумал Смычок, увидев Флейту.

Но и Флейта не захотела быть его Скрипкой.

Все отвергали предложение Смычка. Даже старая, всеми забытая Труба — и та от него отвернулась. Только легкомысленная Балалайка с радостью приняла его, и они зажили вместе.

Однако ничего путного из этой жизни не вышло. Балалайка привыкла обходиться без Смычка и теперь без него обходилась: брэнчала в свое удовольствие. А Смычок переживал, переживал, да и пошел на все четыре стороны, как ему посоветовала Балалайка.

Теперь Смычок уже не мечтает о Скрипке. Постарел он, сдал. И когда встретит на улице что-нибудь струнное — сгорбится, проскользнет мимо и — ни звука.

ЦЕНТР ТЯЖЕСТИ

Есть такая детская игра — кубики. Поставьте их один на другой, и у вас получится башня. И хоть башня эта ненастоящая, но сами кубики относятся к ней всерьез, будто то, что они делают, — совсем не игра, а самая настоящая, взрослая работа.

Интересно, о чем думают кубики в это время? Если хотите знать, совершенно о разном. Нижний Кубик думает, как бы башню на себе удержать, а Верхний — как бы самому наверху удержаться.

Вот потому-то, если уберете Верхний Кубик, в башне мало что изменится. А попробуйте убрать Нижний...

«ИСТОРИЯ КАПЛИ» —

написал я и посадил на бумаге кляксу.

— Вот хорошо, что ты решил обо мне написать! — сказала Клякса. — Я так тебе благодарна!

— Ты ошибаешься. Я хочу написать о капле.

— Но ведь я тоже капля! — настаивала Клякса. — Только чернильная.

— Чернильные капли разные бывают, — сказал я. — Одни пишут письма, упражнения по русскому языку и арифметике, вот такие истории, как эта. А другие, вроде тебя, только место занимают на бумаге. Ну что я могу написать о тебе хорошего?

Клякса задумывается.

В это время возле нее появляется маленький Лучик. Листья деревьев за окном пытаются не пустить его в комнату. Они шуршат ему вслед:

— Не смей водиться с этой неряхой! Ты испачкаешься!

Но Лучик не боится испачкаться. Ему очень хочется помочь чернильной капле, которая так неудачно села на бумагу.

Я спрашиваю у Кляксы:

— Ты действительно хочешь, чтобы я о тебе написал?

— Очень хочу, — признается она.

— Тогда ты должна это заслужить. Доверься Лучику. Он заберет тебя, освободит от чернил, и ты станешь чистой, прозрачной каплей. Для тебя найдется дело, только смотри не отказывайся ни от какой работы.

— Хорошо, — соглашается Капля. Теперь ее уже можно так называть.

Я стою у окна и смотрю на тучи, которые уплывают вдаль.

Где-то там, среди них, и моя Капля. И я машу ей рукой:

— До свидания, Капля! Счастливого пути!

А далеко-далеко, в знойной степи, качается на ветру Колос. Он знает, что должен вырасти большим и

что для этого ему нужна влага. Он знает, что без дождя высохнет на солнце и ничем не отблагодарит людей, которые так заботливо за ним ухаживают. Об одном только не знает Колос: о нашем уговоре с Каплей.

А Капля летит ему на помощь, и спешит, и подгоняет ветер:

— Скорее, скорее, мы можем не успеть!

Какая это была радость, когда она наконец прибыла на место! Капля даже не подумала, что может разбиться, падая с такой высоты. Она сразу устремилась вниз, к своему Колосу.

— Ну, как дела? Еще держишься? — спрашивает она, приземляясь.

И мужественный Колос отвечает:

— Держусь, как видишь. Все в порядке.

Но Капля видит, что не все в порядке. Она с большим трудом прогрызает черствую землю и доходит до самого корня Колоса.

Колос оживает, распрямляется, чувствует себя значительно бодрее.

— Спасибо, Капля, — говорит он. — Ты мне очень помогла.

— Пустяки! — отвечает Капля. — Я рада, что была тебе полезна. А теперь — прощай. Меня ждут в других местах.

В каких местах ее ждут, Капля не говорит. Попробуй теперь ее найти, — сколько на земле рек, озер, морей и океанов, и, можете себе представить, сколько в них капель!

Но свою-то Каплю я должен найти! Ведь я сам отправил ее в далекий путь, да еще пообещал о ней написать.

Паровоз, тяжело дыша, останавливается на узловой станции. Здесь ему нужно отдохнуть, запастись водой и горючим, чтобы с новыми силами двинуться дальше.

Журчит вода, наполняя его котлы. И — смотрите: в струе воды показалось что-то знакомое. Ну да, конечно же, это наша Капля!

Трудно Капле в паровозном котле! Жаркая здесь работа! Капля не только упарилась, но совсем превратилась в пар. И все же она неплохо справляется со своим делом.

Другие капли даже начинают прислушиваться к ее мнению по различным вопросам, обращаются к ней за советом, а она, собрав вокруг себя товарищей, командует:

— Раз, два — взяли! Ну-ка еще поднажми!

Капли нажимают еще, и паровоз мчится, оставляя позади одну станцию за другой.

Затем Капля прощается со своими товарищами: кончилась ее смена. Паровоз выпускает пары, и она покидает котел, а ее товарищи кричат ей вслед:

— Не забывай нас, Капля! Может, еще встретимся!

Стоит суровая зима, земля мерзнет и никак не может согреться. А ей нельзя мерзнуть. Ей нужно сохранить свое тепло, чтобы отдать его весной деревьям, травам, цветам. Кто защитит землю, кто прикроет ее и сам не побоится холода?

Конечно, Капля.

Правда, теперь ее трудно узнать: от холода Капля превратилась в Снежинку.

И вот она медленно опускается на землю, прикрывает ее собой. Охватить Снежинка может очень небольшое пространство, но у нее много товарищей, и всем вместе им удастся уберечь землю от холода.

Снежинка лежит, тесно прижавшись к земле, как боец в белом халате. Злобно трещит Мороз, он хочет добраться до земли, чтобы ее заморозить, но его не пускает отважная Снежинка.

— Погоди же! — грозитя Мороз. — Ты у меня запляшешь!

Он посылает на нее сильный Ветер, и Снежинка действительно начинает плясать в воздухе. Ведь она очень легка, и Ветру с ней справиться нетрудно.

Но только Мороз, торжествуя победу, отпускает Ветер, как Снежинка опять опускается на землю, припадает к ней, не дает Морозу отобрать у земли тепло.

Ей на помощь приходит Весна. Она ласково согревает Снежинку и говорит:

— Ну вот, спасибо тебе, уберегла ты мою землю от Мороза.

Очень приятно, когда тебя хвалят. Снежинка буквально тает от этой похвалы и, снова превратясь в Каплю, бежит со своими товарищами в шумном весеннем потоке.

— Вот досада! Опять я кляксу посадил на бумагу! Ну скажи, чему ты улыбаешься, Клякса?

— Теперь-то ты напишешь обо мне, как обещал?

— Ах, это опять ты! Но я ведь предупреждал тебя, что ты должна заняться полезным делом. А ты как была, так и осталась Кляксой.

— Ну, нет! Теперь я — настоящая Капля. И я занимаюсь полезным делом.

— Почему же ты опять стала Кляксой?

Клякса хитро подмигивает мне:

— Иначе ты бы меня не узнал и не стал бы писать обо мне.

На этот раз я подмигиваю Кляксе:

— А ведь я написал о тебе. Так что ты зря волновалась. Вот послушай.

И я читаю Кляксе эту историю.

— Ну как, все правильно?

— Правильно, — с удовольствием соглашается Клякса. Но больше ничего не успевает добавить: появляется наш общий знакомый Лучик и начинает ее тормозить:

— Пойдем, Капля! Нечего здесь рассиживаться на бумаге!

И они улетают.

А я опять стою у окна и смотрю на тучи, уплывающие вдаль.

Где-то там, в этих тучах, и моя Капля. И я машу ей рукой:

— До свидания, Капля! Счастливого пути!

РТУТЬ

Услышала Ртуть, как люди железо плавят, и теперь к ней прикоснуться нельзя: убегает, не дается. Все боится, как бы и ее не взяли в переплавку.

Даже на работе, в термометре, не может Ртуть избавиться от страха. Едва лишь почувствует тепло — как припустит по столбику! А потом спохватится, остановится и показывает как ни в чем не бывало: «Температура нормальная — тридцать шесть и шесть».

Страх гонит ее дальше, да самолюбие не пускает. Вот так и стоит Ртуть на одной точке, не зная, как быть, и только после хорошей встряски окончательно приходит в себя.

НАПРЯЖЕНИЕ

— Напряжение! Подумаешь — высокое напряжение! — скрипит толстая бельевая Веревка, недовольно косясь на перегоревший Электрический Провод. — По-навешали б на тебя покрывал да пододеяльников — вот тогда б узнал, что такое настоящее напряжение!

ОТРАЖЕНИЕ

Зеркало и Портрет — давние противники. Послушали б вы, как они спорят между собой. Зеркало буквально лезет на стенку, чтобы доказать свою правоту. Портрет, чтобы доказать свою правоту, лезет на противоположную стенку.

Дело в том, что Зеркало и Портрет по-разному отражают действительность.

Портрет — довольно удачный снимок — просто фо-

тографирует жизнь, причем изображает ее преимущественно в серых красках.

Зеркало чаще всего вообще отображает не жизнь, а розовые обои на противоположной стенке.

Портрет создал один-единственный образ.

Зеркало хватается за все, но ничего удержать не может.

Но зато Зеркало идет в ногу со временем!

Но зато Портрет имеет свое лицо!

Кто из них прав? Ну-ка, подумайте!

ГРОЗА

Как только в небе загремело и засверкало, дождевые капельки в панике ринулись на землю. Они были так перепуганы, что, даже приземлившись, продолжали бежать по канавам и сточным желобам, выискивая самые спокойные, укромные местечки. Трудно было поверить, что эти грязные дождевые капельки еще недавно витали в облаках и даже закрывали собой солнце.

Успокоились дождевики лишь тогда, когда окончательно сели в свою лужу. И сначала с опаской, а потом все смелей они стали поглядывать на покинутое небо, которое теперь прояснилось, посвежело и переливалось всеми цветами радуги.

— Откуда она взялась? — недоумевали дождевики, глядя на Радугу. — Ее раньше не было, это мы хорошо видели!

— Счастливая! — завидовали другие. — Мы здесь в луже сидим, а она заняла все небо. Наше небо...

— Стоило ради этого перенести грозу...

— Подумаешь — гроза!

— Велика важность!

— В другой раз и мы будем умнее!

Так говорили дождевики, глядя на Радугу, рожденную грозой. А она сверкала, смеялась, но не над ними, а так, вообще. Разве можно смеяться над маленькими глупыми дождевиками?

ТЕНЬ

Что и говорить, этот Фонарь был первым парнем на перекрестке. К нему тянулись провода, тоненькие акации весело купались в его свете, прохожие почтительно сторонились, проходя мимо него. А Фонарь ничего этого не замечал. Он смотрел вверх, перемигиваясь со звездами, которые по вечерам заглядывали к нему на огонек.

Но однажды Фонарь случайно глянул вниз, и это решило его судьбу. Внизу он увидел странную незнакомку. Длинная и худая, одетая во все черное, она покорно лежала у ног Фонаря и, казалось, ждала, когда он обратит на нее внимание.

— Кто вы? — спросил Фонарь. — Я вас раньше никогда не видел.

— Я Тень, — ответила незнакомка.

— Тень... — в раздумье повторил Фонарь. — Не приходилось слышать. Вы, видно, не здешняя?

— Я твоя, — прошептала Тень, этим неожиданно смелым ответом кладя предел всем дальнейшим вопросам.

Фонарь смутился. Он хоть и был первым парнем на перекрестке, но не привык к таким легким победам.

И все же признание Тени было ему приятно. Приятность тут же перешла в симпатию, симпатия — в увлечение, а увлечение — в любовь. В жизни так часто бывает.

И опять-таки, как это бывает в жизни, вслед за любовью пришли заботы.

— Почему ты лежишь? — тревожно спросил Фонарь. — Тебе нездоровится?

— Нет, нет, не волнуйся. Я совершенно здорова. Но я всегда буду лежать у твоих ног. Ведь я — твоя Тень.

Дальнейший разговор принял характер, представляющий интерес только для собеседников.

Они встречались каждую ночь — Фонарь и его Тень — и, по всем внешним признакам, были довольны друг другом. Фонарь давно забыл о звездах и видел только свою Тень — больше его в мире ничего не интересовало. Даже закрыв глаза (а это бывало днем,

потому что все фонари спят днем), он любовался своей Тенью.

Но однажды в полдень, когда Фонарю не очень спалось, он вдруг услышал голос Тени. Фонарь прислушался и вскоре сообразил, что Тень говорит с Солнцем — большим и ярким светилом, о котором Фонарь знал только понаслышке.

— Я твоя, — говорила Тень Солнцу. — Ты видишь — я у твоих ног... Я твоя...

Фонарю захотелось немедленно вмешаться, но он сдержал себя: было как-то неловко заводить разговор при постороннем Солнце. Зато вечером он выложил ей все. Ему ли, Фонарю, бояться собственной Тени!

— При чем здесь Солнце? Я не знаю никакого Солнца, — оправдывалась Тень, но Фонарь был немолчим.

— Уходи сейчас же! — заявил он. — Я не хочу тебя знать!

— Знай меня, знай! — захныкала Тень. — Я не могу от тебя уйти.

И она говорила правду: разве может Тень уйти от такого яркого Фонаря?

— Не сердись на меня! — ныла Тень. — Давай помиримся...

Фонарь покачал головой.

О, напрасно он это сделал! Он покачал головой слишком категорически и — разбился. Многие потом судачили, что Фонарь покончил с собой от любви. А между тем это произошло только от его принципиальности.

Вот теперь Тень не пришлось упрашивать. Что ей оставалось делать возле разбитого Фонаря? Она прицепилась к пробежавшему мимо Автобусу и — была такова.

Она долго бегала по улицам, большая и толстая, как автобус, потом деловито шагала куда-то, озабоченная, как человек, и дремала в парке, спокойная, словно дерево. И каждый считал ее своей, потому что, когда она приходила к человеку, в ней ничего не оставалось от автобуса, а когда приходила к дереву, в ней не оставалось и тени от человека...

ТЕПЛОТА

Мерзнут окна. Они совсем побелели от холода, и ничего-ничего не видно за ними.

Но стоит дохнуть на них потеплей — и окна сбросят ледяные оковы и откроют вам столько интересного!

И вы поразитесь, как много могут они вместить — эти маленькие замерзшие окна...

КОСМИЧЕСКИЙ ВЕК

Снежинка, медленно опускаясь на землю, спрашивает у встречных Кустов:

— Это Земля? Скажите, пожалуйста, какая это планета?

— Да, кажется, это Земля, — отвечают Кусты. Но в голосе их не чувствуется уверенности.

ПОЛУСКАЗКИ

ПЕТУХ-МАССОВИК

На штатную должность в курятник был назначен Петух-массовик.

Это был дельный, опытный Петух. В свое время он подвизался в качестве штатного поэта в популярной газете «Быка за рога», потом возглавлял какую-то спортивную организацию, и вот теперь, в связи с развернувшейся кампанией за повышение вылупляемости цыплят, был брошен в курятник.

Петух собрал вокруг себя наседок и принялся разучивать с ними песню. Куры, взявшись за крылышки, ходили по кругу и пели:

Мы выполним, высидим долг до конца,
Яйцо — нашей жизни опора.
И если наседка уйдет от яйца —
Она не уйдет от позора!

Культурно-массовая работа была в разгаре.

Правда, куры с трудом выкраивали минутку, чтобы посидеть на яйце; правда и то, что цыплят с каждым днем вылуплялось все меньше.

Но это был единственный недостаток успешной борьбы за повышение вылупляемости.

МОДНИЦЫ

Мухи — ужасные модницы. Они останавливаются возле каждого куска приглянувшейся им узорчатой паутины, осматривают ее, ощупывают, спрашивают у добродушного толстяка Паука:

— Почем миллиметр?

И платят обычно очень дорого.

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ

Осел где-то набрался ума, это факт.

Еще совсем недавно вместе с Бараном купили они себе на базаре по возу дров. И вот у Барана уже не осталось ни поленца, а у Осла перед домом — почти нетронутый запас.

Пришел Баран к Ослу поучиться — как дрова экономить. Вошел и видит: стоит Осел посреди комнаты и ворочает здоровенное полено. В комнате холод, а он оттирает копытом пот со лба и приговаривает:

— Уф, жарко!

— Ты что делаешь? — удивился Баран.

— Разве не видишь? Греюсь, — ответил Осел и добавил для пущей важности: — Рационализация...

Еще больше удивился Баран и домой отправился. «Рационализация! Ишь, до чего додумался! И где это Осел ума набрался?»

МУРАВЕЙ

— Почему вы не носите очки? — спросили у Муравья.

— Как вам сказать... — ответил он. — Мне нужно

видеть солнце и небо, и эту дорогу, которая неизвестно куда ведет. Мне нужно видеть улыбки моих друзей... Мелочи меня не интересуют.

ШКОЛА

Пошел Гусь в огород посмотреть, все ли там в порядке. Глядь — на капусте кто-то сидит.

— Ты кто? — спрашивает Гусь.

— Гусеница.

— Гусеница? А я — Гусь, — удивился Гусь и загоготал. — Вот здорово — Гусь и Гусеница!

Он гоготал и хлопал крыльями, потому что такого интересного совпадения ему никогда встречать не приходилось. И вдруг замолчал.

— А ты почему не хлопаешь? — спросил он почти обиженно.

— У меня нечем, — объяснила Гусеница. — Посмотри: видишь — ничего нет.

— У тебя нет крыльев! — догадался Гусь. — Как же ты летаешь в таком случае?

— А я не летаю, я только ползаю.

— Ага, — припомнил Гусь, — рожденный ползать летать не может. Жаль, жаль, тем более, что мы почти однофамильцы...

Они помолчали. Потом Гусь сказал:

— Хочешь, я научу тебя летать? Это совсем не трудно, и если у тебя есть способности, ты быстро научишься.

Гусеница охотно согласилась.

Занятия начались на следующий день.

— Вот это земля, а это — небо. Если ты ползаешь по земле, то ты просто ползаешь, а если ты ползаешь по небу, то ты уже не ползаешь, а летаешь...

Так говорил Гусь. Он был силен в теории.

Из-под капусты высунулась голова:

— Можно и мне? Я буду сидеть тихо.

— Ты что — тоже Гусеница?

— Нет, я Червяк. Но мне бы хотелось летать... — Червяк замялся и добавил, немного смутившись: — Это у меня такая мечта с детства.

— Ладно, — согласился Гусь. — Сиди и слушай внимательно. Итак, мы остановились на небе...

Они занимались каждый день с утра до полудня. Особенно старался Червяк. Он сидел не шелохнувшись и смотрел учителю в рот, а по вечерам старательно готовил уроки и даже повторял пройденный материал. Не прошло и месяца, как Червяк уже мог безошибочно показать, где находится небо.

Гусеница не отличалась такой прилежностью. На уроках она занималась бог знает чем: плела паутину и обматывала себя, пока не превратилась из живой, подвижной Гусеницы в какую-то восковую куколку.

— Так у нас дело не пойдет, — делал ей замечание Гусь. — Теперь я вижу, что ты, Гусеница, никогда не будешь летать. Вот Червяк полетит — за него я спокоен.

Червяк и тут прилежно слушал учителя. Ему было приятно, что его хвалят, хотя он и прежде не сомневался, что полетит: ведь у него по всем предметам были пятерки.

И вот однажды, придя на занятия, Гусь застал Червяка одного.

— А где Гусеница? Она что — больна?

— Она улетела, — сказал Червяк. — Вон, посмотрите. Видите?

Гусь посмотрел, куда показывал Червяк, и увидел Бабочку. Червяк уверял, что это — Гусеница, только теперь у нее выросли крылья. Бабочка легко порхала в воздухе, и даже сам Гусь не смог бы за ней угнаться, потому что хоть он и был силен в теории, но все-таки был домашней птицей.

— Ну ладно, — вздохнул Гусь, — продолжим занятия.

Червяк сосредоточенно посмотрел на учителя и приготовился слушать.

— Итак, — сказал Гусь, — о чем мы говорили вчера? Кажется, мы остановились на небе?..

ДОСТОИНСТВО

По величине Колибри чуть больше пчелы, но все-таки она — птица!

— Наши орлы — хорошие ребята, — говорит Колибри.

Так, между прочим, когда к слову приходится.

ХИТРАЯ КОШКА

Бежит Мышка по коридору, вдруг кто-то ее цап за шиворот! Скосила Мышка глаза, зажмурилась и решила сделать вид, будто она не узнала Кошку.

— Скажите, пожалуйста, вы не видели Кошку?

Кошка опешила:

— А вам что — нужна Кошка?

— Д-да, — пискнула Мышка.

«Что-то тут не то, — подумала Кошка. — На всякий случай правды говорить не следует».

— Кошка сидит в кабинете, — схитрила Кошка. — Она там всегда сидит... У нее там работа.

— Может, мне ее там поискать? — предложила Мышка, не совсем уверенная, что ее отпустят.

— Что ж, поищите, — разрешила Кошка, а про себя подумала: «Беги, беги, так ты ее и найдешь! Вот так дураков учат!»

Побежала Мышка. Сидит Кошка, ухмыляется: «Ай да я, ай да Кошка! Хорошо Мышку за хвост провела!»

А потом спохватилась: «Как же так? Выходит, я ее за здорово живешь отпустила? Ладно, попадешься ты мне в другой раз!»

И в другой раз попалась Мышка.

— Ну как, нашли вы тогда Кошку? — спросила Кошка, зло радуясь.

— Да, да, не беспокойтесь, — заторопилась Мышка, а сама так и смотрит, куда бы улизнуть.

«Ну, погоди, — решила Кошка. — Сейчас я тебя поймаю!»

— Значит, Кошка в кабинете сидит?

— В кабинете.

— И вы можете ее привести?

— М-могу...

— Ну-ка приведите.

Побежала Мышка.

Час прошел, и два, и три — нет Мышки. Конечно, где ей Кошку привести, когда Кошка — вот она! — здесь сидит.

Хорошо Кошка Мышку обхитрила!

МУХА

Возле зеркала все время крутились какие-то люди, и Мухе захотелось узнать, что они там увидели. Дождавшись, когда все разошлись, Муха подлетела поближе и заглянула в зеркало.

— Подумаешь! — презрительно фыркнула она. — Обычная муха, я ее даже, кажется, где-то видела.

Муха призадумалась.

— Но что-то они все-таки в ней нашли. На меня, небось, и внимания не обращают, а на нее...

И Муха еще раз посмотрела в зеркало — теперь уже с уважением.

ХВОСТ

Надоела Зайцу нужда, и решил он продать свой хвост.

Пришел на базар, взобрался на холмик и ждет покупателей. Увидели Зайца лисицы, выстроились в очередь. Задние нажимают на передних, спрашивают друг дружку:

— Чего дают?

— Да вот — хвост выбросили. Не знаю только, всем ли хватит.

— Ты гляди, не помногу давай, — кричат Зайцу. — Чтоб всем хватило!

— Да я не помногу, — косится Заяц на свой хвостик, — только не жмите так, пожалуйста!

Жмут лисицы, мнут друг дружке бока, каждая боится, что ей не достанется.

— Трудно нынче с хвостами, — жалуется лисицы. — Слыхано ли дело — за хвост две морковки!

— Нет, не слыхано, — соглашается Заяц. — Просто этот хвост мне дорог как память. Я его от родителей получил... Ой, не жмите, пожалуйста!..

Но его уже никто не слушал. Покупатели сбились в кучу, каждый норовил вцепиться в хвост. А когда куча рассеялась, Заяц куда-то делся, и на земле остался только его хвостик.

Только хвостик — и никакой возле него очереди.

ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД

Овца стоит перед парикмахерской и с завистью поглядывает на стриγουщую публику.

У себя на ферме Овца ненавидела стрижку. Но ведь там было совсем другое. Ее кормили, поили, стригли на дому и ничего за это не спрашивали. А здесь...

Если б у Овцы были деньги, она обязательно зашла бы постричься!

ЖЕМЧУГ

Среди дельфинов, акул и осьминогов Морской Клец не пользовался популярностью.

«Они даже не хотят меня есть! — обиженно думал

он. — Я проплываю у них около самого носа, а им — хоть бы что! Будто я и не Клещ, а совершенно пустое место».

Вот тогда Клещ и вспомнил о Моллюске — известном мастере, который умеет делать жемчуг.

— Я много слышал о вашем искусстве, — сказал он, посетив Моллюска в его раковине. — Но трудно поверить, что на свете возможны такие чудеса. Не согласитесь ли вы, чтобы меня убедить, сделать мне рубашку из жемчуга?

— Ну что ж, — сказал Моллюск, — я готов. Присаживайтесь, я сейчас же приступлю к работе.

Долго трудился Моллюск: рубашка из жемчуга — это нелегкое дело. Наконец, он сказал:

— Готово. Носите себе на здоровье.

— Спасибо! — прошептал Клещ. Жемчуг сдавил ему грудь, и он с трудом добавил:

— А не могли бы вы сделать мне из жемчуга еще штаны?

— Можно, — сказал Моллюск. — Сейчас сделаем.

Моллюск не жалел жемчуга, его увлекала сама работа. А когда кончил — снова сказал:

— Готово. Носите на здоровье.

Но Клещ уже не мог ничего носить. Он даже не мог двинуться. Однако жемчуг придал ему твердости, и он прохрипел:

— а-то...

— Что вы сказали?

— аль-то...

— Еще пальто хотите? А не будет ли тяжело?

Клещ ничего не ответил, и Моллюск снова принялся за работу.

— Ну вот, и пальто готово, — сказал он, прилаживая воротник. — Носите на здоровье.

Клещ молчал.

«Что с ним? — подумал Моллюск. — Почему он не отвечает?»

И, еще несколько раз окликнув Клеща, решил: «Подожду до завтра. Может, он устал и ему нужно выспаться».

Но наутро Клещ исчез вместе со своими обновками. Его вытащили из воды охотники за жемчугом.

В мире стало больше одной жемчужиной. Ею все любовались, и никто в ней не замечал маленького Клеща, который жизни не пожалел для того, чтобы его заметили...

ТРУДНЫЙ ЦЫПЛЕНОК

Не успел Цыпленок вылупиться, как тотчас получил замечание за то, что разбил яйцо. Бог ты мой, откуда у него такие манеры? Очевидно, это что-то наследственное...

МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ

Старенький толстячок Паучок, которого уже не держали ноги, свалился со стены прямо в бочку с медом.

Пока он барахтался, стараясь как-то выбраться, к бочке подлетела молоденькая Муха. Решив, что Паук — хозяин этих богатств, она сразу же начала плести свою невидимую мушиную паутину. И Паук, которого мед и старость окончательно лишили сил и сообразительности, конечно, не смог устоять.

Да это был медовый месяц!

Много соков вытянул Паук из мух за свой долгий век, но это был первый случай, когда муха тянула из него соки. Паук отошел, сгорбился, и когда соседские тараканы заглядывали в бочку с медом, они всякий раз удивленно качали головами:

— Вот так история! Влип Паук на старости лет!

СКАЗКА ПРО КОЗЛИКА

Жил-был у бабушки серенький козлик.

Пошел он однажды в лес погулять — зверей посмотреть, себя показать. А навстречу ему — волки.

— Привет, старик! — говорят. — Куда топашь?

Козлик чуточку струхнул, но ему было приятно, что такие взрослые волки с ним, как с равным, разговаривают, и это придало ему смелости.

— Здравствуйте, ребята! — сказал он, по примеру волков клацнув зубами. — Вот вышел немного проветриться.

— Прошвырнемся? — спрашивают волки.

Козлик не знал, что такое «прошвырнемся», но догадался, что волки приглашают его в компанию.

— Это можно! — тряхнул он едва пробивающейся бородкой.

— Тогда подожди здесь, — говорят волки. — Тут одно дело есть. Мы — мигом.

Отошли в сторонку и советуются, как с козликом быть: сейчас сожрать или на завтра оставить?

— Вот что, мальчики, — говорит один. — Жрать его нет смысла. Каждому на зуб — и то не хватит. А в селе у него приличные связи, они нам всегда сгодятся. Отпустим его. Хорошо иметь своего козла отпущения.

Вернулись волки к козлику.

— Слушай, старик, нужна помощь. Мотнись в село, приведи кого-нибудь из приятелей.

Пошел козлик, привел двух баранов.

— Вот, знакомьтесь, — говорит, — это мои приятели.

Стали волки с баранами знакомиться — только шерсть с баранов посыпалась. Козлик хотел было остановить волков, но побоялся, что они его засмеют, что скажут: «Эх ты, бабушкин козлик!», и не остановил, а только сердито боднул баранью тушу.

— Ишь ты, какой кровожадный! — с уважением заметили волки и этим окончательно покорили козлика.

— Подумаешь — два барана! — сказал он. — Я могу еще больше привести, если надо.

— Молодец, старик! — похвалили его волки. — Давай, веди еще!

Побежал козлик.

Но едва прибежал в село, его схватили и бросили в сарай: кто-то видел, как он баранов в лес уводил.

Услышала бабушка, что козлика ее посадили, и — в колхозное правление.

— Отпустите его, — просит, — он еще маленький, несовершеннолетний.

— Да он двух баранов загубил, твой козлик, — отвечают бабке в правлении.

Плачет бабушка, просит, домой не идет. Что с ней делать — отдали ей козлика.

А козлик, не успел на порог дома ступить — снова в лес. Волки его уже ждали.

— Ну что, где твои бараны? — спрашивают.

Стыдно было козлику рассказывать, как бабушка его выручала.

— Я сейчас, — говорит волкам. — Вы только подождите. Я их приведу, вот увидите.

Опять привел, опять попался. И опять его бабушка выручила. А потом бараны умнее стали: не хотят водиться с козликом, не верят ему.

Злятся волки, подтягивают животы. Смеются над козликом:

— Тоже, герой нашелся! Сказано — бабушкин козлик!

Обидно козлику, а что делать — не знает.

— Ты нас к бабке своей сведи, — предлагают волки. — Может, она хоть капустой нас угостит. Да и неудобно, что мы с ней до сих пор не знакомы.

— И верно! — обрадовался козлик. — Бабка у меня хорошая, она вам понравится.

— Конечно, — соглашаются волки. — Еще как понравится!

— И капуста понравится, — обещает козлик.

— Ну, это тебе видней, — уклончиво отвечают волки.

Привел их козлик домой.

— Вы пока знакомьтесь с бабушкой, а я сбегаяю в огород, капусты нарву.

— Валяй, — говорят волки. — Мы здесь сами найдем дорогу.

Побежал козлик. Долго не возвращался. Известное дело — пусти козла в огород!

Когда принес капусту, волков уже не было. Не дождалась они — ушли. Не было и бабушки. Бегал козлик по дому, искал ее, звал — да где там!

Остались от бабушки рожки да ножки.

ПО ЧУЖИМ НОТАМ

Скворец пошел на повышение: его назначили соловьем.

Сидит Скворец в кабинете и вникает в соловьиные дела: сегодня ему придется выступить на расширенном заседании заведующих секторами до, ре, ми, фа, соль и ответственных работников Управления по согласованию диссонансов. Остается только набросать выступление.

Скворец нажал кнопку, и в дверях неслышно появился начальник Соловьиного кабинета Воробей.

— Набросай-ка, голубчик, несколько нот по канареечному вопросу. Только, знаешь, в таком, мажорном духе.

Начальник Соловьиного кабинета вызвал к себе в кабинет свою заместительницу по работе среди женщин Ворону.

— Тут, товарищ Ворона, насчет канареек нужно что-нибудь придумать. Тащи сюда нотную энциклопедию, и займемся...

Вечером Скворец выступал на расширенном заседании. Поклевывая лежащую перед ним плотную стопку бумаг, он начал:

— Чик-чирик! Карр! Чик-чирик!

Заведующие секторами и ответственные сотруди-

ки Управления слушали, зевали, но не удивлялись: к таким выступлениям они давно привыкли. И во времена бывшего соловья Дрозда, и во времена Чижа, и во времена Зяблика — всегда выступления на любую тему звучали одинаково: «Карр! Чик-чирик!»

КУРИЦА

— Что ты грустишь? — спросила Курица Травинку.

— Мне нужен дождь. Без него я совсем завяну.

— А ты чего голову повесила? Тебе чего не хватает? — спросила Курица Ромашку.

— Дождь, только дождь мне нужен...

Интересно, кто он такой, этот дождь? Должно быть, красавец, не чета здешним петухам. Конечно, красавец, если все по нем с ума сходят!

Так подумала Курица, а потом и сама загрустила. И когда к ней подошел молодой Петух, который давно добивался ее расположения, она даже не взглянула на него. Она сидела, думала и вздыхала. Жизнь без любви — не жизнь, даже в самом лучшем курятнике.

— Что ты все квохчешь? — не выдержала Наседка. — Спала бы лучше...

— Ох, ты ничего не понимаешь, — опять вздохнула Курица. — Мне нужен дождь. Без него я совсем завяну.

Наседка только развела крыльями и опять задремала.

А наутро пошел дождь.

— Эй, хохлатка! Вон и твой долгожданный! — крикнула Наседка. — Беги скорее, пока не прошел!

Курица выскочила из курятника, но тотчас же влетела обратно.

— Да он мокрый! — кудахтала она, отряхивая крылышки. — Какой охальник, грубиян! И что в нем могли найти Травинка и Ромашка?

Когда молодой Петух подошел к ней, чтобы выразить свое сочувствие, он показался ей значительно интересней. Это ничего, что у него немножко кривые ноги. «Это даже красиво», — решила она про себя.

Через несколько дней они поженились и отправились в свадебное путешествие — через двор к деревянному сараю и обратно.

Как это было интересно! Петух оказался очень галантным кавалером и так потешно кричал «Ку-ка-реку!», что Курица не приходилось скучать.

Но вот в пути новобрачные встретили Травинку и Ромашку. Курицыному удивлению не было границ, когда она увидела, что Травинка и Ромашка поднялись, посвежели — одним словом, выглядели отлично. От бывлой грусти не осталось и следа.

— Ну, как дождь? — спросила Курица не без ехидства.

— Хороший дождь. Такой сильный! Он недавно прошел — вы разве не встретились?

«Какое лицемерие! — подумала Курица. — Радуются они, конечно, не приходу дождя, а его уходу. Я-то знаю, чего он стоит!»

И, подхватив своего Петуха, Курица заспешила прочь: все-таки Петух был недурен собой, хоть у него и были кривые ноги.

Но ему она ничего не сказала об истории с дождем. Во-первых, она слишком любила своего Петуха, чтобы его расстраивать, а во-вторых, в глубине души Курица рассчитывала как-нибудь, при удобном случае, еще раз выскочить под дождь. Просто из любопытства.

ИГОЛКА В ДОЛГ

Не дают Ежу покоя.

Только он свернется, уляжется в своей норе, чтобы соснуть месяц-другой, пока холода отойдут, вдруг:

— Разрешите войти?

Выглянет Еж за порог, а там — Хомяк-скорняк, шубный мастер.

— Простите, что побеспокоил. Не одолжите ли иголочку?

Что ему ответишь? Мнется Еж — и дать жалко, и отказать совестно.

— Я бы рад, — говорит, — я бы с удовольствием. Да у меня самого их маловато.

— Мне только на вечер, — просит Хомяк. — Шубу заказчику кончить нужно, а иголка сломалась.

С болью вытаскивает ему Еж иголку:

— Только прошу вас: кончите работу — сразу верните.

— Конечно, а как же! — заверяет Хомяк и, взяв иголку, торопится заканчивать шубу заказчику.

Еж возвращается в норку, укладывается. Но едва начинает дремать, снова стук.

— Здравствуйте, вы еще не спите?

На этот раз явилась Лиска-модистка.

— Одолжите иголочку, — просит. — Где-то моя затерялась. Искала-искала, никак не найду.

Еж и так и сяк — ничего не получается. Приходится и Лисе одолжить иголочку.

После этого Ежу наконец удается заснуть. Лежит он, смотрит свои сны, а в это время Хомяк уже шубу кончил и спешит к Ежу, несет ему иголку.

Подошел Хомяк к норке Ежа, постучал раз, другой, а потом и внутрь заглянул. Видит: Еж спит, посапывает. «Не стану его будить, — думает Хомяк. — Воткну ему иголку на место, чтоб зря не беспокоить, а поблагодарю в другой раз, при случае».

Нашел на ежовой спине место посвободнее и сунул туда иглу. А Еж как подскочит! Не разобрался, конечно, со сна.

— Спасите! — кричит. — Убили, зарезали!

— Не беспокойтесь, — вежливо говорит Хомяк. — Это я вам иголку вернул. Большое спасибо.

Долго ворочался Еж, не мог уснуть от боли. Но все-таки уснул и, забыв о Хомяке, снова за свои сны принялся. Как вдруг...

— Ай! — завопил Еж. — Спасите, помогите!

Пришел немного в себя, смотрит — возле него Лиска-модистка стоит, улыбается.

— Я вас, кажется, потревожила? Это я иголочку принесла. Уж так спешила, так спешила, чтоб вы не волновались.

Свернулся Еж клубком, брюзжит себе потихоньку. А чего брюзжать-то? С болью давал, с болью и назад получает.

ВЗГЛЯД НА МИР

— Пол — это потолок, — размышляет Муха, ползая по потолку.

— Пол — это стена, — соображает она, переползая на стенку.

А когда Муха доползает до пола, взгляды ее снова меняются:

— Пожалуй, все-таки пол — это пол, а стены — это стены...

Подобного мнения не могут разделить мухи, которые все еще ползают вверх ногами:

— Вы слышите? Пол — это пол! Ах, бедняга, как она опустилась!

РАДОСТЬ

Котенок проснулся и обнаружил у себя хвост.

Это было для него большим открытием, и он посмотрел на хвост недоверчиво, почти испуганно, а затем — бросился его ловить.

И, глядя на веселую, самозабвенную возню Котенка, как-то не верилось, что столько радости может доставить этот грязный, куцый, беспомощный хвостик.

ЧУДЕСНЫЙ КАМЕНЬ

Маленький жучок Солдатык возвращался на родину.

Служба его кончилась, и теперь он спешил домой, к своей Солдатке. Это очень веселое дело — возвращаться домой, поэтому настроение у Солдатыка было великолепное. Он шел строевым шагом, которому его обучили во время службы, и сам себе командовал:

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть!левой передней, правой передней!левой задней, правой задней!левой средней!.. — словом, ни одна нога не была забыта.

Красная спинка с черными пятнышками то пропадала в высокой траве, то снова появлялась на дороге. Она привыкла и к знойным лучам, и к холодным дождям, она много испытала, много вынесла, эта натруженная солдатская спинка.

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть...

Следуя таким бодрым шагом, Солдатык прошел к вечеру около семидесяти метров и стал устраиваться на ночлег. Солдатская служба научила его спать в любых условиях, поэтому он расположился прямо на земле, подложив под голову камень, и сразу уснул.

И приснилось Солдатыку, что он дома, со своей Солдаткой. Сидят они у порога, смотрят на звезды и мирно беседуют. Солдатык рассказывает о своих ратных делах, о премудростях воинской службы, а Солдатка почтительно поддакивает да удивляется. Все-то ей в диковину, все в новость.

Потом они вместе бродят по полям, отдыхают под стволами пшеничных колосьев, и Солдатка рассказывает, как она ждала Солдатыка, как без него тосковала.

Проснулся Солдатык и еще пуще домой заторопился. Но, отойдя несколько шагов, вернулся назад и взял камень, который ночью клал под голову. На вид это был обыкновенный серый камень, но Солдатык сразу понял, что он вовсе не так прост, как кажется на первый взгляд.

«Не на каждом камне такой сон приснится, — подумал Солдатик. — Видать, это — счастливый камень. Отнесу-ка я его домой, своей Солдатке в подарок».

И — опять зашагал по дороге.

Много дней шел Солдатик, пока добрался до своего дома.

Стал на пороге, крикнул:

— Эй, хозяйка, принимай гостя!

Подождал — никакого ответа.

— Ты что — спишь?! — крикнул снова.

Никто не отзывается.

Стали собираться соседи. Здоровались, поздравляли с благополучным возвращением и — почему-то прятали глаза.

Заметил это Солдатик, забеспокоился.

— Где моя Солдатка? Уж не случилось ли с ней чего?

Молчат соседи. Только жук Дровосек, старый друг Солдатика, сказал:

— Брось, солдат! Нечего тебе по ней печалиться.

— Да что ты говоришь! Спятил, что ли?

— Она здесь больше не живет, — сказал Дровосек, пропустив Солдатику грубое слово. — В амбар перебралась.

— В какой амбар?

— В зерновой. Ее Долгоносик, тамошний завхоз, взял к себе на содержание.

Постоял Солдатик, подумал.

— Долгоносик, говоришь? Ну что ж! Я и Долгоносика не испугаюсь. Мне наплевать, что он завхоз.

Пришел Солдатик в амбар.

— Здравствуй, жена. Вот я и вернулся. Собирайся — домой пойдём.

— Никуда я не пойду, — отвечает Солдатка. — Мало, что ли, я с тобой горя хлебнула?

Убеждал ее Солдатик, убеждал — ничего не получается.

— Ты вот к жене пришел после долгой разлуки, — говорит Солдатка. — А что ты принес? Принес хоть какой-нибудь подарок?

— Принес! — обрадовался Солдатик и протянул ей свой камень.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Долгоносик. — Вот это подарок!

— Ты чего смеешься? — рассердился Солдатик. — Как ты можешь смеяться, если ты ничего не понимаешь?

— А тут и понимать нечего! Таких камней у нас во дворе сколько хочешь валяется!

Видит Солдатик, что Долгоносик и вправду ничего не понимает.

— Глупый ты, Долгоносик, разве это такие камни? Это камни похожие, но не такие. И какой ты завхоз, если в простых вещах разобраться не можешь?

Эти слова задела Долгоносика.

— Ты мою должность не обижай, — сказал он. — Должность у меня трудная и неблагодарная. Работаешь с утра до вечера, спины не разгибаешь, и никто даже спасибо не скажет.

Неловко стало Солдатику, что он о Долгоносике плохо подумал.

— Извини, — говорит, — я к тебе ничего не имею. Ты, вижу, справедливый Долгоносик, и должность у тебя справедливая. Только мне за Солдатку обидно: как ни скажи, жена все-таки, тосковал я по ней, надеялся...

— Никакая я тебе не жена, — говорит Солдатка. — Ищи себе другую и таскай ей камни хоть со всего света.

Понял Солдатик, что толку от этого разговора не будет.

— Ну, коли так — оставайся, неволить не стану.

Взвалил на плечи свой камень и — пошел.

На опушке леса остановился, в последний раз посмотрел на свой дом и побрел прочь — куда глаза глядят. Больше не командовал себе: «Левой передней! Правой передней!» — и камень, который он нес, показался ему гораздо тяжелее.

К вечеру подошел к ручью.

Напился, отдохнул, а утром стал думать, как бы на

другую сторону перебраться. Смотрит — невдалеке листок на воде качается, а на нем — Комар, видать, перевозчик. Окликнул его Солдатик:

— Перебрось меня, друг, на ту сторону!

— Давай садись!

Но только Солдатик стал забираться на листок, Комар закричал:

— погоди, погоди! Ты куда — с камнем? Хочешь плот потопить?

— Это не простой камень, — объясняет Солдатик. — Это камень особенный.

— Вижу я, какой он особенный, — говорит Комар. — Обыкновенный камень.

— А может, ты сначала камень перевезешь, а потом меня? Так плоту легче будет, — предлагает Солдатик.

— Ты что — меня за дурака считаешь? Чтобы я камни возил, каких и на той стороне сколько хочешь валяется?

— Таких там нет, — говорит Солдатик. — Там совсем другие камни.

— Вот что, служивый! — разозлился Комар. — Хочешь ехать — садись, а нет — отчаливай. У меня и без тебя работы хватает.

— Ну, тогда прощай, — сказал Солдатик. — Я пойду погляжу, — может, как иначе переберусь на ту сторону.

Ходил, ходил, нашел самое узкое место. Попробовал — глубоко. Что делать?

И вдруг, пока он примерялся да раздумывал, выскользнул у него камень и упал как раз на середину ручья.

Стал его Солдатик вытаскивать. Взобрался на камень, смотрит — а с него до другого берега рукой подать. Перебрался через ручей и думает: «Вот так камень! Без него бы мне никак не перебраться!»

Вытащил камень из воды, взвалил на плечи и дальше пошел.

И даже как будто веселей ему стало. Идет, бубнит себе под нос какую-то солдатскую песенку и вдруг слышит:

— Здравствуйте, извините, пожалуйста, что нарушаю течение ваших мыслей...

Оглянулся Солдатык — никого не видно.

А голос продолжает:

— Осмелюсь спросить, как далеко вы направляетесь с такой тяжкой ношей?

Еще раз осмотрелся Солдатык и только тогда увидел маленького беленького червячка, который сидел под кустом и копался в каком-то клочке бумаги.

— Кто вы такой? — спросил Солдатык.

— О, простите, что не представился! — поспешно заизвинялся червячок. — Я — Книжный Червь. Работая в городе, в публичной библиотеке, а здесь го-щу у родственников.

— Понятно, — сказал Солдатык и хотел двинуться дальше, но Книжный Червь его остановил:

— Извините, пожалуйста. Очевидно, по рассеянности вы забыли ответить на мой вопрос. Я позволил себе поинтересоваться, куда вы направляетесь с этой легкой ношей.

— Как вам сказать... — замялся Солдатык. — Я и сам не знаю, куда иду...

— Ах, вы путешествуете! — подхватил Книжный Червь. — Ну что ж! Это весьма интересно. Необходимый отдых душе и телу, познание жизни во всех ее проявлениях... А что это вы несете с собой, разрешите полюбопытствовать.

— Это камень...

— Драгоценный камень? — оживился Червь. — Какой же, позвольте узнать? Изумруд, опал, сапфир или, может быть, аметист? Или...

— Да нет, это вовсе не драгоценный камень, — перебил Червя Солдатык. — Но для меня он дороже самого драгоценного. Понимаете — как бы вам это объяснить? Словом, это — счастливый камень.

— Простите, пожалуйста, — сказал Книжный Червь, — дайте мне на минутку сосредоточиться.

Он задумался и долго сидел неподвижно. Солдатык терпеливо ждал. Наконец, когда он уже собрался уходить, Книжный Червь вышел из задумчивости.

— Простите, — сказал он. — Значит ли это, что ваш камень имеет какое-то отношение к счастью?

— Конечно, имеет. Я же вам сказал, что это счастливый камень.

— Вы мне позволите еще на минутку сосредоточиться? — попросил Червь.

Солдатику неудобно было отказывать.

— Валяйте, — разрешил он. — Только не долго.

Червь опять ушел в себя. Он что-то вспоминал, повторяя в раздумье: «Счастье... Счастье... Счастье...»

— Вы знаете, — сказал он через полчаса, — мне кое-что приходилось читать по этому вопросу: Счастье — это высшее удовлетворение, полное довольство.

— Тоже сказали! — возмутился Солдатык. — Полное довольство! — Хуже этого ничего не придумаешь!

— Но ведь не я выдумал это определение, — несколько раздраженно, но не выходя из приличных рамок, заметил Червь. — Я вообще никогда ничего не выдумываю. Это определение я вычитал в словаре — очень солидном, авторитетном издании. А как вы сами понимаете счастье?

— Счастье, — сказал Солдатык, — это когда веришь в то, чего не имеешь, но очень хочешь иметь. Веришь и добиваешься.

— Я не стану с вами спорить, — снисходительно заметил Книжный Червь. — У вас, очевидно, просто нет достаточной подготовки в данном вопросе. Но объясните мне — почему вы называете этот камень счастливым?

— Это мой единственный друг, — сказал Солдатык. — Он не раз меня выручал. Когда бывает трудно, он помогает мне верить в лучшее. Стоит положить его под голову, и приснятся такие сны...

— Ну, я вижу, происхождение снов и сновидений вам также мало знакомо. Желаю вам восполнить этот пробел. Если вы заглянете ко мне в библиотеку...

Но Солдатык уже шёл дальше, оставив Книжного Червя гостить у родственников и сосредоточиваться, сколько ему заблагорассудится.

Долго странствовал Солдатык. Всюду смеялись над ним и над его камнем, никто не хотел их приютить, и

Солдатику приходилось ночевать под открытым небом. Его измучили дожди и ветры, он заболел гриппом, но зато...

Зато какие сны снились ему по ночам! Такие сны ни на каком другом камне, конечно, не приснятся!

Однажды, уже совсем больным, подошел Солдатык к домику Цикады. Он больше не решался проситься на ночлег, а устроился неподалеку, чтоб переночевать хоть вблизи жилья, если внутри не пускают.

Оставил Солдатык свой камень и пошел пособирать чего-нибудь на ужин. Вернулся, смотрит — Цикада возле его камня стоит, разглядывает. Поздоровался Солдатык, а Цикада спрашивает:

— Это ваш камень?

Подумал Солдатык, что сейчас его опять гнать будут.

— Вы не беспокойтесь, — говорит. — Я только немного передохну и дальше пойду. Я вам здесь не помешаю.

— Какой чудесный камень! — продолжает Цикада, не слушая его. — Это, должно быть, счастливый камень. И какие сны приснятся, если его положить под голову...

— Ладно, не смейтесь, — прервал ее Солдатык. — Я могу и сейчас уйти. До свиданья, всего хорошего.

— Пойдите, не уходите, — мягко сказала Цикада. — Я ведь не смеюсь. Я действительно никогда не видела такого камня.

— Не видели? — Солдатык так обрадовался, что больше ничего не смог сказать.

— Что же мы здесь стоим? — спохватилась Цикада. — Пойдемте в дом И камень берите — как бы его не утащили ночью.

Допоздна просидели они в этот вечер. Оказалось, что им многое нужно было друг другу сказать. А когда ложились спать, Солдатык уступил Цикаде свой камень: пусть, мол, и ей приснится хороший сон.

Чуть свет Солдатык заторопился в дорогу.

— Останьтесь, — просила Цикада. — Места хватит, да и лучше как-то вдвоем...

— Прощайте, — сказал Солдатык, — спасибо за

доброту. А на память обо мне оставьте себе этот камень...

— Нет, что вы, что вы! — запротестовала Цикада. — Такого подарка я не могу принять!

— Ничего, возьмите его, — успокоил ее Солдатык.
— Я себе другой камень найду. На свете много счастливых камней, стоит только поискать хорошенько.

И пошел он дальше бодрим солдатским шагом, командуя сам себе:

— Лево́й передней! Право́й передней! Лево́й сре́дней!.. Право́й задне́й!.. Раз, два, три, четыре, пять, шесть!

СОДЕРЖАНИЕ

В СТРАНЕ ВЕЩЕЙ

Путешествие в страну вещей	5
Ящик	6
Административное рвание. Краеугольный камень. Сила убеждения	8
Невинная Бутылка	9
Окурок. Погремушка	10
Решетка. Проблема Ломаного Гроша	11
Юбилей	12
Фонарный столб. Лоскут. Нравоучительная Книжка	13
Вечерний чай	14
Картина. Гипс. Идеалы	15
Удостоверение личности	16
Мемуары	17
Орехи. Софа Дивановна	18
Житейская мудрость. Кресло На страже морали	19
Пест в отставке. Трещина	20
Гиря. Пробочное воспитание	21
Печная Труба. Разговор об искусстве.	22
Светило	23
Колун. Пломба. Копилка	24
Пень. Чернильница изучает жизнь	25
Молоко (Сказки-пародии)	33

КАРМАННАЯ ШКОЛА

Принцесса Грамматика	37
Служебные слова	39
Мягкий Знак	40
Страдательное Причастие	41
Ударные и безударные	42
Полугласный	43
Новое значение	44
Инфинитив. Предлог	46
Ошибка	47
Иностранное Слово	48
Черточка	50
Восклицание	52
Имя Числительное	53
Вводное Слово	54
Безличный Глагол	55
Глухие и Звонкие	56
Корень	57
Три точки	58
Беглое Е	59
Частицы и союзы	60
Скобки	63

ВОКРУГ КАПУСТЫ

Ходики. Линейка.	67
Шкаф. Губка	68
Вешалка. Вещи	69
Резинка	70
Вентилятор. Слепые ветры	71
Дождь. Любовь	72
Кошелка и Кошелек. Мундштук	73
Туфля. Старый Ключ	74
Башмак. Набитый Портфель. Сундук	75
Цвет. Вокруг капусты	76
Собачья философия. В курятнике	77
Авторитетный переплет. Шишка Зависть	78
Щедрость. Спички. Частица «НЕ»	79
Кавычки	80
Точка. Психофизиология творчества	81

В СТРАНЕ ВЕЩЕЙ

Сплетня	85
Снежинки. Прыщ	86
Подковино счастье	87
Парус. Научный спор	88
Ставня. Светская жизнь. Загубленный талант	89
Несправедливость. Сильный аргумент	90
Пустая формальность. Заплата	91
Циркуль. Глина	92
Разговор с Колесом. Клякса. Колода	93
Опыт. Излияние	94
Часы. Секунда	95
Потерянный день	96
Свободный художник. Раковина	98
Злаки. Вечность	99
Яблоко. Заноза	100
Крапива. Пугало	101
Карандаш и Резинка. Вопрос жизни	102
Лесные припевки. Резиновый Шар	103
Портъера. Бумажная Роза (Пьеса-сказка)	104

ПОЛУСКАЗКИ

Ночь	117
Художник	118
Вишневая Косточка	120
Костер в лесу	123
Соседки	124
Полуправда	125
Хлорофилл	127
Подсолнух	128
Белая Тучка	129
Рассказ о Лесорубе, которому до всего было дело	131
Лесная сказка	133
Волшебная сказка	134

КАРМАННАЯ ШКОЛА

Сказка о математике	141
Ноль	143

Точка на плоскости	146
Степень Простая дробь	147
Биссектриса	149
Острый угол	150
Уравнение с одним неизвестным	151
Таблица умножения	152
Треугольник	153
Отрицательное Число. Произведение	154
Фигура	155
Знаки	156
Величина	158

ВОКРУГ КАПУСТЫ

Диван	161
Печка. Пресс-папье. Педагогическое	162
Сочувствие. Чувства	163
Лень Скука	164
Работник. Зерно. Трюмо	165
Самосохранение. Градусник. Заводская	
Труба	166
Шпингалет	167
Вера. Мяч	168
Ширма. Оркестр	169
Счастье. Лопата. Кирпич	170
Паровоз. Славный ток	171
Бритвы. Пассажир. Ревность	173
Философия	174

В СТРАНЕ ВЕЩЕЙ

Чемодан	177
Любовь. Подслушанное счастье	178
Нежность	179
Цепи. Осенняя сказка	180
Шкатулка	181
Память. Форточка	182
Скалы	183
Солнце. Звезды. Берег	184
Мечта. Старая Афиша. Осень	185
Скромность. Гвоздик	186
Хлястик. Дорога	187
Старый дом. Занавес	188

КАРМАННАЯ ШКОЛА

Физика и лирика	191
Всемирное тяготение. Работа	193
Гром и Молния	194
Внутреннее сгорание	195
О трении	196
Слуховые явления. Источник звука	198
Центр тяжести	199
«История Капли»	200
Ртуть. Напряжение. Отражение	204
Гроза	205
Тень	206
Теплота. Космический век	208

ПОЛУСКАЗКИ

Петух-массовик	211
Модницы. Рационализация. Муравей	212
Школа	213
Достоинство Хитрая Кошка	215
Муха. Хвост	216
Запретный плод. Жемчуг	217
Трудный Цыпленок. Медовый месяц	219
Сказка про Козлика	220
По чужим нотам	222
Курица	223
Иголка в долг	224
Взгляд на мир. Радость	226
Чудесный камень	227

Кривин Феликс Давидович

КАЛЕЙДОСКОП

Издательство «Карпаты»,
г. Ужгород, пл. Советская, 3.

Редактор *Е. Д. Лозинская*
Художеств. оформление *Е. Т. Мигунова*
и *Г. А. Томашевского*

Художеств. редактор *М. С. Макаренко*
Техредактор *М. Р. Лучкив*
Корректор *В. А. Бубряк*

ББ 00539 Зак. № 271. Сдано в набор 6. I. 1965.

Подписано к печати 19. III. 1965. Форм. бум. 84x108 1/32.

Печатн. л. 7,5. Усл.-печати. л. 12,6. Изд. л. 10,04.

Тираж 200.000 (1—150.000). Цена 55 коп. Т. П. — 1965, поз. 50.
Отпечатано с матриц Закарпатской областной типографии на
Киевской книжной фабрике Государственного Комитета Совета
Министров УССР по печати, ул. Воровского, 24.

